СОЧИНЕНІЯ

И

ПЕРЕВОДЫ

С. Тучкова.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ Типографіи Іос. Іоаннесова.

1816 года.

150

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска въ продажу представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Декабря 2 дня 1815 года.

Цензоръ Стат.. Сов. и Кавалеръ.

Гр. Яценковъ

БИБЛИОТЕКА ОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

АГАМЕМНОНЪ

ТРАГЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

СОЧИНЕНІЯ

С. Тучкова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

АГАМЕМНОНЪ, Царь Аргоса и Миссены, сынъ Атрея Царя.

КЛИТИМНЕСТРА, супруга Агамемнонова.

ЭЛЕКТРА, дочь Агамемнонова.

КАССАНДРА, дочь Царя Пріяма, плѣнница Агамемнонова.

ЭГИСТЪ, сынъ Царя Тіеста, родственникъ Агамемноновъ.

ХИРОНЪ, верховной Архонтъ, наставникъ и другъ Агамемноновъ.

ДАММЕТЪ, Архонтъ преданный Эгисту.

ПЕРВОСВЯЩЕННИКЪ, храма Аполлонова и два жреца.

АРХОНТЫ, старцы составляющіе верховной совѣтъ, или Ареопагъ въ отсутствіи Агамемнона.

ЭВРИМЕДОНЪ, конюшій Агамемноновъ.

ГИЛИСА, кормилица Ореста, сына Агамемнонова,

СТРАЖЪ, старой слуга Агамемноновъ.

СТРАЖА, Агамемнонова и Эгистова

НАРОДЪ, Аргосскій.

Дѣйствіе въ Аргосѣ.

АГАМЕМНОНЪ

ТРАГЕДІЯ

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Театръ представляетъ мѣсто собранія верховнаго совѣта, или Ареопага. — Съ одной стороны видны чертоги Атрея, отца Агамемнонова; а съ другой храмъ Аполлоновъ соединенной съ оными переходами, или Галлереей; при чертогахъ древняя башня; на Театрѣ ночь при лунномъ сіяніи.

СТРАЖЪ *на башнѣ.*

Когда трудамъ моимъ конецъ пошлете боги!
Уже въ терпеніи минули лѣта многи,
Какъ я на высотѣ Атрея древнихъ стѣнъ,
Подверженъ строгости всѣхъ воздуха премѣнъ,
Зрю многихъ сонмовъ звѣздъ во тьмѣ ночной теченье,
Вечерней лучь зари, и солнца восхожденье,

И появленіе блестящихъ тѣхъ планетъ,
Что зиму шлютъ съ небесъ и лѣтній солнца свѣтъ.
Служа тѣмъ замысламъ царицы горделивой,
Жду времяни, когда увижу огнь щастливой
Когда съ желаемой страны явится онъ? —
И ложа моего не посѣщаетъ сонъ;
Не допускаетъ страхъ сомкнуть спокойно вѣжды. —
Терпя толико лѣтъ, лишаюся надежды!....
Наскучитъ естьли мнѣ смотрѣть отсюда вдаль,
Коль пѣньемъ вздумаю прогнать когда печаль;
Оплакиваю въ немъ я сихъ чертоговъ долю,
Кляну несносный рокъ, кляну тирановъ волю!....

Появляется огонь вдали.

Ахъ! Что засвѣтлый лучь сквозь тьму блистаетъ намъ?....
Благодарю боговъ! Конецъ моимъ трудамъ!..

Зажигаетъ огонь на башнѣ.

Да возвѣстишъ сей огнь всѣмъ ясностью своею
Ту радость, кою я сказать еще не смѣю.
О нощь! Предвѣстница великихъ толь отрадъ,
Агамемнона къ намъ приближъ собой возвратъ!

О небо! соверши скорѣй судьбу желанну!
Спѣшу царицѣ вѣсть сказать неожиданну.
Я долженъ, сохраня восторгъ предъ всѣми
свой,
Лишъ Клитимнестрѣ то открыть теперь
одной.

Сходитъ съ башни.

Привѣтствую тебя небесное свѣтило!
Ты радостнымъ лучемъ день щастья пред-
варило,
Прогнало тучи бѣдъ, весь страхъ ужасныхъ
грозъ,
И торжество побѣдъ приводишъ къ намъ
въ Аргосъ!
Вѣщай, когда совсемъ разсѣешъ сердца муку,
И скороль я Царя облобызаю руку?
Тогдабъ я все... но нѣтъ. — Языкъ къ не-
щастью мой
Окованъ навсегда. — О рокъ! О жребій злой!..
Ахъ! Еслибы сіи чертоговъ древни своды,
Даръ слова обрели, презрѣвъ законъ природы,
Сказалибъ все онѣ, что было въ сихъ мѣ-
стахъ!..
Пойду, и возвѣщу о зримыхъ мной огняхъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ЭЛЕКТРА, ГИЛИСА.

ГИЛИСА.

Скажи Электра мнѣ, какія вновъ печали
Толь рано твоего спокойство сна прервали?

ЭЛЕКТРА.

Спокойство! — Можноли вкушать его тогда,
Когда со всѣхъ сторонъ грозитъ собой бѣда?
Отецъ подъ Троей мой сражаясь многи годы,
Какъ будто насъ забылъ, не внемлетъ гласъ природы!
А мать!... Ты вѣдаешь Гилиса всю напасть,
И знаешь пагубну ея къ Эгисту страсть!
Ужъ въ гордости своей онъ презираетъ мною!
Какою небеса страшатъ нашъ родъ судьбою?

ГИЛИСА.

Быть можетъ, боги здѣсь народа вняли стонъ,
И скоро въ славѣ къ намъ явясь Агамемнонъ
Прогонитъ навсегда твои и всѣхъ печали. —
Иль тщетно мы къ богамъ молитвы возсылали,
Иль Клитимнестра злымъ покорствуя судьбамъ...

ЭЛЕКТРА. *Увидя огонь на башнѣ.*

О небо! Что сей огнь предзнаменуетъ намъ?—
Не знакъ ли то какой?

ГИЛИСА.

Что намъ готовятъ боги
Не знаю; но уже отверзлися чертоги.
Эгиста замыслы всегда покрыты тьмой. —
Что хочетъ онъ начать? — И знакъ почто
такой
Явить здѣсь повелѣлъ, то вѣдаетъ царица;—
Ея во градѣ семъ съ нимъ правитъ всемъ
десница.
Архонты первую заемлющи степень,
Величья своего едину видятъ тѣнь.
Вотще взываетъ къ нимъ народъ въ жесто-
кой части,
Онъ страждетъ, покорясь тирана гордой
власти,
Что хитростію мать твою плѣня своей,
Одинъ власть царскую здѣсь раздѣляетъ
съ ней.
Не знаю приписать, какому то случаю?

ЭЛЕКТРА.

Отъ замысловъ ихъ бѣдъ я только ожидаю.
Увы! Разитъ меня въ душѣ смертельный
страхъ!

Одно уныніе я вижу въ сихъ мѣстахъ!
Жестокая печаль владѣющая мною,
Смутила весь мой духъ ужасною мечтою!
Сея нощи, какъ глаза сомкнулъ собой мнѣ сонъ,
Явился предъ меня тогда Агамемнонъ,
И съ нимъ его отецъ Атрей, изъ тьмы подземной,
Покрыты зрѣлися они одеждой черной —
Но надъ главой царя блистая нѣкій свѣтъ,
Казалъ величіе и множество побѣдъ,
Покрытъ пернатый шлемъ лавровыми вѣнцами,
И взоръ его сіялъ безсмертія лучами.
Я бросилась къ нему, въ горячности моей;
Но удержавъ меня рукою вдругъ Атрей
Далъ урну и сказалъ: „прими сей даръ плачевной,
„Покорствуй небесамъ, судьбѣ покорствуй гнѣвной!
Тутъ скрылся вмѣстѣ съ нимъ отъ взоровъ онъ моихъ.
Потомъ, сквозь страшный мракъ въ чертогахъ древнихъ сихъ
Я зрѣла Евменидъ съ суровостію взгляда,
Несущихъ пламень, смерть, тоску и ужасъ ада!
Шипящія змѣи вилися на главахъ,
Блисталъ свирѣпый гнѣвъ и звѣрство на очахъ,

Съ нимъ знаки гибели, отчаянья, печали!—
Стремясь они вездѣ, со стономъ повторяли.
Месть! Месть! Смерть! Слезы! Кровь! потребны въ жертву намъ!...
Я удалилася отъ нихъ въ ближайшій храмъ, —
Внезапно грянулъ громъ! Поколебались стѣны
И чувства ужасомъ толикимъ возмущенны,
Прервали сна мечты. — Но въ страхѣ мнѣ такомъ
Казалось что еще зрю Фурій, внемлю громъ!..
Гилиса что сіи видѣнья значутъ строги?

Огонь на башнѣ угасаетъ.

ГИЛИСА.

Да сохранятъ тебя отъ бѣдъ всесильны боги!
Да скроютъ въ мрачности ужасную мечту,
И дѣйствіемъ явятъ сихъ призраковъ тщету!
Да низпошлютъ они намъ жребій вожделенный!
Да въ гнѣвѣ сокрушатъ Троянски горды стѣны,
Да узритъ твой отецъ враговъ своихъ у ногъ! —
Но я Архонтовъ зрю. — Пойдемъ, пойдемъ въ чертогъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ХИРОНЪ, ДАММЕТЪ, АРХОНТЫ.

ХИРОНЪ *къ Архонтамъ.*

Архонты мудрые, Аргоса духъ и сила! —
Царицы воля насъ сюда соединила. —
Но неизвѣстенъ мнѣ собранія предметъ.
Не вѣдаешъ ли ты чего о томъ, Дамметъ?

ДАММЕТЪ.

Хиронъ, глава и вождь верховнаго совѣта,
Въ Аргосѣ правящій толико многи лѣта
Невѣдаетъ того такъ вѣдать какъ о семъ
Тому, кто отъ тебя зависитъ здѣсь во всемъ?
Но думаю, хотя незнаю мыслей трона,
Что радостная вѣсть пришла отъ Илліона.
Когда въ почтенное собранье шелъ я къ вамъ,
То заключилъ о томъ, по многимъ зря мѣстамъ
Въ чертогахъ торжества и жертвъ приготовленье.

ХИРОНЪ.

Дамметъ, ты симъ меня приводишъ въ удивленье!
Я знаю, что никто Скамандра отъ береговъ
Не пріѣзжалъ сюда. — И естьлибъ власть боговъ

Могла поколебать твердыню Иліона,
Ко мнѣ бъ явился здѣсь гонецъ Агамемнона.
Ахъ! Нѣтъ, не вѣрь Дамметъ пріятнымъ
симъ мечтамъ.
Пождемъ, что объявитъ о томъ царица намъ,
И что готовится отечеству Атридовъ?
Не ослѣпляй себя тщетою зримыхъ видовъ...
Уже теперь тому минуло десять лѣтъ,
Когда гласъ мщенія, гласъ чести, гласъ по-
бѣдъ
Внушилъ мысль пагубну великому Герою,
И тысяща судовъ пошли отсель подъ
Трою. —
Мы старостію бывъ сей славы лишены,
Зрѣть слѣдствія должны ужаснѣйшей войны!
Шлемъ Греціи мы цвѣтъ отсель въ пе-
чали съ страхомъ,
Но возвращаютъ къ намъ едины урны съ
прахомъ!
Напрасно премѣнить мы тщимся власть
судьбинъ,
Насъ можетъ сохранить отъ бѣдъ Зевесъ
одинъ!

ДАММЕТЪ.

Внимая гордости неистовый стремленью,
Всходя на высоту, сближается къ паденью;
Но за тріумфы кто благодаритъ боговъ,
Тотъ можетъ зрѣть всегда плоды своихъ
трудовъ.

Правдива брань сія. — Жестоки мстя обиды,
Подвиглися къ войнѣ великіе Атриды;
Хоть пагубна она. — Но воля въ томъ небесъ. —
И укрѣпятъ ихъ мечь всѣ боги и Зевесъ.

ХИРОНЪ.

Зевесъ намъ кажетъ свѣтъ, караетъ зло, пороки;
А наказанія его, для насъ уроки.
Злодѣй и въ самомъ снѣ терзается тоской,
Грызенья совѣсти мятутъ его покой,
И противъ воли къ намъ, стезею неизвѣстной
Приходитъ истина, премудрость даръ небесной.
Самонадѣянность всегда есть бѣдства дщерь,
Тираны зрятъ себѣ отверзту бездны дверь,
Хоть лесть плѣняетъ ихъ мечтой волшебна свѣта;
Но скоро ложная познается монета. —
Останется одно раскаянье и стыдъ
Младенецъ гонится — А птица улетитъ.

ДАММЕТЪ.

То правда, щастіе блистать не можетъ вѣчно
Въ слѣдъ радости летитъ мученіе сердечно.
Фортуна, сколь ни льститъ собою намъ она,
Ужасныхъ бѣдствіемъ питаетъ семяна.

ХИРОНЪ.

Я мыслю иначе о щастливой судьбинѣ.
Знай, дѣйствіе всегда подобно есть причинѣ.
Одно нечестіе влечетъ тьмы за собой,
Какія семяна, и плодъ пожнешъ такой.
Кто злыхъ страстей въ себѣ невѣдаетъ тиранства,
Страшиться долженъ ли судьбы непостоянства!

ДАММЕТЪ.

Прервемъ сей разговоръ, идетъ царица къ намъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

КЛИТИМНЕСТРА, ХИРОНЪ, ДАММЕТЪ, АРХОНТЫ.

ХИРОНЪ.

Внявъ Клитимнестра мы въ сей часъ твоимъ словамъ,
Собралися сюда. — Повѣдай намъ царица,
Что шлетъ отечеству всевышняя десница?

КЛИТИМНЕСТРА.

Да щастливая ночь родитъ блаженный день,
И погубитъ собой печалей нашихъ тѣнь!

Въ васъ радость превзойдетъ надежду всю
конечно.
Погибъ Пріямовъ градъ и родъ его съ нимъ
вѣчно.

ХИРОНЪ.

О Боги праведны! Что слышу? Илъ то сонъ?

КЛИТИМНЕСТРА.

Отъ Греческой руки палъ гордый Илліонъ.

ХИРОНЪ.

Лишаютъ силъ меня восторгъ и удивленье!

КЛИТИМНЕСТРА.

Особо. *къ Архонтамъ.*
О какъ терзаюсь я!.. Зрю ваше восхищенье
Такъ, Троя наконецъ повержена къ сто-
памъ,
И скоро мой супругъ сюда предстанетъ
самъ.

ХИРОНЪ.

Но вѣрно ли сіе? — Скажи, восторгъ удвоя,
Когда сокрушена Атридовъ гнѣвомъ Троя?

КЛИТИМНЕСТРА.

Сей нощи.

ХИРОНЪ.

Въ нощь сію!

Особо.

Какъ истинной почесть?

къ Клитимнестрѣ.

Кто скоро такъ сію къ тебѣ доставилъ вѣсть?

КЛИТИМНЕСТРА.

Когда Агамемнонъ пошелъ отсель подъ Трою,
Тогда условіе онъ положилъ со мною,
Что естьли покоритъ противный оный градъ,
То къ умноженію всей Граціи отрадъ,
Въ нощь перву дастъ мнѣ знать о щастливомъ дѣлъ видѣ.
И такъ, великій огнь блеснулъ на хладной Идѣ,
Оттоль Гермесовъ мысъ Лемноса на брегахъ
Явилъ подобный знакъ, чтобъ на крутыхъ верьхахъ
Аѳонскія горы, костеръ изъ древъ смолистыхъ
Свой Пламень передалъ сверхъ водъ Гилейскихъ чистыхъ,
И стражу извѣстилъ Массиста онъ собой;
А сей такой же огнь воздвигнулъ надъ горой,
Кой на Еврипы брегъ достигнулъ безъ препоны,
Оттоль на верьхъ крутой лѣсистой Киферoны,

Съ которой свѣтъ пустясь, какъ молнія изъ тучь,
На Эгиплантѣ вдругъ явилъ свой свѣтлый лучь,
Чрезъ блата пролетя Гаргопскія велики,
И освѣтя тотъ часъ заливъ и мысъ Сарники,
Вершину озарилъ Арханскія горы.
И такъ, сей огнь летя чрезъ долы и бугры,
Лучь первой коего узрѣла хладна Ида,
На древнемъ зданьи семъ явился онъ Атрида,
Гдѣ вѣрный стражъ его возжегъ своей рукой. —
Вотъ какъ далъ знать о томъ супругъ любезный мой.
Что взятъ Пріямовъ градъ, въ томъ нѣтъ уже сомнѣнья,
Спѣшите вы богамъ принесть благодаренья.

ХИРОНЪ.

Боговъ благодарить нашъ духъ всегда готовъ.
Но вѣрноли, что палъ сей гордый градъ враговъ? —
Не ложною ли мы прельщаемся мечтою?
Царица, мысль мою я предъ тобой не крою. —
Случайно можетъ огнь блеснуть съ ближайшихъ горъ,
И стража обмануть поставленнаго взоръ.

КЛИТИМНЕСТРА.

Особо. къ Хирону.

Ахъ! еслибъ было такъ!.. Отрынь заботы
бремя,
Докажетъ въ скорости сихъ словъ правди-
вость время.

ХИРОНЪ.

Хотябъ и рушилась Троянскихъ твердость
стѣнъ;
Тѣмъ подвигъ воинства не вовсе совершенъ.
Побѣды не всегда даютъ ему блаженство;
Но боги доблестей зрѣть любятъ совер-
шенство.
Да пощадятъ они безсмертныхъ олтари,
Да въ трескѣ огненномъ, средь пламенной
зари,
Свирѣпство съ жадностью не прейдетъ за
предѣлы,
И не подвигнетъ къ нимъ Зевесъ отмщенья
стрѣлы.
Чтобъ щастливо достичь отеческихъ бре-
говъ,
Примѣръ въ Троянахъ зря, да помнятъ
власть боговъ.
Не разъ великія побѣды знамяниты,
Героевъ кровію являлися омыты.

КЛИТИМНЕСТРА.

Почто воображать всегда однѣ бѣды?
Вѣнчало щастіе великія труды.

*

Поди, и возвѣсти паденье Илліона,
Вели предстать жрецамъ во храмѣ Аполлона,
Да жертвы принесетъ въ усердіи народъ,
Боговъ благодаря за множество щедротъ
Которые храня Агамемнона славу,
Толико вознесли Аргосскую державу.
Да совершатъ они великій жребій свой,
Да придетъ въ торжествѣ сей царь, сей вождь, герой! —
Да радуются всѣ страны сея народы,
Да царствуетъ онъ здѣсь во славѣ многи годы!

ХИРОНЪ *отходя.*

Ударь небесный громъ! Рази, карай того,
Кто мыслитъ иначе о жребіи его!

ЯВЛЕНІЕ V.

КЛИТИМНЕСТРА *одна.*

И такъ свершилось все. — О праведные боги!
За что, за что ко мнѣ одной вы только строги?
Жестокость вознеслась, невѣрность, ложь, обманъ
И скоро явится неистовый тиранъ!
Возможноли снести толикія премѣны?

Какъ, вспомня лютость всю, и всѣ его измѣны
Въ веселомъ торжествѣ могу предъ нимъ предстать?
Какъ мнѣ забыть о томъ, что я супруга, мать?
Тѣнь Ифигеніи стремясь всегда за мною,
Питаетъ ненависть, пронзаетъ духъ тоскою!
О гордость! О тщета! О бѣдствія вѣнецъ!
Сражаетъ дщерь свою предъ олтаремъ отецъ!
За что невинныя сомкнулись смертью очи?
За что цвѣтъ юности погибъ во мракѣ ночи?...
Чтобъ увѣнчать себя сіяніемъ побѣдъ,
Отецъ безъ жалости, какъ тигръ, кровь дщери льетъ!
Чтобъ вѣтры преклонить, смирить Эгейски воды,
Забылъ онъ нѣжный гласъ родства, любьви, природы!
Но что я говорить дерзаю о любьви?
Давно погасъ къ нему сей жаръ въ моей крови. —
И ненависти ядъ одинъ горитъ ужасный! —
Я презираю огнь его къ Хризисѣ страстный. —
Но, ахъ! бѣды грозятъ, и ближится напасть!
Извѣстна и моя ему къ Эгисту страсть!

Страсть, страсть къ отмщенію питаетъ
пламень люты̀й
Увы! дождусь ли я, той радостной минуты,
Какъ снидетъ въ вѣчный мракъ сей злой
Атрея сынъ?
О Боги! Небеса! О строга власть судьбинъ!
Почто, почто терпимъ сей извергъ, врагъ
природы,
Почто зритъ солнца свѣтъ, и мрачны ада
своды
Еще по днесь себя лишаютъ жертвы сей?
Неистовый Танталъ, жестокій самъ Атрей,
Не отягчилися подобными грѣхами,
Какъ сынъ ихъ щастія блистающій лучами!

ЯВЛЕНІЕ VI.

КЛИТИМНЕСТРА, ЭГИСТЪ.

ЭГИСТЪ.

Царица, правдали, что палъ Пріамовъ градъ?
Что войско въ торжествѣ ужъ двигнулось
назадъ?
Что вѣсть пришла уже о томъ отъ Илліона,
И скоро ждутъ сюда возвратъ Агамемнона?

КЛИТИМНЕСТРА.

Эгистъ, то истина, сомнѣнія въ томъ нѣтъ,
Что поспѣшаютъ къ намъ ужасны тучи бѣдъ,
И мѣры должно взять пропиву ихъ надежны.

ЭГИСТЪ.

Когда являются напасти неизбѣжны,
Надежду видѣть мы должны въ однихъ богахъ.
О Солнце! Зрѣло ты весь ужасъ въ сихъ мѣстахъ!
И въ гнѣвѣ праведномъ огнемъ кровавымъ рдѣя,
Сокрыло въ мракѣ взоръ отъ пиршества Атрея!...
Царь, царь нещастливый, Тіестъ родитель мой,
Неправедно тѣснимъ жестокою судьбой
И братомъ въ ужасѣ неистово гонимый,
Лишился чадъ своихъ, лишился Діадимы!
Война жестокая, хоть тягостна была;
Но миръ, но миръ свершилъ тогда жестокость зла!
Ты вѣдаешъ сіе, ты вѣдаешъ царица,
Что сей безжалостный невинныхъ чадъ убійца,
Атрей, узря въ войнѣ своихъ упадокъ силъ,
Ужасный оный миръ Тіесту предложилъ,
Дѣтей отдать ему тогда же обѣщая;
Но злобу тѣмъ свою явить искалъ случая
Увѣренъ клятвами, Тіестъ приходитъ въ градъ,
И ждетъ облобызать своихъ нещастныхъ чадъ.

Готово пиршество... О ненависть! О мщенье!
Смущаетъ весь мой духъ одно воображенье!
Какъ можно вымолвить?... Неистовый Атрей!
Поставилъ въ снѣдь ему рожденныхъ имъ дѣтей!!
Отъ самыхъ тѣхъ временъ пылаетъ гнѣва сила,
И въ сердцѣ ненависть свой корень утвердила!..
Тіестъ проклятія ужасныя изрѣкъ,
И съ тѣмъ оставилъ онъ страну сію навѣкъ...
Когдажъ Агамемнонъ вступилъ на тронъ Атрея,
Лютѣйшаго отцу явилъ собой злодѣя,
Которой странствуя изъ края въ край со мной,
Въ пустынѣ бѣдственно вѣкъ слезный кончилъ свой!
Потомъ Агамемнонъ отмщеніемъ пылая,
Не праведную брань воздвигъ за Менелая,
Пошелъ противъ Троянъ; но свой храня предѣлъ,
Со мной постановить миръ твердый захотѣлъ. —
Склонился я на то, и внялъ его прошенье,
Чтобъ тѣмъ удобнѣе свершить свое отмщенье. —
Но зрю, что гнѣвъ боговъ къ тому лишаетъ силъ.

Когда Агамемнонъ Пергамы покорилъ,
Онъ вступитъ съ торжествомъ въ сіи ужасны стѣны,
И могутъ страшныя послѣдовать премѣны.
Что намъ тогда начать, рокъ видя толь суровъ?
Ахъ! Лучше удалясь, искать его враговъ,
И возбудя въ сердцахъ правдиво сожалѣнье,
Нечаянно напавъ, свершить свое отмщенье.

КЛИТИМНЕСТРА.

Что слышу? Можно ли давать такой совѣтъ,
И оставлять меня среди пучины бѣдъ?
Узнавъ твое отсель внезапно удаленье,
Впадетъ Агамемнонъ въ ужасное сомненье
И уничтожить чтобъ жестоку ону месть,
Онъ замыслъ поспѣшитъ свой въ дѣйство произвесть.
Отринь Эгистъ сіе желаніе невольно,
Въ Аргосѣ преданныхъ имѣемъ мы довольно;
Но въ удаленіи тебѣ спасенья нѣтъ.
Поди, узнай о томъ, что дѣлаетъ Дамметъ?
Онъ нашъ вѣрнѣйшій другъ, онъ преданъ намъ неложно
И слѣдовать во всемъ его совѣтамъ можно.
А я, межъ тѣмъ велю приготовлять пріемъ,
Дабы Агамемнонъ въ прибытіи своемъ
Обманчивое зрѣлъ со всѣхъ сторонъ спокойство.

Поди. — Но сохраняй души великой свойство;
Смущенье преданнымъ печалью поразитъ,
Скрывай предъ ними ты отчаянія видъ.

ЭГИСТЪ *одинъ.*

Возстаньте въ помощь намъ, О праведные Боги!
Нептунъ, Эолъ, Борей взволнуйте бездны строги!
Велите бурямъ вы и пагубнымъ волнамъ
Пресѣчь Атридамъ путь къ отеческимъ брегамъ!
О вѣтры! О моря! О неба громъ ужасный!
Да не стремлю я къ вамъ взыванія напрасны!
Зевесъ отецъ боговъ! внемли мой гласъ, внемли,
И въ безднѣ погрузи Ахейски корабли!

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЭВРИМЕДОНЪ *одинъ.*

Страна Аргосская, Отечество драгое!
Гдѣ взросъ я въ радости, въ веселъѣ и въ покоѣ —
И такъ, чрезъ десять лѣтъ я храмы зрю твои,
Свершилися однѣ желанія мои,
Я первой зрю тебя, явяся изъ подъ Трои,
Межъ тѣмъ какъ лишены восторговъ сихъ Герои,
Что опровергнули Пріама горду власть! —
Увы! Да отвратитъ судьба отъ нихъ напасть!...
Теперь не ложными въ томъ льщу себѣ мечтами,
Что прахъ почіетъ мой съ родителемъ, съ друзьями...
Благодаря въ слезахъ Зевеса волю я,
Привѣтствую тебя, О родина моя!
А ты, что возставалъ противу силъ Аргоса,
Великій Аполлонъ! Богъ Пинда и Пафоса,

Внемли, внемли тебя благословляющъ гласъ,
И стрѣлы отврати твои навѣкъ отъ насъ!
Марсъ, браней судія, гнѣвъ коего жестокій
Лилъ крови Греческой обильные потоки,
Герои, древніе сей граждане страны,
Примите, что спаслось отъ люпыя войны!..
О домъ возлюбленный! Царей моихъ чертоги!
На востокѣ зримые семейственные Боги
Простите наконецъ, простите кроткій взглядъ,
Да грозные валы жизнь царску пощадятъ!
Нептунъ! Смири свой гнѣвъ, спаси Агамемнона,
Да придетъ въ градъ отцевъ рушитель Илліона,
Коль видитъ солнца свѣтъ еще въ семъ мірѣ онъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

ХИРОНЪ, ЭВРИМЕДОНЪ.

ХИРОНЪ.

Кого я вижу здѣсь?... То ты, Эвримедонъ!
обвемлетъ его.
Зевесъ! благослови возвратъ его достойно!

ЭВРИМЕДОНЪ.

Благословенъ мой рокъ; отнынь умру
спокойно.

ХИРОНЪ.

Скажи мой другъ, скажи, гдѣ царь Агамемнонъ,
И скороли сюда явится въ славѣ онъ?

ЭВРИМЕДОНЪ.

Не вѣдаю; но мню, что неба вышня сила
Дражайшу жизнь его собою сохранила.
Я первой съ кораблемъ пошелъ изъ всѣхъ
моимъ,
И первой щастливо къ брегамъ достигнулъ
симъ.

ХИРОНЪ.

Ужель увѣнчаны судьбой труды Героя,
И казнь достойную пріяла горда Троя?

ЭВРИМЕДОНЪ.

Такъ, промыслъ опровергъ коварный оный
градъ;
Но какъ? — О томъ тебѣ другіе возвѣстятъ.

ХИРОНЪ.

Ты частоль вспоминалъ мѣста сіи любезны?

ЭВРИМЕДОНЪ.

Ахъ! Радость видѣть ихъ лiетъ мнѣ токи слезны!

ХИРОНЪ.

Итакъ, прискорбiе былъ общiй намъ удѣлъ...

ЭВРИМЕДОНЪ.

Прискорбiе! Что ты сказать чрезъ то хотѣлъ?

ХИРОНЪ.

Жалѣть жалѣющихъ есть душъ правдивыхъ свойство.

ЭВРИМЕДОНЪ.

Хотя прельщали насъ и слава и геройство,
Но духъ отечеству всегда былъ преданъ весь.

ХИРОНЪ.

Вздыхали мы о немъ въ отсутствѣ вашемъ здѣсь,

ЭВРИМЕДОНЪ.

Но, что поистиннѣ блаженство тьмило ваше?

ХИРОНЪ.

Давно молчаніе, спасеніе есть наше.

ЭВРИМЕДОНЪ.

Чегожъ страшились вы въ отсутствіи царя?

ХИРОНЪ.

Какъ небыло бы то, боговъ благодаря,
Подобно какъ и ты, теперь умру спокойно.

ЭВРИМЕДОНЪ.

Забудемъ что прошло, почтимъ судьбу достойно;
Нельзя, чтобы она безъ перемѣнъ цвѣла,
И въ долго время толь не зрѣть добра и зла.
Кто кромѣ жителей безсмертныхъ и небесныхъ,
Всегда зритъ щастіе, средь радостей нелестныхъ?
Лишаясь десять лѣтъ отеческихъ браговъ,
Колико пренесли мы скорбей и трудовъ?
Какія въ славѣ намъ встрѣчалися печали?—
Прошелъ ли день одинъ, чтобъ мы невоздыхали?
Съ тѣхъ поръ какъ мы свои оставя корабли,
Коснулися ногой Пергамскія земли,

Съ тѣхъ поръ лежа близъ стѣнъ, сомкнуть не смѣя вѣжды,
Мы зрѣли гнившими на насъ свои одежды,
Отъ влажности земли, небесныя росы
Сѣдѣли видимо у воиновъ власы.
Какъ мнѣ изобразить жестоки оны зимы?
Туманъ, градъ, иней, снѣгъ всегда на Идѣ зримый?
Какъ можно изъяснить палящій лѣтній зной,
И въ полдень вредный толь валовъ морскихъ покой?..
Но что напоминать бѣды и всѣ печали,
Онѣ прошли уже, и насъ страшить престали
А наипаче тѣхъ въ живыхъ которыхъ нѣтъ
Остались лавры намъ, вѣнцы и блескъ побѣдъ.
Отнынѣ возвѣстимъ о томъ по всей вселенной,
Пускай познаетъ родъ въ потомствѣ удаленной
Что Греки Иліонъ повергнули къ ногамъ,
Трофеи принесли отеческимъ богамъ. —
И да рѣчетъ весь свѣтъ: Аргосску слава граду,
Вождямъ его хвала безсмертная въ награду
Зевесу вышня честь, святымъ его судьбамъ.
Они свершили то, ко щастью, иль къ бѣдамъ.

ХИРОНЪ.

Согласенъ я съ тобой? — Ахъ! истинно то
мнѣнье,
Что участь смертнаго всегдашне заблуж-
денье....
Но Клитимнестра къ намъ идетъ сюда одна,
Быть можетъ, что возвратъ твой вѣдаетъ
она.

ЯВЛЕНІЕ III.

КЛИТИМНЕСТРА, ХИРОНЪ, ЭВРИМЕДОНЪ

КЛИТИМНЕСТРА.

Ты здѣсь Эвримедонъ? Ты радость мнѣ удвоя
Увѣришъ скоро всѣхъ, что пала горда Троя.
Въ нощи далъ знакъ ужъ мнѣ то свѣтлый
лучь огня;
Но въ легковѣрности винили здѣсь меня,
И умствуя, явить старалися словами:
„Женѣ прилично мысль прельщать свою
мечтами.
Межъ тѣмъ жена сія, за отвращенье зла,
Ужъ жертвы должныя во храмѣ принесла,
Благодаря боговъ, щедроты зря толики,

И повторилися торжествъ во градѣ крики.
Скажи Эвримедонъ, какъ хитрый палъ Пріамъ? —
Но что я говорю? Супругъ мой скоро самъ
Опишетъ, какъ повергъ враговъ противны стѣны.
О день! Щастливый день, О радостны премѣны!
Послѣ толикихъ лѣтъ узритъ спокойство духъ,
И въ славѣ здѣсь ко мнѣ предстанетъ мой супругъ!
О небо! ускори судьбу толь долго, жданну
Умножъ веселіе и радость несказанну! —
Желанія мои сердечны увѣнчай;
Но гдѣ Агамемнон? Гдѣ вѣрный Менелай?

ЭВРИМЕДОНЪ.

Царица, предъ тобой я истинны не крою;
Атрида младшій братъ отторгнутъ бурей злою
Отъ нашихъ силъ морскихъ, на кораблѣ своемъ. —
Гдѣ онъ? Никто изъ насъ не вѣдаетъ о семъ.

КЛИТИМНЕСТРА.

Что слышу?... Но спѣши скорѣй къ Агамемнону!
И радость возврати народу, граду, трону!

Несносная печаль, уже толико лѣтъ
Являетъ намъ всегда ужасны тучи бѣдъ!
Спѣши. — Скажи ему, что вѣрная супруга
Горитъ скорѣй узрѣть царя, героя, друга!
Немедли, поспѣшай драгой Эвримедонъ!
Прерви мученіе, прерви сердечной стонъ!
Приближъ усердіемъ твоимъ сіе свиданье,
Сверши, скорѣй сверши, души моей желанье!

ЭВРИМЕДОНЪ.

Прости смущенію, что зришъ въ моихъ очахъ!
Не вѣдаю, въ какихъ искать его моряхъ?

КЛИТИМНЕСТРА.

О боги праведны!... Неужель вихрей сила
Всѣ Гречески суда собою истребила?

ЭВРИМЕДОНЪ.

Увы! сказала ты, сказать что должно мнѣ!

КЛИТИМНЕСТРА.

При коей буря та постигла васъ странѣ?

ЭВРИМЕДОНЪ.

Едва оставили мы берегъ Тенедоса,
И видѣнъ сталъ вдали высокій мысъ Лемноса,
Померкъ на западѣ багряный солнца лучь,

Угрюмымъ небеса покрылись мракомъ тучь;
Глубокихъ сокруша пещеръ своихъ заклепы,
Въ ущеліяхъ завылъ, ярясь Борей свирѣпый,
На бурныхъ низлетя съ Θракійскихъ горъ
крылахъ,
Ужасные бугры воздвигнулъ на зыбяхъ,
Которы премѣнясь потомъ въ сѣдыя горы
Глушили ревомъ слухъ, мрачили брызгомъ
взоры,
А въ безднахъ между ихъ былъ страшной
слышенъ стонъ
Сражались небеса во мглѣ съ верьхами волнъ;
Касаясь корабли собою дну морскому,
Терялись въ облакахъ, средь шуму водъ и
грому.
Забыли древнію вражду свою тогда
Двѣ грозны стихіи, для нашего вреда:
Ужасный дождь и градъ, громъ, пламенны
потоки
Являли въ ярости природы гнѣвъ жестоки;
Блистающій перунъ, дробя граниты скалъ,
Трепещущихъ пловцовъ взоръ блѣдный ос-
вѣщалъ,
Раздранны паруса жестокими вѣтрами,
На мачтахъ безъ снастей вились подъ об-
лаками. —
Отчаяніе, смерть, ужасну месть боговъ
Прерывно страшный свѣтъ являлъ среди
валовъ.

Но вдругъ удвояся жестокой бури сила,
Сгущенной въ небѣ тьмой пространство
водъ покрыла.
Тогда всѣ корабли изчезли отъ очей.
Мы къ небу вознеся молитвы гласъ своей,
Прощаясь съ ближними въ слезахъ, въ то-
скѣ, въ печали,
Единой въ оный часъ кончины ожидали.
Богъ нѣкій, между тѣмъ, покровъ явилъ
намъ свой,
Возсѣлъ къ намъ на корабль, кормило взялъ
рукой,
Управилъ путь, пресѣкъ смущеніе сердечно.
Богъ, смертный учинить не могъ сего ко-
нечно.
Съ нимъ щастіе само явилося пловцамъ;
Вотъ какъ достигли мы къ отеческимъ
брегамъ.

КЛИТИМНЕСТРА.

Особо.

Зевесъ! Услышъ мои мольбы съ небесна Трона!

къ Эвримедону.

Какъ мыслишъ, гдѣ теперь искать Агамем-
нона?

ЭВРИМЕДОНЪ.

Когда въ какой странѣ онъ видитъ солнца
свѣтъ,
Увы! Онъ думаетъ, что насъ въ живыхъ
ужъ нѣтъ!

КЛИТИМНЕСТРА.

О строги небеса! Чемъ грусть прервать жестоку?
Какову Боги градъ подвергните вы року?
Оресть въ младенчествѣ, я зрю себя вдовой!
Кто будетъ править здѣсь народною судьбой?
Внемлите небеса усердныя взыванья!
Смягчись жестокой рокъ! сверши мои желанья!...
Хиронъ, оставь меня. — Но въ тайности сокрой
Сію ужасну вѣсть, что рушитъ мой покой,
Не порази народъ жестокою напастью. —
А ты Эвримедонъ, спасясь безсмертныхъ властью,
Поди въ объятія семейства твоего;
Но крой причину въ немъ смущенья моего.

ХИРОНЪ.

Не ужель небеса къ Аргосу столько строги,
Иль вѣчно погубить хотятъ насъ въ гнѣвѣ боги?
Царица, можетъ быть смягчится вышня власть;
И скоро пресечетъ твою и всѣхъ напасть;
Быть можетъ, что сія ужасной бури сила

Супруга твоего въ свирѣпствѣ пощадила.
Согласенъ съ волей я и мыслію твоей,
Не должно оскорблять ужасной вѣстью сей
Народъ въ унынiи, простой и легковѣрной. —
Почто смущать его молвою толь невѣрной?
Колико въ ужасѣ средь пагубныхъ валовъ,
Зевесъ спасалъ отъ бѣдъ рукой своей
пловцовъ?
Пождемъ, пождемъ еще, и нѣсколькими днями
Увѣритъ время въ томъ, что быть имѣетъ
съ нами.

КЛИТИМНЕСТРА.

Хиронъ, то истинна. — Однакожъ страж-
детъ духъ,
Смутилъ разсудокъ мой сей страшной вѣ-
сти слухъ!
Оставь меня, престань прельщать мой умъ
мечтою,
Поди, пусть сердце я одна здѣсь успокою.

ЯВЛЕНІЕ IV.

КЛИТИМНЕСТРА *одна.*

Ужели хочетъ рокъ пресечь душевный страхъ?
Ужели мой супругъ погибъ на вѣкъ въ волнахъ?
Котораго судьба подъ Троей толь щадила?
О Боги мстители! Небесъ всевышня сила!
Избавьте вы меня жестокой муки сей,
Да не пролью его я кровь рукой моей,
И мщеніе боговъ за люотость всю Атрея
Скончайте смертію единаго злодѣя!
Коль онъ избавится кончины на валахъ,
Когда падетъ моей рукою въ сихъ мѣстахъ
Какія ужасы явитъ судьбина злая!
Иль тщетно я молю слезъ токи проливая?
О бури! О моря! О вихрь свирѣпый, злой!
Когда увижу я извержена волной
Его бездушный трупъ, и напеску лежащій,
Тогда всесильный богъ, въ браздахъ моря держащій
Я жертвы многи дамъ тебѣ рукой своей.
Внемлите Фуріи, вы гласъ внемлите сей! —
Готовы ужъ для васъ кровавы приношенья.
Явите весь свой гнѣвъ явите люотость мщенья! —

Но кто идетъ сюда? — Эгистъ и съ нимъ
Дамметъ!
Потребенъ мнѣ теперь усердный ихъ со-
вѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

КЛИТИМНЕСТРА, ЭГИСТЪ, ДАММЕТЪ.

КЛИТИМНЕСТРА.

Эгистъ, ты внялъ ли вѣсть совсемъ неожи-
данну,
Что мщеніе небесъ явилося тирану,
Что Гречески суда и самъ Агамемнонъ,
Погибли въ бурѣ злой среди Эгейскихъ
волнъ?

ЭГИСТЪ.

Дамметъ увѣдомилъ уже меня объ ономъ,
Узнавъ отъ тѣхъ, что къ намъ пришли съ
Эвримедономъ;
Онъ слышалъ о бовсемъ и зрѣлъ его пловцовъ.

ДАММЕТЪ.

Идя нечаянно въ близи морскихъ браговъ,
Увидѣлъ я слѣды явленны бурей злою:

Обломки кораблей изверженны волною
Отъ зыби сильной водъ ужъ кроются пе-
скомъ.
Разбитыя кормы, ладьи лежатъ вверхъ
дномъ,
И плаваютъ межъ ихъ погибшихъ трупы
блѣдны.
Увидя таковы судовъ останки бѣдны,
Я далѣе пошелъ, какъ вдругъ узрѣлъ пловцовъ,
Которы свой корабль крѣпя у береговъ,
Казали радости признаки и печали.
Я ихъ спросилъ: давноль сюда они пристали,
И прибылъ съ ними кто? Отвѣтъ ихъ былъ
такой:
„Эвримедонъ и мы спаслись отъ бури злой;
„Но Греческій весь флотъ съ Атридомъ и
царями
„Конечно поглощенъ несытыми волнами.
И раскаавъ потомъ, подробно всю напасть,
Благодарили всѣ въ слезахъ небесну власть,
Которая имъ жизнь чудесно даровала.
Средь радости такой, смущенія немала
Разстался съ ними я; но слѣдуя на задъ,
Блескъ нѣкій на песку привлекъ собой мой
вглядъ,
Приближась, самъ узрѣлъ корму я изпещ-
ренну,
Украшенну рѣзбой, повсюду позлащенну,
Какъ будто корабля, что самъ Агамемнонъ

Избравъ пустился въ немъ отсель подъ
Иліонъ.
Извѣстіе сіе щастливо и ужасно,
И все, что видѣлъ я, донесъ Эгисту ясно.

КЛИТИМНЕСТРА.

Благодарю тебя владѣтель грозный водъ!
Ты радости моей успѣлъ явить восходъ,
Вѣнчай щастливый день желанною судьбою,
Увѣрь, увѣрь насъ всѣхъ не ложною молвою
Что кончилъ вѣкъ въ волнахъ неистовый
Атридъ!
Мракъ нѣкій духъ во мнѣ еще собой стра-
шитъ.
Разсѣй остатокъ тьмы, чемъ мысль отяго-
щенна
И всѣмъ яви его дыханія лишенна!
Да буду славить я безсмертный промыслъ
твой,
И щастье раздѣлитъ Эгистъ мое со мной!

ЭГИСТЪ.

Я много бѣдъ терпѣлъ. — Судьбою толь
блаженной
Боюсь прельщать свой духъ нещастіемъ
стѣсненной.
Какъ сонъ является мнѣ истина сія,
Разсудокъ убѣжденъ; но страждетъ мысль
моя.

Кто былъ отъ юныхъ лѣтъ всегда гонимъ врагами,
Тотъ видя своего блескъ щастья предъ очами,
Не вѣритъ радостной премѣнѣ таковой,
И саму истину щитаетъ онъ мечтой.

къ Дамметѣ.

Дамметъ открой сіе ты важно приключенье
Всѣмъ преданнымъ моимъ, умножъ ихъ восхищенье,
Скажи что всѣ дѣла перемѣнили видъ,
И что ужъ кончилъ жизнь свою въ волнахъ Атридъ;
Прибавь, что видѣлъ самъ корабль его разбитый,
Что войско поглотилъ въ свирѣпствѣ Понтъ несытый,
Что скоро вся сія Аргосская страна
Царицѣ навсегда явится предана,
Но между тѣмъ вели, чтобъ щастья предъ восходомъ,
Скрывали радость ту они передъ народомъ
Вооружалися, готовы бывъ всякъ часъ,
И ждали, чрезъ тебя какой имъ дамъ приказъ.

ДАММЕТЪ.

Усердіе мое тебѣ давно извѣстно,
И тѣ, что чтутъ тебя, тѣ чтутъ въ душахъ не лестно

Хоть зависть завсегда сплетала хитрый
ковъ,
Хотя царица зритъ вблизи себя враговъ;
Но естьли палъ Атридъ, все тщетны ихъ
старанья.
Хирона дерзскаго я вѣдаю желанья;
Но ихъ пренебрегать намъ можно наконецъ,
Коль много преданныхъ, коль самъ верхов-
ный жрецъ
Зря Клитимнестрины щедроты и раченья,
Готовъ всегда внимать Эгиста повелѣнья.

ЯВЛЕНІЕ VI.

КЛИТИМНЕСТРА, ЭГИСТЪ.

КЛИТИМНЕСТРА.

Когда безсмертные смягчились, внемля стонъ,
Когда окончилъ жизнь свою Агамемнонъ,
Сегодняжъ веселясь, толь щедрою судьбою,
Вѣнецъ и скипиръ тебѣ отдамъ съ моей
рукою.

ЭГИСТЪ.

Ужели положенъ конецъ моимъ бѣдамъ?
Ужели кроткій взоръ явили боги намъ?
Ужель отомщены невѣрность и обиды?
Ужель низверглись въ адъ жестокіе Атриды?
Ужель дѣлятъ они мученья шамъ съ отцомъ

И въ гнѣвѣ поразилъ злодѣйство неба
громъ?
Ахъ! если правда то? Я щастливъ совер-
шенно!

КЛИТИМНЕСТРА.

Блаженство дней твоихъ съ моимъ соеди-
ненно.
Ничто не помрачитъ души моей отрадъ,
И скоро покорясь страна сія и градъ,
Узря тебя со мной въ сіяніи короны,
Съ твоими будутъ чтить однѣ мои законы.
Но точноль боги шлютъ щедроты таковы?
Пойдемъ, увѣримся мы въ правдѣ сей мо-
лвы.

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ

ЯВЛЕНІЕ I.

КЛИТИМНЕСТРА, ЭГИСТЪ.

КЛИТИМНЕСТРА.

Слухъ кой таили мы, разнесся ужъ во градѣ.
Я знала то впередъ. — Но чувствъ моихъ
къ отрадѣ
Скажи, какъ принялъ то извѣстіе народъ?
Какой отъ сей молвы намъ ждать надле-
житъ плодъ
Ужели знаютъ всѣ судьбу Агамемнона?
И чтобъ надежно я съ тобой достигла
трона,
Какъ преданные намъ о томъ всѣ мыслятъ
здѣсь?

ЭГИСТЪ.

Народъ въ унынiи, и градъ печаленъ весь.
Повсюду слышенъ вопль, повсюду сожа-
лѣнье. —
Но то есть первое сердецъ людскихъ дви-
женье,

И скоро надъ тоской явя разсудокъ власть,
Необходимую принять заставитъ часть;
Сокроется печаль предъ блескомъ щастья
свѣта.
Я жду сюда возвратъ усерднаго Даммета,
Онъ долженъ извѣстить, что дѣлаетъ на-
родъ.

КЛИТИМНЕСТРА.

Не твердость онаго, могущество щедротъ
Власть, сила, намъ явятъ успѣхъ и оборону
Архонты преданны до сель Агамемнону
Даммета хитростью уже раздѣлены.
Медлительной успѣхъ жестокія войны,
Утрата чадъ, отцовъ, друзей и прибли-
женныхъ
Умалили къ царю любовь въ душахъ сму-
щенныхъ. —
И въ пользу нашу то употребилъ Дам-
метъ,
Надѣйся на него и чти его совѣтъ.
Но се идетъ и онъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

КЛИТИМНЕСТРА, ЭГИСТЪ, ДАММЕТЪ,

КЛИТИМНЕСТРА.

Ахъ! Что? Я зрю смущенье!...
Какое намъ грозитъ собою приключенье?

ДАММЕТЪ.

Свирѣпство рокъ на насъ стремитъ со всѣхъ сторонъ!
Супругъ твой живъ, и въ градъ уже вступаетъ онъ!

КЛИТИМНЕСТРА.

О Небо!

ЭГИСТЪ.

Какъ?

ДАММЕТЪ.

Я шелъ извѣдать мысль народа,
Какъ встрѣтилъ посреди торжественнаго хода
Хирона съ множествомъ Архонтовъ и гражданъ,
Первосвященникъ съ нимъ и весь священный санъ

Спѣшатъ привѣтствовать властителя Мис-
сены,
По стогнамъ, въ улицахъ народъ въ толпахъ
стѣсненный,
Увѣрясь, что погибъ на вѣки Илліонъ,
Гласитъ: „Да здравствуетъ нашъ царь Ага-
мемнонъ!
Вездѣ веселый крикъ, намъ бѣдства неиз-
бѣжны,
И мѣры надлежитъ царица, взять надежны.

КЛИТИМНЕСТРА.

Жестокая судьба грозитъ собою намъ!
Увы! Къ какимъ теперь, къ какимъ взывать
богамъ?
Надежда ложная! — Почто ты намъ поль-
стила!
Тобою возросла моихъ мученіи сила·
Клянуся адомъ я! О Стиксъ! Клянусь тобой!
Внемлите Фуріи, вы гласъ внемлите мой.
Пускай прервется жизнь моя среди напасти,
Но жертвую я всемъ жестокой мщенья
страсти! —
Нѣтъ болѣе силъ во мнѣ свирѣпства золъ
терпѣть,
И муки всѣ прерветъ его едина смерть!...
Спѣши Эгистъ, спѣши явить щедроты новы,
Сбирай своихъ друзей, чтобъ были всѣ го-
товы,
Клянися, ничего на свѣтѣ не жалѣй,
Все, все имъ обѣщай ты отъ руки моей,

Будь твердъ, всѣхъ увѣряй въ своемъ успѣхѣ смѣло;
А я пойду въ чертогъ обдумать страшно дѣло!...
Хотя Оракулъ здѣсь возмогъ предвозвѣщать,
Что мщенье отъ руки сыновней узритъ мать;
Но пусть то святостью чтутъ только суевѣры,
Ужъ я противъ сего взяла надежны мѣры. —
А еслижъ власть небесъ правдива и строга,
Пріятно кончить жизнь увидя смерть врага.
О Боги мщенія! возстаньте мнѣ въ защиту,
Разверзи Татаръ хлябъ Геенскую несыту,
Тантала съедини въ ней родъ жестокой весь,
Тѣмъ духъ мой успокой!... Дамметъ останься здѣсь,
И о прибытьй мнѣ дай знать Агамемнона.

уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ДАММЕТЪ *одинъ.*

О! Какъ мнѣ грудь пронзилъ свирѣпый взглядъ Хирона?
Все будущее зло я зрѣлъ въ его очахъ,
Едва достало силъ предъ нимъ сокрыть мнѣ страхъ.
Онъ знаетъ всѣ мои намѣренья и виды;
Но мнѣ ли преносить жестоки толь обиды?
Кто болѣе явилъ отечеству заслугъ?
Дамметъ, или Хиронъ Агамемноновъ другъ?
Чья болѣе въ бояхъ была потребна сила?
Чья болѣе рука противныхъ поразила?
А въ воздаяніе трудовъ моихъ и ранъ,
Хиронъ зритъ первенство надъ мной среди гражданъ!
Несытой гордостью сей старецъ упоенный,
Желаетъ, чтобъ ему всѣ были покоренны.
Эгистъ съ царицею познавъ сію въ немъ страсть,
Хотѣли мнѣ вручить совѣта вышню власть.—
Но гнѣвъ небесъ теперь отъемлетъ волю трона.
Нѣтъ, нѣтъ не мнѣ внимать законамъ здѣсь Хирона.
Пускай Атреевъ родъ погибнетъ весь въ конецъ!

Сынъ, сынъ виновнѣе сто кратъ, чѣмъ былъ
отецъ.
Иль небо всѣмъ явитъ не права сколь судь-
бина?
Отецъ тѣснилъ отца, сынъ гналъ жесто-
ко сына,
И за невѣрную возставъ потомъ жену,
Воздвигъ ужасную для Греціи войну!
Колико лѣтъ отъ ней всѣ граждане стра-
дали?
Какой не погруженъ остался домъ въ печали?
Вездѣ уныніе, вездѣ тоска и стонъ!...
Но что я зрю? Ахъ! то идетъ Агамемнонъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

АГАМЕМНОНЪ, ХИРОНЪ, ЭВРИМЕДОНЪ, АРХОНТЫ, СТРАЖА.

АГАМЕМНОНЪ.

Архонты! Подвигъ мой благословили боги.—
Я зрю отечество и предковъ зрю чертоги.
Упалъ противный градъ, упалъ къ моимъ
стопамъ;
Но много я себя обязаннымъ чту вамъ. —
Вы правя безъ меня симъ градомъ и стра-
ною,
Участвовать должны въ побѣдѣ сей со мною;

Чрезъ васъ всегдашню зрѣлъ моихъ я крѣ-
пость силъ,
И вашей вѣрностью всю славу получилъ.

ХИРОНЪ.

О царь! Героевъ вождь! Рушитель Илліона!
Достойный властелинъ преславна въ свѣтѣ
трона!
Чѣмъ доблести воздать поистиннѣ твоей,
Дабы не уменьшить восторгъ душевный сей?
О ты! увѣнчанный безсмертія зарею
Позволь, да чувствъ моихъ я искренность
открою:
Большая часть людей, презря гласъ прав-
ды строгъ,
Охотнѣй кажутъ видъ, чѣмъ чувствуютъ
восторгъ.
Съ нещастнымъ всякъ готовъ лить слезы
сожалѣнья;
Но въ сердцѣ всякой ли питаетъ сокру-
шенья?
Скажи мнѣ, радостнымъ являться ли съ то-
бой?
Тогда къ улыбкѣ я принужу образъ свой....
Нѣтъ, око мудраго, сквозь завесу притвор-
ства
Зритъ вредной лести ядъ и лютость вѣро-
ломства. —
Великому царю открытъ правдивый свѣтъ,
Любовь къ отечеству одинъ его предметъ.

Прошедшу мысль мою я предъ тобой не-
крою;
Когда пошелъ отсель ты съ воинствомъ
подъ Трою,
Не такъ я о тебѣ, О вождь великій мнилъ!—
Казалось предпріялъ ты подвигъ свыше силъ,
И слѣдуя одной гремящей звуку славы,
Пренебрегалъ бѣды отеческой державы.
А нынѣ, яко другъ, не вѣдая что лесть,
Дерзаю подвигъ твой великій превознесть.
Тобой возвысились всѣ Гречески народы,
Ихъ слава и хвала промчится въ поздны
роды,
И твой наслѣдный градъ безсмертіемъ вѣн-
чанъ.
Познаешъ скоро ты достоинства гражданъ;
Кто истину хранилъ, кто шелъ путемъ
коварства,
И отвратитъ напасть тебѣ врученна цар-
ства.

АГАМЕМНОНЪ.

Превознесемъ мы власть и промыселъ бо-
говъ. —
Чрезъ нихъ поверженъ сталъ сей гордый
градъ враговъ,
Они явили путь мнѣ въ отчески предѣлы,
Они на Илліонъ повергли мщенья стрѣлы;
Никто изъ нихъ не мнилъ послать имъ лучь
отрадъ,

И жребій смерти палъ въ нещастный оный
градъ.—
Всѣ боги отреклись народа нечестива,
И оставалась въ немъ одна надежда лжива,
Которой упоенъ погибъ на вѣкъ Пріямъ.
Огни отмщенія еще пылаютъ тамъ,
Еще разрушенны дымятся въ прахѣ стѣны,
И въ пеплѣ къ облакамъ богатства драго-
цѣнны
Стремясь, наводятъ тму, отъемлютъ сол-
ца лучь,
И покрываютъ градъ печальнымъ мракомъ
тучь
Почтимъ мы олтари, почтимъ безсмертныхъ
храмы,
Чрезъ нихъ Аргійскій огнь въ прахъ обра-
тилъ Пергамы.
При захожденіи блистающихъ Плеядъ,
Какъ погрузила въ мглѣ луна свой блѣдный
взглядъ,
Воинственный народъ искусно сокровенный,
Вступилъ съ молчаніемъ въ печальны града
стѣны,
И далъ намъ всѣмъ о томъ неложный знакъ
огнемъ. —
Не сомнѣваяся въ успѣхѣ тутъ своемъ,
Ударились полки, отмщеніемъ влекомы,
Въ отверзстыя врата, чрезъ стѣны и про-
ломы.
Какъ тигры устрѣмясь на робостныхъ
звѣрей,

Блеснули пламенемъ, блеснули тьмой мечей.
Отчаянный народъ лишенный обороны,
Вознесъ къ невнемлющимъ богамъ печальны
стоны.
Вопль женъ, крикъ воиновъ, отъ зданій
трескъ и громъ,
Являли страхъ и смерть врагамъ въ свирѣпствѣ зломъ.
Граждане всѣ, Пріямъ сѣдиной умащенный
Пріяли грозну казнь, за хищника Елены.
Я долженъ былъ начать съ боговъ помогшихъ намъ.
Теперь отвѣтствую Хиронъ твоимъ словамъ:
Такъ, мало мы найдемъ людей такихъ на
свѣтѣ,
Чтобъ видя щастіе друзей своихъ во цвѣтѣ,
Безъ зависти могли являть веселый видъ.—
Сей ядъ сердца всегда сугубо тяготитъ,
И собственной бѣдой, и щастіемъ другова
Терзаетъ души въ нихъ среди мученья
злова. —
Я знаю смертныхъ родъ, и зависти степень,
Ахъ! Часто дружество ничто, какъ только
тѣнь.
И такъ, почтимъ сперва боговъ повергшихъ
Трою;
Потомъ подумаемъ о прочемъ мы съ тобою.--
Потщимся укрѣпить, что добрымъ обрѣтемъ;

А тамъ, гдѣ зло стремясь въ неистовствѣ своемъ,
Какъ лютая болѣзнь томитъ народно тѣло,
Къ уврачеванію употребимъ тамъ смѣло,
Иль милость, или казнь, что нужда повелитъ;
Правдивость для царя есть самый твердый щитъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

АГАМЕМНОНЪ, КЛИТИМНЕСТРА, ХИРОНЪ, ДАММЕТЪ, ЭВРИМЕДОНЪ, АРХОНТЫ, СТРАЖА.

КЛИТИМНЕСТРА.

О царь! О мой супругъ побѣдою вѣнчанный!
Прости, что слухи здѣсь пронесшися печальны
Лишили способа, и тѣхъ меня отрадъ,
Чтобъ въ славѣ съ торжествомъ вступилъ ты къ намъ во градъ,
Чтобы народъ тебѣ явилъ усердья дани,
Чтобъ по пути твоемъ изшвенны златомъ ткани
Простерлися вездѣ, во знакъ твоихъ побѣдъ,
Которымъ за всегда дивиться будетъ свѣтъ;

Чтобъ не коснулся прахъ ноги твоей свя-
щенной
Поправшей Илліонъ, богами возведенной!
Жестока буря намъ весь страхъ явя собой,
Лишила щастья насъ Тріумфъ увидѣть твой!

АГАМЕМНОНЪ.

Богамъ принадлежатъ тріумфы величавы.
Я имъ обязанъ всемъ. — Вѣнцы гремящей
славы
И лавры всѣ ихъ даръ одинъ въ побѣдѣ сей.
Они спасли меня средь множества смертей.
Я ими сохраненъ въ бояхъ передъ стѣнами,
Ихъ промыслъ, бурными и страшными вол-
нами
Въ отечество меня безбѣдственно принесъ.
Почтимъ щедроты мы толь зримыя небесъ.
Блескъ тщетныхъ почестей, торжествен-
ные крики,
Чѣмъ ищутъ славиться различныхъ странъ
владыки,
Единымъ варварскимъ принадлежитъ ца-
рямъ;
Имъ жертвуетъ народъ подобно какъ богамъ.
Мои желанія во всемъ отъ нихъ отмѣнны,
Умѣренность души есть даръ боговъ без-
цѣнный. —
Царь, подданныхъ отецъ, быть долженъ че-
ловѣкъ
И щастливъ въ тишинѣ когда окончитъ вѣкъ.

КЛИТИМНЕСТРА.

Ахъ! нѣтъ, Агамемнонъ, труды, побѣды
многи,
Хотя и правятъ ихъ рукой своею боги;
Но кто ихъ совершилъ, тому на вѣкъ хвала,
И слава торжествомъ вѣнчаетъ ихъ дѣла.
Прости, коль зрю, что мысль твоя съ рѣчь-
ми несходна.

АГАМЕМНОНЪ.

Знай, хитрость мнѣ во вѣкъ являлася не-
сродна.

КЛИТИМНЕСТРА.

Для побѣдителей тріумфъ едина дань.
Когдабъ со славою Пріамъ окончилъ брань,
Отрекся ли бы онъ торжествъ въ своемъ
народѣ?

АГАМЕМНОНЪ.

Пріамъ явился бы въ великолѣпномъ ходѣ,
Причины всѣ имѣвъ вѣнчать тѣмъ свой ус-
пѣхъ.

КЛИТИМНЕСТРА.

А для чегожъ не ты?

АГАМЕМНОНЪ.

Я знаю больше всѣхъ. —
И дѣлать долженъ то, что мнѣ внушаютъ
боги.

КЛИТИМНЕСТРА.

Отринь неправыя людей сужденья строги.

АГАМЕМНОНЪ.

Общественная мысль къ нещастію сильна...

КЛИТИМНЕСТРА.

Увы! Сколь много бѣдъ родила та война!
Прошелъ ли день одинъ безъ слезъ, плачевна стона?
Когдабъ достигшія молвы отъ Илліона
Всѣ были истинны, къ нещастію сихъ странъ,
Какоебъ множество обрелъ въ бояхъ ты ранъ?
Коль кратъ прервался бы твой вѣкъ судьбиной злою?
Извѣстія сіи пронзая духъ тоскою,
Тьмы бѣдъ являли мнѣ всякъ часъ издалека.—
Коль часто чуждая, изъ жалости, рука
Отнявъ изъ рукъ моихъ оружіе смертельно,
Крушила предо мной? — Страдая по вседневно,
Не доставало слезъ ужъ болѣе въ очахъ!
Отчаянье, печаль и справедливый страхъ
Отъ легкомыслія, народнаго волненья,
Принудили меня взять должны попеченья,

И нашей плодъ любви сокрыть изъ здѣшнихъ мѣстъ;
Твой въ Θосидеѣ сынъ...

АГАМЕМНОНЪ.

Что слышу я? Орестъ!
Орестъ въ младенчествѣ ужъ зритъ свои напасти,
И покровительства отъ чуждой ищетъ власти!

КЛИТИМНЕСТРА.

Строфій твой другъ и царь спокойной той страны
Боясь слѣдствія отъ пагубной войны,
Самъ подалъ сей совѣтъ, молвы внимая страшны
О гибели твоей. — Но коль бѣды ужасны
Всѣ въ радость превратилъ щастливый твой возвратъ,
Коль подвиги твои во всѣхъ странахъ гремятъ,
Коль удивляется пространная вселенна,
И зависть признаетъ сама ихъ изумленна,
Почто не хочешъ зрѣть достойна торжества?
Похвально почитать щедроты божества —
Но ты Агамемнонъ, откройся предо мною,
Давноль умѣренность владѣетъ такъ тобою?

Всегда прельщалъ тебя оружья громъ въ
войнѣ,
Увы! колико слезъ виной то было мнѣ?
Не ты ли славою и гордостью влеченный,
Искалъ всегда стяжать побѣдъ вѣнцы зе-
лены?

АГАМЕМНОНЪ.

Коль я прельщалъ свой духъ, иль славой,
иль войной,
То нуждою къ тому влеченъ я былъ одной.
Обиды тяжкія Троянскаго народа,
Законы, что сама велѣла чтить природа,
Гостепріимствъ права, родство, спокойство,
честь
Начать велѣли брань, нести велѣли месть.
Не обвиняй меня въ сихъ мысляхъ вознесен-
ныхъ
Нерѣдко участь мнѣ плачевна побѣжден-
ныхъ
Причиной жалости и слезъ моихъ была. —
Внимая бѣдныхъ стонъ, не сладостна хвала.
Кто съ сердцемъ каменнымъ въ злодѣйст-
віи жестокомъ
Нещасшье зрѣть другихъ веселымъ можетъ
окомъ,
Кого не трогаетъ чувствительной пред-
метъ

Въ томъ доблести прямой и свойствъ Ге-
ройскихъ нѣтъ.
Увы! Я зрѣть не могъ судьбу Троянъ спо-
койно!
Прошу тебя, прими, прими теперь достойно
Кассандру горестну, дщерь славнаго царя —
Она паденіе отечества узря,
Оплакавъ смерть отца, средь бѣдства и
напасти,
Ставъ плѣнницей моей, въ твоей пребудетъ
власти.
Я жду ее сюда. — Утѣшъ ее въ слезахъ,
Яви, что варварства мы чужды въ сихъ
странахъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

АГАМЕМНОНЪ, КЛИТИМНЕСТРА, ЭЛЕКТРА, ГИЛИСА, ХИРОНЪ, ДАММЕТЪ, ЭВРИМЕДОНЪ, АРХОНТЫ, СТРАЖА.

ЭЛЕКТРА.

Тебяль родитель мой, мои встрѣчаютъ
взгляды!
Послѣ толикихъ лѣтъ, душевны зря от-
рады,

Всѣ горести забывъ, сердечныхъ тягость мукъ;
Позволь устамъ моимъ твоихъ коснуться рукъ!
бросается къ нему въ слезахъ и цѣлуетъ руку.

АГАМЕМНОНЪ.

Оставь дражайша дщерь тоску тѣхъ дней мятежныхъ,
Утѣшся, зря себя отца въ объятьяхъ нѣжныхъ,
И радость раздѣли взаимную со мной,
Все щастье здѣсь мое въ тебѣ я зрю одной.

КЛИТИМНЕСТРА.

Прости Агамемнонъ, смущенiй видя бремя. —
Взгляни, взгляни, какъ все перемѣнило время.
Любуйся красоту зря дочери твоей,
Ты Ифигенiи черты встрѣчаешъ въ ней.

АГАМЕМНОНЪ *содрогается, закрываетъ лице и съ ужасомъ отступаетъ отъ Электры.*

Сеголь я ожидалъ, О праведные боги!
О лютая тоска! О горесть! Бѣдства строги!
Увы! жестокiй ядъ, палящiй кровь огнемъ,

Во всемъ свирѣпствѣ зрю въ семействѣ я моемъ!

ЭЛЕКТРА *останавливается отъ изумленія, потомъ обращаясь къ отцу своему.*

Предай забвенію прошедшій рокъ ужасный!
Судьбы явилися съ желаньями согласны. —
Познай всѣхъ преданныхъ усердіе теперь,
И зри безъ ужаса, твою послушну дщерь,
Котора столько лѣтъ лишаяся покоя,
Спѣшила въ радости любовь къ тебѣ удвоя
Увидѣть взоръ отца въ горячности своей.
Забудь печали всѣ толь строгихъ въ жизни дней,
Восторгъ мой зрѣть тебя въ отечествѣ обратно,
Отрадой наградилъ за муки всѣ стократно

АГАМЕМНОНЪ *приходя въ себя и отирая слезы.*

О дщерь моя! могуль не проливать я слезъ
Зря чувства таковы!... О строга власть небесъ!...
О тягостный упрекъ!... жестокія минуты!
Всю къ сердцу кровь стремитъ ударъ нещастья люты!..
Электра!... Все въ тебѣ теперь я зрю одной!...

Коль небо продолжить вѣкъ хочетъ въ свѣтѣ мой,
Да наградятъ меня за все терпѣнье боги
Блаженствомъ дней твоихъ!...

КЛИТИМНЕСТРА.

Вступи въ свои чертоги. —
Избавясь бурь морскихъ, избавяся враговъ,
Спокой себя, спокой отъ тяжкихъ толь трудовъ,
Средь преданныхъ тебѣ....

АГАМЕМНОНЪ.

Спокойство удаленно
Отъ мѣстъ, гдѣ искренность не зрится совершенно.

КЛИТИМНЕСТРА.

Престань Агамемнонъ, престань меня смущать,
Прости моимъ словамъ, и помни что я мать!

АГАМЕМНОНЪ.

Ахъ! не пронзай мой духъ ужаснымъ вспоминаньемъ!

*

КЛИТИМНЕСТРА.

Когда тронулися судьбы моимъ стенаньемъ,
Коль въ щастьѣ премѣнить возмогъ рокъ всѣ бѣды,
Забудемъ горести прошедшія слѣды. —
Не оскорбляй себя печальной мыслью сею!

АГАМЕМНОНЪ.

Забуду я о семъ съ кончиною моею...
къ Архонталъ.
Скажите отъ меня гражданамъ и жрецамъ,
Чтобъ собрались они, въ сей Аполлоновъ храмъ;
Я долженъ изъявить богамъ благодаренья. —
И между тѣмъ, доколь готовитъ приношенья
Народъ въ усердіи и ревности своей,
Пождемъ прибытія оставшихъ кораблей. —
Быть можетъ сохранятъ отъ бѣдъ ихъ щедры боги. —
къ Хиронц.
А ты Хиронъ, вступи со мной въ мои чертоги.
Уходитъ.

КЛИТИМНЕСТРА *оставаясь.*

О небо! не отринь моленья моего!
Ахъ! не лиши меня покрова твоего!

Сверши желанія сердечны и правдивы,
Да возмогу я зрѣть дни тихи и щастливы!
Сокрой, сокрой во тмѣ готовящійся ковъ,
Пошли достойну казнь, карай моихъ враговъ.

Конецъ третьяго дѣйствія.

БИБЛИОТЕКА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

КЛИТИМНЕСТРА, КАСАНДРА, *Сѣдящая на степеняхъ переходовъ въ глубокой задумчивости*, ЭВРИМЕДОНЪ, ДВА ВОИНА.

КЛИТИМНЕСТРА *къ Касандрѣ.*

И ты нещастная, судьбѣ покорствуй слезной,
Забудь отечество, забудь свой край любезной.
Касандра мудрая, царя Пріама дщерь,
Ты болѣе ничто, какъ плѣнница теперь. —
Но не терзай себя печальной долей сею,
И знай, что я цѣнить нещастія умѣю. —
Не оскорбляй своимъ роптаніемъ боговъ,
Хоть ты невольница въ рукахъ твоихъ враговъ,
Однакожъ не страшись, судьбы твои не строги.
Войди нещастная, войди въ мои чертоги.

КАСАНДРА *молчитъ, взглянувъ на Клитимнестру.*

КЛИТИМНЕСТРА.

Не ужель слабъ въ тебѣ Касандра столько духъ,
Что горесть силъ тебя и чувствъ лишаетъ вдругъ?
Престань себя терзать жестоко такъ тоскою
И говори со мной.

ЭВРИМЕДОНЪ *къ Касандрѣ.*

Ты зришъ передъ собою.
Здѣсь Клитимнестру, сихъ владычицу бреговъ;
Покорствуй ты ея великой волѣ словъ,
Агамемнона въ ней супругу чти, царицу,
Не отвергай щедротъ ея къ тебѣ десницу,
И тѣмъ не оскорбляй.

КАСАНДРА *хранитъ молчаніе.*

КЛИТИМНЕСТРА.

Иль гордость, иль печаль
Велятъ тебѣ молчать, но размышляя въ даль
Съ благоразумiемъ душевныхъ чувствъ въ покоѣ,
Узнаешъ, что должно забыть то и другое.

ЭВРИМЕДОНЪ.

Особо.

Не столько былъ смущенъ ея печальный взглядъ

Въ тотъ день какъ палъ въ огнѣ Троянскій
славный градъ.

къ Касандрѣ.

Касандра успокой души своей волненье,
И поспѣшай свершить царицы повелѣнье.

КАСАНДРА *продолжаетъ молчать.*

КЛИТИМНЕСТРА.

Я съ лишкомъ передъ ней унизила себя.
Познай невольница, ты щастіе губя,
Отягощаешъ шѣмъ печальную судьбину. —
Но я не мстительна, и кротость чтя
едину,
Скажу въ послѣдній разъ: внимай моимъ
словамъ.
Мнѣ время дорого, спѣшу къ моимъ дѣламъ.
Эвримедонъ, ты здѣсь еще останься съ
нею,
Доколѣ тронувшись щедротою моею,
Рѣшится хоть въ слезахъ вступить въ
чертогъ она.

уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

КАСАНДРА, ЭВРИМЕДОНЪ, ВОИНЫ.

ЭВРИМЕДОНЪ.

Особо.

О Боги! не ужли болѣзни грусть равна? —
Болѣзни, что всегда не столь начало страшно,
Какъ слѣдствіе отъ ней жестоко и ужасно? —
Или ударамъ симъ мечей и острыхъ стрѣлъ,
Которые не разъ я въ браняхъ претерпѣлъ
И кои, хоть ліютъ кровавые потоки,
Въ началѣ не всегда являются жестоки;
Но послѣ намъ даютъ ужасну боль терпѣть
Влекутъ мученіе и часто саму смерть?

къ Касандрѣ.

Гдѣ скрылась твердость та, нещастная Касандра?
Ты видя всѣ бѣды при берегахъ Скамандра,
Троянскихъ пламень стѣнъ, въ ужасный оный часъ
Благоразуміемъ всѣхъ удивляла насъ! —
Пронесся слухъ о томъ средь шуму и побѣды.
Отвѣтствуй, удостой меня своей бесѣды,

Какъ прежде, слыша мы тебя въ минуты тѣ,
Дивились мудрости, дивились красотѣ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ЭЛЕКТРА, КАСАНДРА, ГИЛИСА, ЭВРИМЕДОНЪ, ВОИНЫ.

ЭЛЕКТРА.

Тебя ли вижу я Касандра предо мною,
Что разумомъ славна, наукой, красотою?
Хотя зрю здѣсь тебя въ ужаснѣйшей судьбѣ;
Но чту великій родъ Пріяма я въ тебѣ.
Познай во мнѣ, познай ты дщерь Агамемнона,
Съ тобой оплачу я нещастье Илліона;
Въ объятьяхъ дружества печали раздѣлимъ. —
Спокойся, не терзай себя страданьемъ злымъ,
Забудь свои бѣды и сердца муки строги!

КАСАНДРА *возставъ.*

Куда вы привели меня О Боги! Боги!...
Гдѣ я?... И что я зрю?...

ЭВРИМЕДОНЪ.

Въ Аргосѣ мы съ тобой
И зришъ чертоги ты Атрея предъ собой.

КАСАНДРА.

Чертоги! Ахъ! то гробъ! Отверзтая Геенна!
Жилище фурій злыхъ! Бездонна хлябъ подземна!
Чертоги грозные, вселяющіе страхъ!
Ахъ! что произошло въ ужасныхъ сихъ стѣнахъ? —
Увы! И что еще готовятъ боги мщенья?...

ЭЛЕКТРА.

Оставь, не вспоминай прошедши огорченья.
Не угрожай къ тому намъ будущей судьбой!
Тьмы настоящихъ бѣдъ я видя предъ собой,
Средь радости моей, лью горкихъ слезъ потоки!

КАСАНДРА.

Избавь, О Аполлонъ! Видѣнья зрѣть жестоки! —
Ужасныя мечты! — Сокройтесь отъ очей!
Или не внемлите вы вопль несносный сей?
Или не видите въ крови младенцовъ бѣдныхъ
Бродящихъ съ трепетомъ, отчаянныхъ и блѣдныхъ
Подобныхъ ужасамъ, иль призракамъ ночнымъ? —

Свирѣпы фуріи вослѣдъ стремятся имъ! —
Я вижу, вижу ихъ, смущенье зрю природы!
Колеблетъ страшный ревъ чертоговъ древни своды!
О люто пиршество! Безжалостный Атрей!
Ты гнѣвъ боговъ привлекъ на домъ нещастный сей!

ЭЛЕКТРА.

Не помрачай, увы! жестокими словами
Надежды свѣтлой лучь блистающій надъ нами!
Равно сама себя въ нещастьи успокой,
Пронзаетъ сердце мнѣ печальный жребій твой!
Забудь нещастная, кровавый брегъ Скамандра!

КАСАНДРА.

Увы! нещастная, нещастная Касандра!
Какой жестокій рокъ? Какой ужасный день?
Окровавленная Пріама страшна тѣнь
Взгляни на дщерь свою! Познай всѣ скорби люты!
Приди, утѣшъ меня въ послѣднія минуты!
Или не зрите вы сѣкиры острой сей?...
Она прерветъ моихъ теченье горькихъ дней!

ЭЛЕКТРА.

Что предвѣщаютъ ей сіи мечтанья страшны?
О небо! отврати бѣды отъ ней ужасны,
И успокой въ тоскѣ!...

КАСАНДРА.

Великій Аполлонъ!
Какой я внемлю плачь? Какой ужасный стонъ?
Тебѣ готовятъ здѣсь усердны приношенья...
А тамъ! А тамъ острятъ кинжалы для пронзенья!
И на кого? О рокъ! О люта власть судьбинъ!
Спасай себя, бѣги отсель Атреевъ сынъ!
Страшись коварнаго и полна лести взгляда!
Бѣги! Исторгнися изъ вратъ ужасна ада! —
Увы! грозитъ тебѣ нещастьемъ жребій твой!...
Но что за звукъ еще мой слухъ разитъ собой?
Надгробну внемлю пѣснь!.. Печальны вижу лики!
И слышу фурій тамъ торжественные крики!

ЭЛЕКТРА.

О Небо! Естли то пророчественный даръ!
Какой ужасный намъ грозитъ собой ударъ?

Нѣтъ, то волненіе души ея смятенно.
Но Ахъ! Предчувствіемъ мнѣ сердце уязвленно!
Гилиса! Что еще готовитъ рокъ суровъ?
О какъ! я трепещу отъ сихъ ужасныхъ словъ!

КАСАНДРА.

Коварство торжествуй! Взносися злодѣянье!
Насытитесь фуріи зря слезы, кровь, терзанье!...
Ужель свершился тѣмъ боговъ жестокій гнѣвъ!..
Не умолкаетъ, нѣтъ, здѣсь дщерей ада ревъ,
Оставить не хотятъ они сіи чертоги,
Чего же ждутъ еще?... О праведные боги!
Свершиться должно, что положено судьбой!...
Кого я вижу здѣсь? Кто сей младый герой?
Зрю въ немъ черты лица и взоръ Агамемнона,
И мечь, что сокрушилъ твердыню Илліона!...
Онъ въ бѣшенствѣ спѣшитъ карать, разить, пронзать,
О преступленіе!... Кого? нещастну мать!..
Не можетъ укротить природа гнѣвъ сей ярый.
Тиранъ смертельны зритъ въ грудѣ своей удары.
Смерть мужа страшная конецъ героя мститъ;

А за невольницу погибшу безъ защитъ
Коварная жена кончаетъ жизнь въ напасти!..
О Боги! Коль нельзя отъ злой избыть мнѣ
частии,
Свершай на мнѣ свой гнѣвъ, жестокій Пин-
да богъ!
Да будетъ власть небесъ! Войдемъ зло-
дѣйствъ въ чертогъ!

Входитъ съ поспѣшностью въ чертоги,
Эвримедонъ и воины слѣдуютъ за нею.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЭЛЕКТРА, ГИЛИСА.

ЭЛЕКТРА.

Какія страшны мнѣ она вселила мысли!
Гилиса, вспомни все, и ужасъ весь изчисли!
О небо! Отврати толико лютый рокъ!
Увы! извѣстенъ мнѣ Эгиста нравъ жестокъ!
Наслѣдственная злость пылаетъ въ немъ
къ Атрею,
И Клитимнестра.... Но, сказать всего не-
смѣю!..
Когда узнаетъ царь, что было обо всемъ,
То древняя вражда воспламянится въ немъ!
Не столь страшать меня Касандры пред-
вѣщанья,
Сколь видъ ужасный дѣлъ и всѣ негодованья

Раздора, мщенія, ненависти зерно
Въ нещастномъ родѣ семъ посѣяно давно!
Я въ сердцѣ чувствую мученья чрезвычайны!..
Какъ мнѣ открыть отцу ужасныя всѣ тайны?

ГИЛИСА.

Щастливой твоего родителя возвратъ,
Какъ солнце озарилъ собою здѣшній градъ.
Возобновилась всѣхъ къ нему любовь, почтенье,
Отъ блеску дѣлъ его трепещутъ зависть, мщенье.
Сіянье доблести явя противнымъ страхъ,
Въ преданныхъ искренность умножило сердцахъ.
Какъ подъ Троянскими сражался онъ стѣнами,
Могъ жребій намъ грозить ужасными бѣдами,
Но днесь побѣды лавръ и общая хвала
Вѣнчали славою безсмертныя дѣла.
Всякъ чтитъ достоинства въ великомъ семъ Героѣ. —
Осмѣлится ли месть и съ ней коварство злое
Явиться передъ нимъ, презрѣвъ опасность, страхъ?

Нѣтъ, скроются на вѣкъ, изчезнутъ въ
злыхъ душахъ.
Ты знаешъ преданность и дружество Хи-
рона,
Сколь много любитъ онъ и чтитъ Агамем-
нона;
Народъ всегда готовъ внимать его совѣтъ;
А войско, кое царь прославилъ тьмой побѣдъ
Въ усердіи къ нему незыблемо конечно.
Итакъ, отринь свое смущеніе сердечно,
Чего страшиться намъ?

ЭЛЕКТРА.

Я знаю все сіе. —
Но сердце скрытая тоска грызетъ мое!
Эгиста замыслы коварные и злые,
Рождаютъ мнѣ, увы! предчувствія иныя!

ГИЛИСА.

Царица къ намъ идетъ. — Эгиста вижу съ
ней!
Сокроемся отъ нихъ, пойдемъ отсель ско-
рѣй.

ЯВЛЕНІЕ V.

КЛИТИМНЕСТРА, ЭГИСТЪ,

КЛИТИМНЕСТРА.

Ужасный рокъ грозитъ со всѣхъ сторонъ напастью!
Ахъ! что Эгистъ! Ахъ! что узнала я къ нещастью?
Возможноли, увы! Стремится до чего
Невѣрность лютая супруга моего?
Успѣла я сказать, съ холодностью какою,
Послѣ толикихъ лѣтъ онъ встрѣтился со мною.
Вступя съ побѣдою во градъ печальный сей,
Онъ ненависти скрыть не могъ ко мнѣ своей!
Но то едина тѣнь жестока огорченья!
Сей часъ узнала я средь страшна удивленья
О пагубной его любьви къ Касандрѣ той,
И что готовитъ онъ во гнѣвѣ мнѣ съ тобой!
Я трепещу въ душѣ! Страшуся бѣдъ ужасныхъ!

ЭГИСТЪ.

Довольно мы сердецъ имѣемъ здѣсь подвластныхъ;

Но неусыпностью коварный сей Хиронъ
Старается вредить, сколь силъ имѣетъ
онъ. —
И открывая все въ начатомъ нами дѣлѣ,
Онъ многихъ удалить успѣлъ уже отселѣ.
Царь въ подозрѣніи, я вижу по всему,
И мню, что онъ давно о всемъ далъ знать
ему.
Мятутъ во мнѣ мой духъ ужаснѣйшія бѣд-
ства;
Но къ отвращенью ихъ надежнаго нѣтъ
средства.

КЛИТИМНЕСТРА.

Ты средствъ къ тому не зришъ? — И я ли
въ томъ винна? —
Или незнаешъ ты, что смерть его одна
Намъ можетъ утвердить блаженство и
спокойство?
Рѣшительность всегда души великой свой-
ство.
Когда разить его тебя объемлетъ страхъ,
То я изторгну духъ его въ твоихъ очахъ!
О небо! Соверши души моей желанье;
Хотябъ исполнилось надъ мною предвѣ-
щанье!

ЭГИСТЪ.

Я стражу учредилъ изъ преданныхъ себѣ;
Однакожъ долженъ я сказать сіе тебѣ,

Что скрытая вражда завѣсой примиренья,
Не ложныя царю раждая подозрѣнья,
Препятствуетъ мнѣ быть во храмѣ близъ его,
А чтобы видъ сокрыть отмщенья моего,
Я долженъ избирать къ тому удобно время. —
Межъ тѣмъ Агамемнонъ, всѣхъ дѣлъ отвергнувъ бремя
Спѣшитъ дары принесть усердія богамъ,
И послѣ лютость всю откроетъ злобы намъ.

КЛИТИМНЕСТРА.

Меня онъ удалить возможетъ ли изъ храма?
Нѣтъ, побѣдитель сей великаго Пріяма
Какъ жертва нѣкая падетъ моей рукой!
Отмщу Эгистъ, отмщу за родъ нещастный твой,
И да погибнетъ съ нимъ невольница презрѣнна,
Къ которой страстію душа въ немъ упоенна!

ЭГИСТЪ.

Ужъ часъ сближается, не должно медлить намъ
Пойду царица я, пойду увѣрюсь самъ
Всѣль повелѣнія мои уже свершенны?

КЛИТИМНЕСТРА.

Спѣши Эгистъ, спѣши, минуты драгоцѣнны,
И обо всѣмъ скорѣй увѣдоми меня.

ЯВЛЕНІЕ VI.

КЛИТИМНЕСТРА *одна.*

Доколь терзаться мнѣ въ бѣдахъ моихъ стеня?
О Боги мщенія! Прервите сердца муку!
Ахъ! Укрѣпите духъ, мою усильте руку!
Умолкни навсегда во мнѣ природы гласъ!
Предстаньте Фуріи! Зову къ себѣ я васъ!
Явите мнѣ свой взоръ свирѣпый, лютый, ярый. —
И безошибочно направте всѣ удары!
Услышъ Тіеста тѣнь взываній стонъ моихъ,
И въ образѣ моемъ отмсти кровь чадъ своихъ!

ЯВЛЕНІЕ VII.

АГАМЕМНОНЪ, КЛИТИМНЕСТРА, ХИРОНЪ,

АГАМЕМНОНЪ *въ концѣ Театра;*
Хиронъ позади его.

На толь хранили жизнь мою подъ Троей боги,
Чтобъ недовѣрчивость и подозрѣнья строги,
Не свойственны досель душѣ моей совсемъ,
Терзали такъ меня въ отечествѣ моемъ?
увидя Клитимнестру.
Зрю Клитимнестру я... Какая тайна сила
Внезапно духъ тоской и сердце поразила?

КЛИТИМНЕСТРА.

Какая скрыта мысль, увы! какой предметъ
Смущаютъ такъ тебя, среди твоихъ побѣдъ?

АГАМЕМНОНЪ.

Побѣды, коль богамъ онѣ бываютъ милы,
Крѣпятъ спокойствіе отечества и силы;
Но если свершены противною судьбой,
Послѣдствія влекутъ ужасны за собой.
Ужъ началъ ощущать безсмертныхъ я гоненье!..
Разсѣялъ бурный духъ Ахейско ополченье.

Ихъ гнѣву отношу я страшной сей случай.
Гдѣ спутники мои? Гдѣ братъ мой Менелай?
А между тѣмъ Эней съ остаткомъ силъ Пергамскихъ,
Черезъ развалины упадшихъ стѣнъ Троянскихъ
Прошелъ, и съ флотомъ зримъ въ Эгейскихъ ужъ водахъ.
Быть можетъ явится на здѣшнихъ онъ брегахъ.
Я долженъ упредить нечаянное мщенье,
И дерзскаго Троянъ пути пресѣчь стремленье.
Оставь царица здѣсь съ Хирономъ ты меня,
Потребенъ мнѣ совѣтъ. — И я сего же дня
Безсмертнымъ долгъ отдамъ во храмѣ ихъ священномъ.
Теперь помыслимъ мы о поприще военномъ.

КЛИТИМНЕСТРА.

Послѣ толикихъ лѣтъ, о Боги! жребій злой! —
Еще ль меня супругъ оставить долженъ мой?
Еще ли я должна не зрѣть Агамемнона?
Пребудь. — И повели героямъ Илліона
Повергшимъ Трою въ прахъ, вознесть побѣды мечь,

Вели ихъ мужеству немѣдленно пресѣчь
Путь дерзскимъ бѣглецамъ разрушенныя Трои;
А самъ останься здѣсь....

АГАМЕМНОНЪ.

Ахъ! Гдѣ сіи Герои!...
Повергли Греки въ прахъ великій градъ враговъ;
Но между тѣмъ предрекъ Оракулъ въ тайнѣ словъ,
Что нѣкогда Троянъ остатки знамениты,
Блистая дѣлъ хвалой и лаврами покрыты,
Всѣхъ Грековъ покорятъ и съ ними цѣлый свѣтъ,
Ничто неустоитъ противу ихъ побѣдъ,
Что только я могу отвлечь сей рокъ суровый,
Коль смерть не упредитъ мой подвигъ къ славѣ новый.
Позволь царица намъ здѣсь мысль занять войной.

КЛИТИМНЕСТРА *отходя.*

Ахъ! не лишитесь жертвъ, о Фуріи со мной!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

АГАМЕМНОНЪ, ХИРОНЪ.

АГАМЕМНОНЪ.

Хоть внутренни враги всегда опаснѣй внѣшнихъ,
И мѣръ довольно нѣтъ противу ихъ надежныхъ;
Однако же скажи ты мнѣ Хиронъ межъ тѣмъ:
Ошколь имѣешъ ты извѣстіе о семъ,
Что власть боговъ еще Энея сохранила;
Гдѣ флотъ его теперь, и сколь велика сила?

ХИРОНЪ.

О силѣ точно я его не извѣщенъ;
Но знаю то, что онъ покинулъ чадъ и женъ,
Съ дружиной многою, средь страшной сей премѣны,
Оставя въ пламени отеческія стѣны,
Собравъ свои суда, презрѣвъ опасность, страхъ
Явился ополченъ Эгейскихъ на водахъ,
Талѳивій въ кораблѣ носимый бурей злою,
Прибывъ сюда сей часъ, и видяся со мною
Успѣлъ мнѣ разсказать, что зрѣлъ сіе онъ самъ

Пристали какъ суда къ Лемносскимъ берегамъ,
И вѣяли на нихъ Троянъ повсюду флаги.
Тогда сокрывъ свой родъ, средъ страха и отваги
Сошелъ на берегъ онъ, и вопросилъ пловцовъ:
„Не зрѣли ли они еще какихъ судовъ?
Фригіянцомъ его Трояне разумѣя,
Сказали:„ корабли ты видишъ здѣсь Энея,
„Онъ ждетъ еще другихъ; но ты повѣдай намъ,
„Не зрѣлъ ли ихъ къ какимъ приставшихъ берегамъ?
Я видѣлъ многія суда у Тенедоса:
Онъ рекъ и въ скорости оставилъ брегъ Лемноса.
Вотъ что, о государь! о томъ извѣстно мнѣ.
Быть можетъ, что пойдутъ къ иной они странѣ,
Или противными отгонятся вѣтрами;
Однакожъ презирать не надлежитъ врагами.

АГАМЕМНОНЪ.

Къ какимъ бы ни пошли они отсель брегамъ
Всегда опасны быть собой возмогутъ намъ
И можетъ рокъ свершить Оракула реченье;

Коль я не пресѣку ихъ пагубно стремленье,
Не изтреблю въ конецъ Пергамцевъ гор-
дый родъ,
Не погружу суда ихъ въ мрачной безднѣ водъ,
Увидятъ всѣ страны ужасныя премѣны,
Познаетъ родъ о томъ въ потомствѣ уда-
ленный. —
Но чтобъ судьбы сіи свершиться не могли,
Пойдемъ велимъ, собрать всѣ наши корабли.

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНІЕ I.

АГАМЕМНОНЪ, ХИРОНЪ.

ХИРОНЪ.

Опасность, государь, сближается всечасно,
И злоба съ хитростью стремясь вездѣ согласно,
Ужасной для тебя приготовляютъ ковъ —
Я всѣ намѣренья узналъ твоихъ враговъ:
Тая предъ всѣми здѣсь Эгистъ свои пороки,
Питаетъ замыслы коварны и жестоки.
Нещастье страшное со всѣхъ сторонъ грозитъ,
Поставь злодѣйству ты благоразумья щитъ.
Проникни, разбери всѣ таинства прилежно
Спокой себя внутри отечества надежно,
И послѣ на Троянъ ударь Агамемнонъ.

АГАМЕМНОНЪ.

Согласенъ я съ тобой любезнѣйшій Хиронъ.
Совѣты всѣ твои премудры и правдивы,
Зрю всѣ намѣренья враговъ моихъ кичливы.—

Но обѣщаніе исполнить должно намъ,
Я далъ которое подъ Троею богамъ.
Нельзя мнѣ ничего начать въ странѣ рож-
денья,
Доколь не принесу я имъ благодаренья.
Безъ помощи боговъ ни въ чемъ надежды
нѣтъ.
Когда я совершу великой сей обѣтъ,
Тогда послѣдуя твоимъ совѣтамъ смѣло,
Потщуся кончить я, сіе обдумавъ дѣло.
О Боги! Вами я спасенъ отъ бѣдъ въ бо-
яхъ,
Въ ужасныхъ сохраненъ Эгейскихъ былъ
волнахъ,
Всегда зрѣлъ надъ собой я силу провидѣнья!...
Въ отечествѣ моемъ, въ странѣ, въ стра-
нѣ рожденья
Ахъ! Должноль гибнуть мнѣ измѣнника
рукой!
Нѣтъ, пусть пребуду чуждъ я мысли та-
ковой!
Не страшны для меня Касандры предвѣ-
щанья,
То дѣйствіе одно ея души терзанья,
Возмогшія явить ужасны толь мечты...
Однако же Хиронъ вели не медля ты
Всѣмъ преданнымъ моимъ быть въ храмѣ
Аполлона.

ХИРОНЪ.

Потребна государь, потребна оборона.
Особо.
Явите небеса руки всещедрой власть,
И отвратите намъ грозящую напасть!
О Боги! вождь царей, рушитель Илліона,
Въ отечествѣ своемъ, вблизи наслѣдна трона,
Опасность зритъ свою при видѣ олтарей!
Вотъ участъ какова великихъ всѣхъ людей!
Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

АГАМЕМНОНЪ *одинъ.*

Ахъ! Праведно сіе Хироново сужденье!
Всегда на высотѣ грозитъ собой паденье.
Чемъ выше человѣкъ восходитъ на степень,
Тѣмъ ближе для него его нещастья день.
Судьба наводитъ страхъ премѣной въ жизни злою,
Блескъ славы зависти рождаетъ ядъ собою,
А доля нѣзкая не зритъ въ бѣдахъ защитъ,
Влечетъ презрѣніе и часто самый стыдъ.
О Боги! Правящи судьбой людей отъ вѣка
Гдѣ положили вы блаженство человѣка?

Ахъ! нѣтъ. — И мнѣль роптать принадлежитъ на васъ,
Когда я истинны священной слышу гласъ,
Когда весь смертныхъ родъ всегдашній есть свидѣтель,
Что рокъ щадитъ собой прямую добродѣтель? —
Чего страшиться ей?....

ЯВЛЕНІЕ III.

АГАМЕМНОНЪ, ДАММЕТЪ, ЭВРИМЕДОНЪ.

ДАММЕТЪ.

Великій государь!
Верховный жрецъ уже предсталъ передъ олтарь,
Царица, граждане, во храмѣ Аполлона,
Всѣ ждутъ прибытія туда Агамемнона.

АГАМЕМНОНЪ.

Пойдемъ и принесемъ моленія богамъ,
Да ниспошлютъ они судьбы щастливы намъ
Благословя моей побѣды совершенство,
Да укрѣпятъ на вѣкъ отечества блаженство,
И въ славѣ вознесутъ....

ЯВЛЕНІЕ IV.

АГАМЕМНОНЪ, ЭЛЕКТРА, ГИЛИСА, ДАММЕТЪ, ЭВРИМЕДОНЪ.

ЭЛЕКТРА.

Постой родитель мой!
Предчувство страшное мнѣ кажетъ жребій злой!
Терзается мой духъ мученьемъ несказаннымъ

АГАМЕМНОНЪ.

Могули измѣнить я клятвамъ мною даннымъ,
И жертвы не принесть признанія богамъ?
Дражайша дщерь моя!... Я вижу... знаю самъ...
По совершеніи священнаго обряда,
Перемѣнится рокъ отеческаго града.

ЭЛЕКТРА.

Смущенья моего изобразить нѣтъ словъ —
Позволь родитель мнѣ предстать во храмъ боговъ,
И вмѣстѣ принести съ тобой въ слезахъ моленья:

АГАМЕМНОНЪ.

Ты знаешъ дщерь моя сіи постановленья

Чрезъ кои кровныхъ жертвъ не можно зрѣть тебѣ. —
Не огорчай себя невольныхъ чувствъ въ борбѣ.
Останься здѣсь, прости, не мучь себя тоскою,
Я скоро можетъ быть увижуся съ тобою.

ЯВЛЕНІЕ V.

ЭЛЕКТРА, ГИЛИСА.

ЭЛЕКТРА.

Услыште небеса взываній стонъ моихъ,
И отвратите тьму предчувствій сердца злыхъ!
Гилиса, что за мысль смущаетъ духъ ужасна?
Я въ чувствахъ горести сама въ себѣ невластна!

ГИЛИСА.

Отринь ужасну мысль и духъ свой успокой,
Опасности царю не зрится никакой.
Я видѣла Хиронъ съ друзьями шелъ своими,
И всѣ Архонты въ храмъ тогда жъ вступили съ ними

Ты знаешъ искренность сію Хирона къ нимъ,
И сколь Агамемнонъ гражданами любимъ.
Не воображай себѣ мечты нещастья строга,
Что могутъ предпріять враги во храмѣ бога.

ЭЛЕКТРА.

Смущенья матери мой страшно духъ разятъ!
Какой суровой мнѣ она явила взглядъ,
Когда пошла во храмъ. — Эгистъ предъ той минутой,
Отъ всѣхъ скрывая взоръ разсѣянной и лютой,
Съ Дамметомъ въ тайнѣ, что не знаю говорилъ;
Но слышала сказалъ:„потребно много силъ.
Потомъ, часть воиновъ Эгиста воруженна,
Пошла въ молчаніи глубокомъ погруженна
Съ нимъ въ Аполлоновъ храмъ.

ГИЛИСА.

Повѣрь мнѣ, что злодѣй
О безопасности толь думаетъ своей,
Сколь о вредѣ другихъ. — И знаетъ, что щастливо
Всегда не можно скрыть....

ЭЛЕКТРА.

Ты судишъ справедливо
Но, что Касандры здѣсь еще такъ долго нѣтъ

Она хотѣла мнѣ придти сюда во слѣдъ?

ГИЛИСА.

Не знаю, что для ней готовять сокровенно;
Ей оставлять чертогъ царицей запрещенно,
Эгиста воины стрегутъ со тщаньемъ входъ.

ЭЛЕКТРА.

О жалкая судьба! нещастьемъ славный родъ!
Царица помнитъ ли, кѣмъ въ свѣтъ она
рожденна?
Ахъ! не довольно ли она и такъ смущенна,
Чтобъ отягчать еще ея жестокій рокъ? —
Иль жалость къ ней она щитаетъ за по-
рокъ?
Кого не трогаютъ въ бѣдахъ своихъ неща-
стны,
Того взыванія къ безсмертнымъ суть на-
прасны.

АГАМЕМНОНЪ *за Театромъ.*

Ахъ! Смертной мнѣ ударъ!...

ЭЛЕКТРА.

Что слышу я? Отецъ!...

КЛИТИМНЕСТРА *за Театромъ.*

Умри злодѣй! умри!...

*

АГАМЕМНОНЪ *за Театромъ.*

Приходитъ мой конецъ!...
Увы! еще ударъ!...

ЭЛЕКТРА.

Спѣшите въ помощь!... Боги!...
Хиронъ! Друзья! Народъ! О рокъ! О бѣдства строги!
Увы! Лишаюсь силъ!...

ГИЛИСА.

Ахъ! Въ страшной сей бѣдѣ,
Никто сюда нейдетъ, нѣтъ помощи нигдѣ?

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЭЛЕКТРА, ГИЛИСА, ХИРОНЪ, АРХОНТЫ, НАРОДЪ.

ХИРОНЪ.

О злость! О мщеніе! О день! О день жестоки!
Пещеры адскія ужасны и глубоки,
И вы, о фурій! средь пропастей своихъ,
Не видѣли во вѣкъ толь преступленій злыхъ! —
Итакъ, героевъ вождь, чьи славитъ Міръ заслуги

Палъ подъ ударами неистовой супруги!

ЭЛЕКТРА.

О небо! Боги! Смерть! Затмите свѣтъ въ очахъ!..

падаетъ безъ чувствъ въ объятія Гилисы.

ХИРОНЪ.

Подпоры Аргоса, тирановъ лютый страхъ!
Вы видѣли конецъ славнѣйшаго героя,
И повелителя царей кѣмъ пала Троя!
Вы зрѣли, сколь желалъ отвлечь я жребій строгъ;
Но кто сіе, но кто себѣ представить могъ,--
Чтобъ въ храмѣ, посреди жрецовъ, народна круга,
Безчеловѣчная и лютая супруга
Могла готовить смерть супругу своему?
Эгиста ненависть я зналъ всегда къ нему,
И сталъ вблизи его, храня Агамемнона?..
Едва верховный жрецъ во храмѣ Аполлона,
Въ даръ жертвы небесамъ явилъ земную тварь,
И съ Клитимнестрой царь предсталъ передъ олтарь....
Кто могъ вообразить намѣреніе злое? —
Она, какъ будто бы, душевныхъ чувствъ въ покоѣ,
Скрывая отъ всѣхъ смущенный взоръ и яръ,

Искала устремить надежно, гдѣ ударъ.
Лишъ только преклонилъ Агамемнонъ ко-
лѣно,
Блеснуло пагубно желѣзо изощренно! —
И въ мигъ! О небеса! О злобы адской
страхъ!
Пронзенна я узрѣлъ царя въ моихъ очахъ!
Онъ тяжко возстенялъ, вскочилъ во гнѣвѣ
яромъ! —
Но вдругъ еще сильнѣй ужаснѣишимъ уда-
ромъ
Безъ чувствъ поверженъ былъ къ царицы-
нымъ ногамъ!
Казалось, въ ужасѣ содрогнулся весь храмъ,
И древни потряслись отъ основанья стѣны!
Народъ въ волненіи и въ страхѣ, изумлен-
ный,
Какъ сонмы водъ морскихъ стремящись за
предѣлъ,
Или какъ бурный вихрь, смутился, возшу-
мѣлъ!
Жрецы оставя всѣ священны приношенья,
Недвижны зрѣлися средь люпаго смущенья!..
Внезапно воины явяся между симъ,
Эгиста окружа и Клитимнестру съ нимъ,
Ко умноженію злодѣйства и печали
Противящихся имъ разить нещадно спали!--
Раздался въ капищѣ ужасный вопль и стонъ!...
И первый былъ изъ всѣхъ пронзенъ Эври-
медонъ?

Еще наполненъ храмъ убійцами, врагами!
Друзья! едва успѣлъ оттоль спастись я
съ вами...
Что дѣлать намъ, увы! и что начать те-
перь?
Иль ждать, чтобъ лютая въ убійствѣ Леды
дщерь
Съ Эгистомъ игу насъ тиранства покори-
ла?...
Нѣтъ. — Прежде да сразитъ насъ всѣхъ
небесна сила,
Явится гнѣвъ боговъ, и громы возгремятъ
Падутъ всѣ зданія, падетъ нещастный градъ
И погребетъ народъ погибшій смертью
злою,
Чѣмъ власть тирановъ мы признаемъ надъ
собою!

ЯВЛЕНІЕ VII.

КЛИТИМНЕСТРА, *держа въ рукѣ окровавленной кинжалъ и послѣдуемая нѣсколькими воинами* ЭЛЕКТРА, ГИЛИСА, ХИРОНЪ, АРХОНТЫ, НАРОДЪ.

КЛИТИМНЕСТРА.

Ужаснѣйшій предметъ! Орудье смерти злой!
Еще ли ты въ рукѣ? — Прочь! Скрой видъ
страшный свой!
бросаетъ съ ужасомъ кинжалъ.

Свершилось дѣйствіе жестока въ сердцѣ яда?
Окровавленна тѣнь! Убѣгни въ бездну ада!
Престань, престань являть отчаянье и страхъ!
Ждетъ Ифигенія на Стиксовыхъ брегахъ,
Ждетъ, ждетъ увидѣть тѣнь родителя ужасну!
Спѣши въ мракъ вѣчности утѣшить дщерь нещастну!...
Кого я вижу здѣсь въ молчаньѣ предъ собой?
Ахъ! то Архонты! — Такъ, моей пронзенъ рукой
Вашъ царь, и нѣту въ немъ вамъ болѣе надежды,
Покрыты кровію его мои одежды!...
Погибла вмѣстѣ съ нимъ въ чертогахъ древнихъ сихъ,
Виновница всѣхъ золъ и бѣдствій моихъ;
Сія невольница къ нещастіямъ рожденна,
Касандра, коей мысль царя была плѣненна,
Сѣкира острая ея пресѣкла дни,
Вы зрите кровь вездѣ и ужасы одни!

ЭЛЕКТРА *приходя въ себя.*

Жестокая! Увы! Что слышу я нещастна!
Что ты содѣлала? Гдѣ я? О месть ужасна!
Ещель, ещель онъ живъ? Ахъ! Гдѣ родитель мой!

КЛИТИМНЕСТРА.

Электра, удались и скорбь свою сокрой!
Не могутъ зрѣть тебя глаза мои смущенны,
Не раздражай еще ты чувства воспаленны,
Иди, сокрой себя и повинуйся мнѣ!

ЭЛЕКТРА.

И такъ, свершилось все! Зрю бѣдства я
однѣ!
Прервите жизнь скорѣй, не милосерды
боги!

Гилиса ее цводитъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

КЛИТИМНЕСТРА, ХИРОНЪ, АРХОНТЫ, ВОИНЫ, НАРОДЪ.

КЛИТИМНЕСТРА.

Терзаютъ духъ во мнѣ мечты, мученья
строги! —
Но сладость мщенія пріятнѣе всего. —
Такъ, такъ Агамемнонъ достоинъ былъ его.

ХИРОНЪ.

Не смѣй соединять съ злодѣйствомъ порп-
цанья!

Страшися отъ боговъ правдива наказанья,
Проклятья вѣчнаго, изгнанья отъ людей.—
Я именемъ глашу страны Аргосской всей!

КЛИТИМНЕСТРА.

Какая дерзость словъ? Какое заблужденье?
Содрогнись! Трепещи и чувствуй униженье?
Доколѣ сохранитъ Эгистъ любовь ко мнѣ,
Не страшенъ мнѣ никто въ Аргосской всей странѣ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

КЛИТИМНЕСТРА, ЕГИСТЪ, ХИРОНЪ, ДАММЕТЪ, АРХОНТЫ, СТРАЖА, ВОИНЫ, НАРОДЪ.

ЕГИСТЪ.

О радостнѣйшій день! День истинны! День строгіи!
Теперь и я скажу: есть мстительные боги!
Правдива власть небесъ, правдива и строга!
Я зрѣлъ съ восторгомъ смерть жестокаго врага
Итакъ, погибъ сей царь неправдой въ свѣтѣ славный,
И смертію своей очистилъ грѣхъ коварный!
Зри жертву ту Тіестъ, и духъ свой успокой,
Котору далъ тебѣ я чуждою рукой!
Мои все сдѣлали совѣты и раченья,

И мною устремленъ ударъ жестокій мщенья!-

ХИРОНЪ.

Преступникъ дерзостью средь буйства
своего,
Не страшенъ никогда для взора моего.
Ты хвалишся Егистъ, злодѣйской местью
сею;
Но будешъ отвѣчать за то главой своею!

ЭГИСТЪ.

Здѣсь съ Клитимнестрою священна власть
моя!
Кто смѣетъ мнѣ грозить?

ХИРОНЪ.

Народъ, Архонты, я.

ЭГИСТЪ.

О старцы! зрѣли вы премѣны многи свѣта;
Но трудно мудрости учить въ такія лѣ-
та. —
Однакожъ, нужда, страхъ и власти строгой
гласъ,
Отъ заблужденія лѣчить умѣютъ васъ.
Смирите вашихъ чувствъ стремленья во-
спалены,
И бойтесь отягчить яремъ на васъ взло-
женный!

ХИРОНЪ.

Увы! Содрогнется вселенныя предѣлъ;
Услыша ужасъ весь жестокихъ вашихъ дѣлъ!
Твоимъ злодѣйствіемъ, рукой жены коварной,
Могъ кончить жизнь свою мужъ въ свѣтѣ
столько славной!

ЭГИСТЪ.

Спѣшите къ гибели вы дерзостью такой!
Не раздражайте духъ упорствомъ предо-
мной.
Жестокая брозда, въ кровавой пенѣ зрима,
Возможетъ укротить коня неусмирима.

ХИРОНЪ.

Скорѣй падетъ Аргосъ и поразитъ гражданъ,
Чѣмъ будетъ здѣсь являть намъ власть
свою тиранъ.

ЕГИСТЪ.

О изступленіе жестока дерзновенья!...
Готовте воины мечи для ихъ смиренья! —
Мечи, мечи явятъ, кто властвуетъ надъ
кѣмъ?

ХИРОНЪ.

Мечи.... Владѣть еще умѣю я мечемъ...
Народъ! Насиліе! Попранна властъ закона!

Вступитесь! Мстите кровь царя Агамемнона!

Стража Эгистова обнажаетъ мечи, нѣсколько воиновъ съ другой стороны вырываются изъ толпы народной и дѣлаютъ тоже; въ самое сіе время ударяетъ громъ, всѣ зданія колеблются, отворяются врата храма Аполлонова расположенныя къ сторонѣ Театра; Первосвященникъ и два жреца появляются на степеняхъ онаго.

ЯВЛЕНІЕ X.

КЛИТИМНЕСТРА, ЕГИСТЪ, ХИРОНЪ, ДАММЕТЪ, ПЕРВОСВЯЩЕННИКЪ, ЖРЕЦЫ, АРХОНТЫ, СТРАЖА, ВОИНЫ, НАРОДЪ.

ПЕРВОСВЯЩЕННИКЪ.

Внемлите гласъ боговъ, и преклоните мечь!
Междоусобную брегитесъ брань возжечь!
Безсмертные храня Аргосъ и край Миссены,
Хотятъ, чтобъ волѣ ихъ вы были покоренны
Вражда ужасныя бѣды готовитъ вамъ,
Смирите вы себя, покорствуйте судьбамъ,

И ждите отъ небесъ, безъ стона и роп-
танья,
Казнь злодѣянію, добротѣ воздаянья? (*)

ХИРОНЪ.

Внемлите боги днесь всего народа гласъ!—
И справедливостью своей спасите насъ?
Да придетъ нѣкогда Орестъ въ страну
рожденья,
Отмстить за кровь отца, накажетъ пре-
ступленья.
Да явитъ онъ собой законамъ, правдѣ щитъ,
И иго варварства преславно сокрушитъ?
Коль старость лѣтъ моихъ, и къ смерти
приближенье,
Отъимутъ мнѣ сіе душевно утѣшенье;
Когда отмститъ онъ кровь отца своей ру-
кой,
Придите граждане, на гробъ придите мой;
Скажите щастіе Аргоса утвержденно,
И воздаяніе злодѣйству совершенно?

ЕГИСТЪ.

Надеждой льстятъ себя гонимые всегда,
Что кажетъ имъ свой лучь, для большаго
вреда.

(*) Симъ стихомъ могла бы весьма удобно Трагедія сія быть окончана; но какъ я по большой части подражалъ въ оной Эсхилу, то и прибавилъ слѣдующіе разговоры, которыми у него оканчевается оная.

ХИРОНЪ.

Питай тиранскій гнѣвъ, множъ люту́ю кичливость,
И оскорбляй собой жестоко справедливость.
Чѣмъ устрашишъ меня? Ужъ вѣкъ проходишъ мой. —
Но духъ неколебимъ.

ЕГИСТЪ *обнажая мечь*

Смирися прахъ земной!

КЛИТИМНЕСТРА.

Пренебреги Егистъ, ихъ тщетно дерзовенье.
Познаютъ всѣ они раскаясь заблужденье.—
Смиритъ себя, смиритъ ихъ сонмъ мятежный весь,
Послушно будетъ все тебѣ со мною здѣсь.
Страхъ вмѣстѣ съ милостью, власть, съ ней благодѣянье,
Народа привлекутъ восторгъ и послушанье.

Конецъ.

АЛЕКСАНДРЪ ВЕЛИКІЙ

ТРАГЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ СОЧИНИТЕЛЯ

Мало есть Трагедіи гдѣ бы Историческая точность такъ была соблюдена какъ въ сей. Содержаніе оной взято изъ разныхъ сочинителей, и большею частію изъ восьмой книги Квинта Курція. Въ ней ясно описаны всѣ дѣла Александровы въ Индіи, его посольства къ разнымъ Царямъ страны сей, различные виды ихъ пріемовъ, союзъ его съ Таксиломъ, гордость съ каковою Поръ отвергъ его предложенія, несогласія бывшія между Поромъ и Таксиломъ, и наконецъ побѣда одержанная Александромъ надъ Поромъ; величественной отвѣтъ сего Индѣйца данный побѣдителю, когда сей спросилъ его: какъ желаетъ онъ чтобъ съ нимъ было поступлено? и щедрость съ каковою Александръ возвратилъ ему

его области присоединя къ нимъ многія другія.

Сей поступокъ Александра почитается прекраснѣйшимъ во всей его жизни, равно какъ и опасность которой Поръ подвергъ его во время сраженія была такова, какой съ нимъ никогда не случалось. Онъ самъ признаетъ сіе, говоря, что онъ зрѣлъ опасность достойную его храбрости. Въ въ семъ то случаѣ возкликнулъ онъ: О Аѳиняне! Колико трудовъ долженъ я понести, чтобъ быть похваляему вами.

Я хотѣлъ представить Пора непріятелемъ, достойнымъ Александра, и могу сказать, что характеръ его весьма понравился нашему Ѳеатру, даже до такой степени, что нѣкоторые упрекали меня, якобы я возвысилъ его предъ Александромъ; но сіи люди не разсуждаютъ, что въ сраженіи и въ побѣдѣ Александръ дѣйствительно выше Пора, что нѣтъ ни одного стиха во всей Трагедіи которой не былъ бы

въ похвалу Александра и даже укоризны Пора и Аксіяны прославляютъ доблесть побѣдителя. Поръ можетъ быть нѣсколько больше обращаетъ на себя вниманіе; но сіе потому, что онъ въ нещастіи; ибо, какъ говоритъ Сенека; мы такого свойства, что ничему на свѣтѣ столько не удивляемся какъ твердости человѣка въ нещастіи. Ita affecti sumus, ut nihil aequè magnam apud nos Admirationem occupet, quam homo fortiter miser.

Любовъ Александра и Клеофилы, также не есть моего вымысла; но пишутъ о семъ Юстинъ и Квинтъ Курцій: оба сіи Историки повѣствуютъ, что одна Царица Индѣйская по имяни Клеофила, сдалась Александру вмѣстѣ съ городомъ которой онъ осаждалъ, что онъ въ уваженіе ея красоты возвратилъ ей Царство, и что имѣлъ отъ ней сына которой названъ былъ Александромъ. Вотъ подлинныя слова Юстина. Regna Cleofilis reginae petit, quae, quùm se dedissei ei, regnum ab Alexandro

recepit, illecebris consecuta quod virtute non potuerat; filiumque, ab eo ginitum, Alexandrum nominavit, qui postea regnum Indorum potitus est.

Разсужденіе трудившагося въ переводѣ.

Трагедія Александръ Великій, не столь хорошо была принята Ѳеатромъ и Публикою какъ Аѳалія, Федра Андромаха и нѣкоторыя другія великаго сего сочинителя; не говоря о красотѣ стиховъ, которую весьма прудно сохранить въ переводѣ и содержаніемъ своимъ она не столь понравилась. Сіе послѣднее и важнѣйшее въ переводѣ, должно относить къ общему мнѣнію и вкусу людей того вѣка; извѣстно что оная сочинена была въ 1665 году. За нѣсколько вѣковъ предъ симъ и въ то время всѣ Царства Европы, или просвященнаго свѣта были со стороны политической въ некоторомъ равновѣ-

сіи и люди чрезъ толь долгое время привыкнувъ видѣть себя въ семъ положеніи, сомнѣвались даже въ истинѣ о подвигахъ Александра Великаго, такъ что нѣкоторые осмѣливались ставить его въ рядъ съ баснословными героями наипаче сочиненіе объ немъ Квинта Курція, полагали столь вымыслами украшеннымъ какъ Гомерову Иліаду.— Сему причиною пространство времяни отдѣлявшее отъ нихъ эпоху Александра великаго и что съ тѣхъ поръ подобные ему завоеватели не появлялись на Θеатрѣ свѣта.

Сіе мнѣніе продолжалось до новѣйшихъ времянъ, въ которыя угодно было судьбѣ, явить предъ лицемъ свѣта подобныя дѣла Александровымъ, клонящіяся къ благосостоянію Европы и цѣлаго свѣта, а чрезъ то оправдать дѣеписателей сего великаго завоевателя; и вмѣстѣ сію Трагедію, которой содержаніе взято изъ подлинныхъ о немъ повѣствованіи; поелику же всѣ пред-

ставленныя въ оной произшествія болѣе приличны временамъ нашимъ, нежели вѣку въ которомъ сія Трагедія была сочинена; то надѣюсь, что оная лучше принята будетъ нынѣ, нежели тогда и послѣ. Сіе то мнѣніе заставило меня, такъ сказать возобновить оную переводомъ на Россійской языкъ.

АЛЕКСАНДРЪ ВЕЛИКІЙ

ТРАГЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

СОЧИНЕННАЯ

Г. Расиномъ.

ВЪ 1665 году

Преложенная въ Россійскіе стихи
въ 1813 году.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

АЛЕКСАНДРЪ.

ПОРЪ } Цари Индійскіе.
ТАКСИЛЪ }

АКСІАНА, Царица другой части Индіи.

КЛЕОФИЛА, Сестра Таксилова любовница Александрова.

ЭФЕСТІОНЪ.

СТРАЖА, Александрова.

Дѣйствіе происходитъ на берегу Гидаспа въ станѣ Таксиловомъ.

АЛЕКСАНДРЪ

ТРАГЕДІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНІЕ I.

ТАКСИЛЪ, КЛЕОФИЛА.

КЛЕОФИЛА.

Что слышу? — Ты идешъ противъ того
на брань,
Кому самъ нынѣ рокъ, покровъ являетъ въ
дань,
Всей Азіи Цари предъ коимъ ницъ упали,
И щастье, и судьба, кому послушны стали.
Познай кто Александръ, познай любезный
братъ!
Зри троны и вѣнцы, что въ прахѣ ужъ ле-
жатъ,
Народовъ сильныхъ плѣнъ, Царей оковы
многихъ!
Потщися упредить ударъ толь бѣдствій
строгихъ!

ТАКСИЛЪ.

Не мысли чтобы я возмогъ толь робкимъ
стать,
Что самъ бы поспѣшилъ то иго воспріять,
Чтобъ вопіяли всѣхъ Индійскихъ странъ
народы,
Что мною навсегда лишилися свободы! —
Покинуль Пора я, возможноль измѣнить
Тому, кто ищетъ край со славой охранить
Кто избранъ править здѣсь всеобщею дер-
жавой,
Кто ищетъ царствовать, иль умереть со
славой?
Одинъ ли долженъ я безъ дѣйства пребы-
вать,
Отъ имя Александръ! во страхѣ трепе-
тать? —
И мня ужъ быть его властителемъ вселен-
ной,
Оковъ просить, какъ рабъ въ покорствѣ
униженной!
Другіежъ не смотря на славы громъ и свѣтъ,
Готовы поражать его среди побѣдъ! —
Не полагай во мнѣ ты мнѣнія такова,
Чтобъ я готовясь въ брань желалъ его по-
крова.

КЛЕОФИЛА.

Но знай, что Александръ къ тебѣ свой
взоръ стремитъ,

И дружество твое его толико льститъ,
Что молнія его, отъ коей міръ трясется
Онъ хочетъ, да тебя, лишъ только неко-
снется.

ТАКСИЛЪ.

Изъ всѣхъ Гидапскихъ войскъ возставшихъ
на него,
Почто бы я одинъ достоинъ былъ сего,
Что жалость онъ ко мнѣ толь низку обра-
щаетъ,
Почто же Пору онъ сей дружбы неявля-
етъ?—
Онъ знаетъ можетъ быть его геройской
духъ,
Что не захочетъ онъ постыдныхъ толь
услугъ;
Но доблести такой во мнѣ увы! — нача-
етъ! —
Вотъ что его пещись о мнѣ повелеваетъ!

КЛЕОФИЛА.

Ты лутче, мнѣ скажи, что ищетъ онъ ра-
бовъ. —
Ахъ нѣтъ. Онъ чтитъ тебя храбрѣе всѣхъ
враговъ,
Онъ мнитъ, что естли ты съ нимъ можешъ
примирится,
Надъ прочими ему легка побѣда зрится.

Вотъ онъ почто давно любьви твоей хотѣлъ;
А дружество его, не подлыхъ душъ удѣлъ.
Хоть свѣтомъ обладать во славѣ онъ желаетъ;
Но межъ друзей его рабовъ никто не знаетъ
Коль дружество сіе, твое величье чтитъ,
Почто же терпишь ты, что дѣлаетъ мнѣ стыдъ?
Ты знаешъ, что о мнѣ онъ мыслитъ повсечасно,
Почто не пресѣчешъ, что низко, иль опасно?
Ты знаешъ, что его владѣю я душой,
Сношенья тайны всѣ, и знаешъ пламень мой.
Промежду становъ двухъ къ сраженью ополченныхъ,
Доходятъ вѣсти мнѣ о вздохахъ повседневныхъ;
Почто же не прервешъ толь вреднаго огня,
Не рѣдко въ гордости при томъ винишъ меня?
Ты самъ меня склонялъ жестокой неказаться,
И можетъ быть еще во власть любьви предаться.

ТАКСИЛЪ.

Тебѣ конечно то, не можетъ быть быть стыдомъ.

Коль чрезъ любовь твою умолкнетъ брани
громъ;
Хотябъ въ ней побѣдилъ тебя герой Ефраша;
Но предстоитъ совсемъ иное здѣсь для
брата,
И участь всей страны съ моей сопряжена,
Не можетъ безъ нее, особо быть одна.
Хотя такой совѣтъ тебѣ по чувствамъ сроденъ,
Чтобъ вольность странъ хранить, я долженъ быть свободенъ.
Тебя влечетъ къ тому любови жаръ въ крови
Но также какъ и ты, я слѣдую любви.
Нехочетъ, чтобъ былъ миръ, прекрасна
Аксіана,
И въ Александрѣ зрѣть велитъ она тирана.
Царица всѣхъ сердецъ, къ оружью всѣхъ
стремитъ,
За вольность умирать законъ ея велитъ,
Тиранску власть очамъ своимъ лишъ оставляетъ,
Мы должны всѣ возстать, коль гнѣвъ ея
пылаетъ,
И долженъ я идти..

КЛЕОФИЛА.

Такъ погибай для ней! —
Покорствуй замысламъ возлюбленной своей

Служи ей, иль чрезъ то совмѣстнику надменну,
Отдай ему свой лавръ, чтя волю не премѣнну.
Воюй за Пора ты, желаетъ такъ она,
Да будетъ власть его тобой утверждена.
Путь къ сердцу ты ея, тѣмъ Пору откроешь

ТАКСИЛЪ.

Не мыслишъ ли, что Поръ такъ будетъ....

КЛЕОФИЛА.

Иль незнаешъ,
Иль сомнѣваешся въ любьви ея къ нему?—
Сколь страсть ея сильна, то видно по всему.
Въ глазахъ твоихъ его возноситъ повсечасно,
Сколь ни былъ бы онъ храбръ, неужель то напрасно,
Что доблести его предъ всѣми тако чтитъ,
И лавры одному ему она сулитъ.
Всѣхъ тщетны замыслы, хоть всякъ къ войнѣ стремится,
И вольность можетъ имъ лишь только утвердиться;
Давнобъ могли враги все въ пепелъ обратить;

Но Александру путь лишь силенъ онъ пре-
шишь.
Она съ безсмертными Царя сего равняетъ,
Иль мнишь что безъ любьви его такъ выхъ-
хваляетъ? —

ТАКСИЛЪ.

Хочу въ сомнѣньи быть, плѣняяся мечтой,
Ты въ заблужденьѣ семъ оставь разсудокъ
мой!
Почто являешъ мнѣ сей ужасъ Клеофила?
Обманывай глаза нещастнаго Таксила
Скажи, она для всѣхъ прекрасна и мила;
Но гордою всегда красавицей слыла.
Польсти надеждой мнѣ...

КЛЕОФИЛА.

Надѣйся, я согласна;
Но что ты можешъ ждать отъ замысла
напрасна?
Скажи за чемъ, на брань тебя твой духъ вле-
четъ,
Коль Александръ тебѣ безъ бою все даетъ?
Не онъ тебя, не онъ лишаетъ Аксіаны;
Но Поръ совмѣстникъ твой, его разрушъ
обманы.
Одно лишъ имя здѣсь его межъ всѣхъ гре-
митъ,
О прочихъ воинахъ ужъ слава не гласитъ.
Но какъ бы ни было, сіе все превосходитъ! —

Какъ подданныхъ своихъ онъ васъ на брань
выводитъ!
Коль любишъ ты сіе бѣды, своей не зря,
Такъ Греки съ Персами являютъ намъ Царя
Се, множество державъ въ его ты видишъ
власти,
Вселенна вся и Поръ подвергнутся сей ча-
сти. —
Но Александръ тебѣ даетъ не узы въ даръ,
Престолъ твой утвердя, онъ отвратитъ
ударъ
Которой издали соперникъ твой наводитъ;
Сей службы ждетъ твоей, тотъ царство-
вать возводитъ!
Иль жертвой Пора быть, ты братъ жела-
ешъ мой?
Ты будешъ ей; но се соперникъ гордой твой!

ТАКСИЛЪ.

Смущеніе мое мнѣ ясно предсказуетъ
Что я нещастливъ въ ней, а онъ ужъ тор-
жествуетъ!

КЛЕОФИЛА.

Вамъ дорогъ часъ, прости; но размышляй о
томъ,
Будь Александру другъ, иль Пора будь ра-
бомъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

ПОРЪ, ТАКСИЛЪ.

ПОРЪ.

Иль льстятъ мнѣ въ томъ, мечты, или враги то знаютъ,
Что имъ успѣха здѣсь судьбы не обѣщаютъ.
Вожди и воины, весь нашъ союзный станъ
Пылаютъ къ битвѣ такъ какъ жаждетъ крови врагъ!
Надежда съ храбростью блистаютъ съединенно,
И обѣщаетъ всякъ побѣду непремѣнно.
Всякъ жаждетъ лавры рвать, сражаться какъ герой,
Надежда побѣдить, летитъ изъ строя въ строй.
То шумомъ радостнымъ повсюду возвѣщаютъ,
И только лишъ о томъ унынiе являютъ,
Что медлятъ показать, сколь храбрость ихъ сильна
И праздность въ станѣ имъ давно уже скучна.
Почто намъ обращать имъ храбрость въ тяжко бремя?
Врагъ ищетъ вижу я удобнѣйшаго время,

Зря слабость силъ своихъ, сразиться медлитъ онъ,
Желаетъ, чтобы здѣсь представъ Эфестіонъ,
Посольствомъ бы своимъ продлилъ....

ТАКСИЛЪ.

Принять намъ должно. —
Что мыслитъ Александръ, то вѣдать невозможно.
И можетъ быть еще онъ хочетъ миръ подать. —

ПОРЪ.

Миръ! Отъ руки его, возможноли принять?--
Ахъ! Что вѣщаешъ ты? — Онъ люотою войною
Нарушилъ тишину, страны лишилъ покою,
Ворвался въ нашъ предѣлъ со пламенемъ, съ мечемъ
Не бывъ здѣсь изъ царей неоскорбимъ никѣмъ,
Повергнулъ грады въ прахъ, поля опустушенны,
И рѣки здѣшнихъ мѣстъ всѣ кровью обагренны,
Итакъ, коль днесь судьба его лишаетъ силъ,
Я буду время ждать, чтобъ врагъ меня простилъ!..

ТАКСИЛЪ.

Въ чемъ щастіе его оставило? незнаю,
Повсюду прежніе успѣхи примѣчаю.
Онъ власть свою вездѣ принудилъ почитать,
Толь сильнаго врага нельзя пренебрегать.

ПОРЪ.

Не презираю я; но чту его геройство,
Цѣнить умѣю я души великой свойство,
Хвалю духъ мужества, желаю доблесть чтить,
Но я и самъ тогожъ хочу достоинъ быть!
Хочу чтобъ Александръ въ превыспренней былъ долѣ;
Но я жъ хочу его повергнуть въ низъ отолѣ! —
Иду противъ него! — Противъ тѣхъ олтарей,
Что робкая рука униженныхъ царей
Воздвигнула ему? Зри какъ ихъ власть упала;
Но естьлибъ Азія въ сей доблести возстала,
То Дарій, кой своимъ величіемъ гремѣлъ,
Царя бы своего при смерти въ немъ не зрѣлъ.

ТАКСИЛЪ.

Коль Дарій могъ бы впредь познать напасти злыя,
Тамъ царствовалъ бы днесь, владѣютъ гдѣ другіе;

Но гордость что ему затмила жизни свѣтъ
Была не безъ причинъ, которыхъ нынѣ нѣтъ.
Въ побѣдахъ Александръ не столько былъ возвышенъ,
Что славы громъ его во всей вселенной слышенъ;
Та молнія еще скрывалась въ облакахъ,
За тѣмъ и презиралъ невѣдомыи онъ страхъ;
Онъ поздно то позналъ, спокойно ожидая,
Коль участь для него готовилася злая;
Внезапно бывъ лишенъ и щастія и силъ,
Перунъ разя его, глаза ему открылъ.

ПОРЪ.

Но какъ ты мнишъ Таксилъ! Какою бы цѣною
Могъ съ Александромъ миръ межъ мноѣ быть и тобою?
Спроси народы тѣ, гдѣ сдѣланъ миръ таковъ;
Но что мы видимъ ихъ уже среди оковъ.
Ахъ! Нѣтъ, не льстися тѣмъ, что должно быть презрѣнно,
Союзъ его рабство приводитъ непремѣнно.
Ты тщетно думаешъ не въ полнотѣ служить,
Тотъ, кто не врагъ ему, рабомъ тотъ долженъ быть.

ТАКСИЛЪ.

Не робку должно быть, притомъ не дерзновенну.

Мы почесть должную царю сему надменну
Польстя на время тѣмъ, почтенье воздадимъ,
Прегордой духъ его влечетъ къ странамъ иным?
Кипящая рѣка преграды всѣ срываетъ,
Но гдѣ препонъ не зритъ, тамъ тихо протекаетъ
Подобно такъ и онъ противниковъ поправъ,
Сбирая силы всѣхъ разрушенныхъ державъ,
Внимаетъ гласу онъ одной побѣдъ богинѣ.
Почто намъ раздражать его въ своей гордынѣ?
Почтимъ ходъ войскъ его, покорность всю явимъ,
Утрачены права, мы скоро возвратимъ.
Покорство малостью такое должно числить.

ПОРЪ.

Покорство малостью! Возможноль тако мыслить!
Иль славу потерять вмѣняешъ ни во что?
Спасенья нашихъ странъ не оправдаетъ то.
Не мни, чтобъ обретя толь легкую побѣду,
Онъ власти своея здѣсь не оставилъ слѣду.
Коль многи изъ царей не разсудя сего,
Толико царствуютъ, сколь власть велитъ его.
Коль Троны потрясетъ, предпишетъ намъ законы

Не тверды на главахъ пребудутъ ужъ короны.
И скипетры онъ презря, что такъ народы чтутъ,
Коль слово изречетъ, изъ нашихъ рукъ падутъ.
Нельзя того сказать, что онъ какъ вихрь летаетъ,
Но покорилъ кого, того несвобождаетъ;
А чтобъ народы зрѣть, подъ властью лишь своей,
Изъ праха иногда возводитъ имъ Царей!
Но я всѣ происки и хитрость презираю,
И въ пользу лишь твою слова сіи вѣщаю.
Повѣрь, что Пору въ томъ нѣтъ нужды никакой,
Онъ презираетъ все, зоветъ коль слава въ бой!

ТАКСИЛЪ.

Я такъ же какъ и ты внимаю гласу славы. —
Но гордость отложивъ и мысли величавы,
Ищу я способа отечество спасти.

ПОРЪ.

Се способъ, надлежитъ оружіе нести.
И упредя врага въ намѣреніяхъ злобныхъ,
Спѣшить сразиться съ нимъ при случаяхъ удобныхъ.

ТАКСИЛЪ.

Отвага дерзская всегда бѣдой грозитъ.

ПОРЪ.

За робостію стыдъ всегда во слѣдъ летитъ.

ТАКСИЛЪ.

Любимъ народомъ царь, когда его жалѣетъ.

ПОРЪ.

Почтенъ народомъ царь, кой царствовать умѣетъ.

ТАКСИЛЪ.

Пріятенъ сей совѣтъ надменнымъ лишъ душамъ.

ПОРЪ.

Пріятенъ говорю, царицамъ и царямъ.

ТАКСИЛЪ.

Царица гордости твоей одной внимаетъ.

ПОРЪ.

Рабъ подлый ей предметъ презрѣнья представляетъ.

ТАКСИЛЪ.

Не ужель мысль сія любьви твоей есть плодъ,
Въ опасность чтобъ ввергать царицу и народъ?
Нѣтъ, нѣтъ то не любовь, одна лишъ только злоба

Зоветъ тебя на брань, и можетъ двери гроба...

ПОРЪ.

Пусть такъ; но признаюсь, душа раздражена
Тебѣ пріятенъ миръ, а мнѣ мила война.
Признаюсь, храбростью единою пылаю
И съ Александромъ силъ извѣдать я желаю.
Побѣдъ и славы громъ, смущаютъ толь меня
Что съ нетерпѣньемъ жду сего щастлива дня.
Еще онъ къ намъ не шелъ, тогда ужъ тайна сила,
Мой духъ противъ него къ войнѣ вооружила
Въ сей славной ревности мой духъ негодовалъ
Что Азію не столь онъ быстро протекалъ,
Звалъ мысленно къ себѣ, душа во мнѣ терзалась
И участь Персовъ мнѣ завидною казалась.
А нынѣ коль могу себя въ томъ обмануть,
Коль прочь пойдутъ отъ насъ, потщусь пресѣкнуть путь,
Остановлю его и успокою душу,
Сто кратъ даруй онъ миръ, сто кратъ его разрушу.

ТАКСИЛЪ.

То правда, жаръ такой героя всѣмъ явитъ
И въ повѣстяхъ времянъ ты будешъ знаменитъ.
А естьли и падешъ въ семъ подвигѣ прекрасномъ

Падешъ со славою и громомъ преужаснымъ!
Царица къ намъ идетъ. Прости, являй
предъ ней
Величіе души и храбрости своей;
Нарушу можетъ быть толь славны разго-
воры,
И сердцу твоему тѣмъ сдѣлаю укоры.

ЯВЛЕНІЕ III.

ПОРЪ, АКСІАНА.

АКСІАНА.

Что вижу я? — Таксилъ! Отъ глазъ моихъ
бѣжитъ

ПОРЪ.

Царица, онъ отъ насъ сокрыть свой хочетъ
стыдъ.
Коль храбрость испытать не хочетъ въ бра-
ни съ нами,
Какими на тебя онъ долженъ зрѣть очами?
Коль Александру онъ врагомъ боится быть,
Пускай съ сестрой идетъ его боготворить
Оставимъ станъ его, гдѣ жертва ужъ пы-
лаетъ,

Гдѣ преданной Таксилъ владыку ожидаетъ.

АКСІАНА.

Но что онъ рекъ тебѣ?

ПОРЪ.

Успѣлъ онъ показать,
Колико долженъ рабъ власть царску почитать,
И ждетъ чтобъ я служилъ!...

АКСІАНА.

Спокойся, умоляю! —
Намѣренья его пресѣчь я способъ знаю.
Онъ страстно преданъ мнѣ и сердцемъ и душой,
Пускай о томъ еще помыслитъ онъ со мной.
Не принуждай его ты рвеніемъ чрезмѣрнымъ,
Предать себя совсемъ намѣреньямъ презрѣннымъ.

ПОРЪ.

Увы! То ясно все, и нѣтъ сомнѣнья въ томъ
Надѣйся на того, кто сталъ моимъ врагомъ,
Кто ищетъ и тебя предать сему тирану
И получить потомъ какъ мзду ужъ обѣщанну.

Такъ помогай ему себѣ же измѣнять,
Онъ силенъ можетъ быть любовь твою
прервать;
Желаніяжъ сего пресѣчь во мнѣ не можно,
Сражаться за тебя и умереть коль должно.

АКСІАНА.

И ты такъ думаешъ, что послѣ золъ та-
кихъ,
Достоинъ будетъ онъ всѣхъ нѣжныхъ
чувствъ моихъ,
Что сердце покоривъ закону непремѣнну,
Я соглашуся стать наградой за измѣну!
Возможноль не краснѣвъ, жестоко толь ви-
нить?
Увы! Причиною тому, что можетъ быть?
Когдабъ должна была предъ вами я приз-
наться,
Не мни, чтобъ въ выборѣ я стала колебаться.
Не вѣрной духъ его сомнѣніемъ живетъ,
Къ одной странѣ любовь; а страхъ къ дру-
гой влечетъ
Я знаю безъ меня давнобы онъ рѣшился,
Давнобъ сестры своей коварству поко-
рился. —
Ты знаешъ Александръ держалъ ее въ плѣну
И къ брату возвратилъ потомъ въ сію
страну,
Но замыслы ея, тогда же я познала
И сѣти таковы разсторгнуть предпріяла.

ПОРЪ.

Такъ вѣдая сіе, ты можешъ быть при ней,
Оставить не спѣшишъ ихъ станъ презрѣнный сей!
Достойныли они тово, чтобъ къ нимъ стремились
Вниманія твои?...

АКСІАНА.

Хочу чтобъ съединились,
Противъ тово, кто всѣхъ побѣдами страшитъ,
И нехочу чтобъ ты остался безъ защитъ.
Въ Таксилѣ я тебѣ помощника являя,
Принужу въ брань идти сестру пренебрегая!
Но что не зрю въ тебѣ преданности я сей?
Внимая ты одной свирѣпости своей,
Мнишъ горда пусть душа въ величьй погибаетъ;
А будетъ что потомъ, твой духъ пренебрегаетъ
Хотябъ плѣнивъ меня здѣсь Александръ, Таксилъ,
Тотъ гордости, другой любьви поработилъ,
И побѣдителя Таксилъ имѣвъ названье,
За смерть твою меня здѣсь принялъ въ воздаянье!
Ступай о Государь! И славою блистай,

Дражайшу жизнь свою и все позабывай!
Забудь, что небеса щедроты намъ являютъ,
Щастливы можетъ быть судьбы приготовляютъ,
Быть можетъ что ты здѣсь представъ моимъ очамъ..
Ночто я говоря? — Спѣши къ своимъ полкамъ
Сей слезной разговоръ, я зрю тебя смущаетъ,
Минуты дороги ужъ слава ожидаетъ!

ПОРЪ.

Постой дражайшая, познай весь пламянь мой
Повелѣвай моимъ и сердцемъ и душой!
Владѣетъ слава мной, то искренно вѣщаю;
Но прелестямъ твоимъ все въ жертву посвящаю!
Хоть воинство твое соединясь съ моимъ,
Готово утвердить побѣду намъ однимъ,
Хоть былобъ для меня, то щастьемъ совершеннымъ,
Торжествовать однимъ не бывъ имъ подкрѣпленнымъ.
Молчу! Повелѣвай! Поработить умѣвъ
И зри у ногъ твоихъ и славу и мой гнѣвъ!

АКСІАНА.

Спокойся, сердце то я коимъ толь владѣю,
Отъ бѣдъ, измѣнъ, коварствъ хранить его умѣю.

Желаніе мое путь къ славѣ не прервет,
Не удержу тебя когда побѣда ждет.
Народаго врага иди, будь твердъ, мужайся;
Но отъ союзниковъ своихъ не уклоняйся,
Не презирай ты ихъ, не отвергай ихъ силъ.
Потщусь, чтобъ преклоненъ былъ съ воинствомъ Тасилъ,
Не раздражай его толь строгими словами,
Повѣрь подъ нашими увидишъ знаменами.

ПОРЪ.

Согласенъ я на то, мнѣ мысль твоя законъ,
Коль должно пусть придетъ сюда Эфестіонъ
И суетно плодитъ свое о мирѣ слово,
Готовъ его принять; но войско ужъ готово!

Конецъ перьваго дьйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

КЛЕОФИЛА, ЭФЕСТІОНЪ.

ЭФЕСТІОНЪ.

Межъ тѣмъ какъ здѣсь цари собравшись на совѣтъ,
Готовятъ сильному Монарху свой отвѣтъ;
Позволь царица мнѣ повѣдать на единѣ,
За чемъ предсталъ я здѣсь, о скрытной сей причинѣ.
Хранитель тайныхъ чувствъ Монарха моего
Позволь да изъясню всю страсть къ тебѣ его.
Любовь его къ тебѣ, которой онъ пылаетъ
Причиной, что онъ миръ царямъ симъ обѣщаетъ.
По многимъ вздохамъ толь, чего онъ долженъ ждать? —
Иль силенъ въ томъ тебя твой братъ поколебать?
Не ужель хочешъ, ты, чтобъ сердце его страстно

Въ невѣденіи бывъ, страдало повсечасно!
У ногъ желаешъ ли, зрѣть свѣта всѣ страны,
Желаешъ миру ты, иль страшныя войны?
Скажи! И Александръ на все себя склонлетъ,
Онъ миромъ, иль войной; но быть твоимъ желаетъ.

КЛЕОФИЛА.

Чтобъ сильной толь Монархъ! Возможноль вобразить
Могъ въ памяти своей еще меня хранить?
Чьей славы громкихъ дѣлъ трепещутъ всѣ предѣлы,
Вздыханьемъ помрачалъ въ побѣдахъ дни веселы?
Такія плѣнники оковы скоро рвутъ.
Во храмъ безсмертія ихъ подвиги зовутъ;
Хотя любовь и въ нихъ свой пламень возжигаетъ;
Но въ лавровой тѣни онъ скоро простываетъ.
Когда я у него въ плѣну еще была,
Быть можетъ сердце что тронуть его могла;
Но мню, что онъ тогдажъ, когда мой плѣнъ прервался
Отъ легкихъ узъ такихъ освобожденъ остался

ЭФЕСТІОНЪ.

Коль нетерпеніе его моглабъ ты знать,

И горестные дни въ разлукѣ сощитать;
Позналабъ, что любовь къ тебѣ лишъ устремляла,
Сражался; но душа тебя одну искала.
Державы для тебя одной онъ покорилъ,
И вихремъ пролетѣть онъ царства поспѣшилъ,
Желая обрести душѣ своей отраду,
Крушилъ все на пути являло что преграду.
А нынѣ тѣ поля знамена ваши зрятъ,
И наши гдѣ полки готовы въ бой стоятъ;
Но побѣдитель сей, сей страхъ сердцамъ надменнымъ,
Боится твоего быть сердца удаленнымъ.
Не тщетноль онъ свой мечь изъ края въ край стремитъ,
Когда онъ самъ себѣ спокойствія не зритъ,
Коль нѣжныхъ чувствъ во власть не хочешъ ты предаться,
Коль ищешъ завсегда въ любви сей сомнѣваться,
Вооружая тѣмъ всѣ мнѣнія свои? —

КЛЕОФИЛА.

Защита слабая сомнѣнія сіи. —
Что сердцу больше льститъ, чего оно желаетъ,
Въ томъ сомнѣвается и больше духъ страдаетъ.
Коль чувства знать мои желаетъ онъ любя,

То знай, съ восторгомъ то, я внемлю отъ тебя.
Страшилась, время чтобъ сей жаръ не истребило,
Любить его и быть любимой сердцу мило.
Съ тѣхъ поръ какъ онъ вступя съ побѣдой въ нашъ предѣлъ,
Въ Омфіи плѣнницой своей меня узрѣлъ,
Съ тѣхъ поръ властителемъ ужъ чтя его вселенной,
Не сокрушалась я о участи плачевной,
И безъ роптанія снося судьбу свою,
Привычкой милою неволю чла сію.
Свободы мысль во мнѣ всечасно истреблялась,
Чего просила я, то получить боялась.
Представь, я рада ли, что онъ сюда спѣшитъ;
Но явится ль онъ мнѣ здѣсь кровію покрытъ?
Онъ въ видѣ ли врага въ страну сію вступаетъ,
И слезы ли мои зрѣть съ горестью желаетъ.

ЭФЕСТІОНЪ.

Нѣтъ, чтя красы твои, онъ въ сей вступилъ предѣлъ,
Оружью своему умолкнуть повелѣлъ,
И миръ даруя здѣсь царямъ симъ ослѣпленнымъ.
Являетъ имъ покой, мечемъ своимъ взнесеннымъ.

Побѣда, что всегда его законы чла
Боится, чтобъ вредна Таксилу не была.
Не хочетъ духъ томить толь лютыми бѣдами,
Чтобъ лавръ былъ орошенъ возлюбленной слезами.
Спѣши помочь сему, къ чему стремитъ любовь;
Избавъ отъ славы сей, чтобъ слезы лить и кровь,
И преклони царей, которыхъ онъ прощаетъ
Ту милость воспріять, что чрезъ тебя являетъ.

КЛЕОФИЛА.

Найдѣся на меня, что волю я сію;
Но справедливый страхъ смущаетъ мысль мою.
Боюсь, чтобы въ крови нещастнаго Таксила,
Возлюбленнаго мечь побѣда не омыла! —
Я тщетно съ нимъ веду о мирѣ разговоръ,
Здѣсь Аксіана имъ, и съ ней владѣетъ Поръ;
Царицы прелести, царя сего примѣры,
Глуша мой гласъ, его смущаютъ паче мѣры.
Какъ быть спокойной мнѣ въ такихъ превратныхъ дняхъ!
Мнѣ братъ и Александръ являютъ равный страхъ;
Хоть славы громъ его повсюду я внимаю,
Онъ многихъ побѣдилъ; но Пора также знаю.

Онъ здѣшнихъ странъ народъ въ побѣдахъ
укрѣпилъ,
И Персовъ съ Скиѳами прехрабро отразилъ,
Геройски правя онъ врученною державой,
Всѣхъ учитъ побѣждать, иль умирать со
славой!

Боюся!...

ЭФЕСТІОНЪ.

Ахъ! Оставь, оставь сей тщетный страхъ,
Пусть Поръ спѣшитъ принять свой жре-
бій въ сихъ мѣстахъ,
Пусть цѣла Индія подъ нимъ соединится,
Лишъ бы Таксиловъ мечь отъ нихъ могъ
уклониться;
Но се они идутъ.....

КЛЕОФИЛА.

Потщись своимъ умомъ,
Оружья отвратить толико страшный громъ
Но естьли Поръ внимать совѣтамъ симъ не-
станетъ,
Прошу, да громъ войны на насъ однихъ не-
грянетъ

ЯВЛЕНІЕ II.

ПОРЪ, ТАКСИЛЪ, ЭФЕСТІОНЪ.

ЭФЕСТІОНЪ.

Доколь оружіе, военныхъ дѣлъ случай,
Къ побѣдамъ не причтутъ здѣсь нашимъ весь сей край
Монархъ мой подвиги свои остановляетъ,
И миръ послѣдній разъ странамъ симъ обѣщаетъ.
Народъ вашъ ложною надеждой упоенъ,
Мнитъ ходъ его здѣсь быть возможетъ претковенъ.
Хоть множество полковъ къ тому являться смѣютъ,
Гидаспскихъ на брегахъ его знамена вѣютъ;
Давнобъ въ окопахъ здѣсь онъ ихъ уже вонзилъ,
И землю трупами и кровію покрылъ;
Когда бы сей герой питая сожалѣнье,
Толь храбрыхъ войскъ своихъ не прекратилъ стремленье.
Не хочетъ кровію царей свой мечь багрить,
И строгимъ торжествомъ народы устрашить.
Толь слезной славою не хочетъ возвышаться,
Чтобъ на гробахъ царей могъ лавръ его казаться.

Лишъ заблужденій вы своихъ оставя слѣдъ,
Не раздражайте днесь его среди побѣдъ!
Коль гнѣвъ его почилъ, мечи греметь пре-
стали,
Довольны будьте тѣмъ, что здѣсь его вы
ждали.
Почтите славу дѣлъ и блескъ его вѣнца,
Что противъ воли чтутъ и ваши ужъ
сердца,
И покровительство его теперь примите,
Защитой славной толь страну свою почт-
ите!
Се, воля вышняя Монарха моего! —
Готовъ онъ мечь вложить, или вознесть его
Извѣстна мысль сія. — И вы должны рѣ-
шиться,
Хотитель все имѣть, или всего лишиться?

ТАКСИЛЪ.

Не мни Эфестіонъ! Чтобъ въ гордости слѣ-
пой,
Не вѣдали цѣны мы доблести такой
И чтобы нашъ народъ толико заблуждался,
Чтобы насильно быть врагомъ онъ вамъ
старался.
Всю почесть воздадимъ преславнымъ толь
дѣламъ!
Вы чтите тѣхъ боговъ, мы коимъ зиждемъ
храмъ.

Герои смертными межъ васъ которы зрятся,
Тѣмъ жертвы въ сихъ странахъ на олта-
ряхъ курятся.
Но тщетно ищете вы тягостью оковъ,
Васъ почитающихъ, преобратить въ рабовъ,
Хотъ ваши подвиги народъ здѣсь удивляютъ,
Но онъ бѣжитъ тѣхъ жертвъ, къ которымъ
принуждаютъ,
Довольно вами царствъ уже покорено,
И вѣнценосныхъ главъ подъ иго склонено,
Не время ли уже чтобы сей страхъ прер-
вался,
И Александръ друзей искать себѣ старался
Народы рабственны отъ васъ всегда дро-
жатъ,
Раждающуся власть не твердо тѣмъ крѣ-
пятъ.
На вольность зрятъ они завистными очами,
Все царство скрытыми наполненно врагами,
Оплакиваютъ втай вѣнцы своихъ царей,
Пространство страшное отъемлетъ мочь
цѣпей.
Ужъ Скиѳовъ изъ оковъ тѣхъ изходящихъ
зрите,
Вы кои возложить на насъ теперь хотите.
Извѣдайте въ залогъ вы дружбу получить,
Та искренность всегда возможетъ твердой
быть.
Оставте вы народъ свободой наслаждаться,

Безъ принужденія величью удивлятся.
Цѣною сей готовъ я дружбу воспріять,
И буду ждать его, царю какъ должно ждать
Героя, коего я доблесть чтить умѣю,
Отдамъ надъ сердцемъ власть, не надъ
страной моею.

ПОРЪ.

Когда уже Гидаспъ всѣ силы съединилъ
И брегъ свой охранять царей всѣхъ ополчилъ;
Не должно между насъ быть мнѣнія инова,
Какъ власть тиранску стерть, и сила
ужъ готова
Возстать за вольность странъ; но естьли
кто изъ насъ
Днесь льститъ насилію, оправдывая васъ
За тѣхъ здѣсь нынѣ Поръ отвѣтствовать
желаетъ,
Таксилъ намѣренью которыхъ измѣняетъ.
Пославшій царь тебя, чего возмогъ желать,
Противъ ково онъ насъ намѣренъ защищать?
Какую обѣщать намъ помощь не стыдится?--
Враговъ кромѣ его предѣламъ симъ незрится. —
И преждѣ нежель сталъ опустошать онъ
свѣтъ,
Въ покоѣ Индія была среди побѣдъ;

А ежели его нарушить кто посмѣетъ,
Защитниковъ она сама въ себѣ имѣетъ
За чемъ онъ противъ насъ идетъ, мы коимъ
зломъ
Родили гнѣвъ его?— Не знаетъ онъ о томъ.--
Искалъ ли, кто изъ насъ владѣть его стра-
нами,
И грады рушилъ ли не вѣдомые нами?
Не ужли столько рѣкъ, стремнинъ, земель
степей,
Преградъ не кажутъ намъ отъ гордыхъ толь
затѣй?
Не можноль быть въ концѣ вселенной оби-
тая,
Ни имяни его, ни узъ его не зная? —
Какая доблесть то, что ищетъ только
вредъ,
Опровергая все гдѣ лучь ея блеснетъ,
И гордость не ища свою пресѣчь границей,
Свѣтъ цѣлый хочетъ зрѣть единою тем-
ницей! —
И чтобъ рабы ея въ зловредной волѣ сей,
Сравнилися числу на свѣтѣ всѣхъ людей,
Чтобъ царства и цари законъ сей злой поз-
нали,
Подъ игомъ общимъ всѣ народы чтобъ сте-
нали!
За то онъ въ мнѣніяхъ возсталъ на насъ
своихъ,

Что царствующихъ здѣсь, зритъ только насъ однихъ;
Но что я говорю? — Во мнѣ лишъ онъ встрѣчаетъ
Величья слѣдъ сего, что въ прочихъ изчезаетъ.
Однакожъ славой мнѣ сіе великой льститъ,
Спокойно зрю на все, вселенна пусть дрожитъ!
Пусть мною наконецъ познаютъ всѣ народы,
Что Поръ виновникомъ ихъ щастья и свободы.
Въ покоѣ, въ тишинѣ да смертныхъ родъ речетъ
Что Александръ хотѣлъ подъ игомъ зрѣть весь свѣтъ;
Но ждалъ его сей царь, въ странѣ сей удаленной,
Чтобъ цѣпи разорвать во славѣ всей вселенной!

ЭФЕСТІОНЪ.

Сколь храбрость въ сихъ словахъ я вижу велика! —
Но поздно уже все, и буря ужъ близка.
Когда сей свѣтъ держимъ лишъ силою твоею,
Жалѣю я о немъ, и о тебѣ жалѣю. —
Иди противу насъ, не прекословлю въ томъ;

Но естьли бъ вѣдалъ ты дѣла побѣдъ и громъ,
И слава, что всегда за нами въ слѣдъ ле-
тала,
Хотя бы часть тебѣ дѣлъ нашихъ разска-
зала;
Тогда бы ты позналъ.....

ПОРЪ.

Чтобъ я позналъ тогда? —
И чемъ бы я предъ нимъ униженъ былъ
когда?
Не Персіяль тому причиной сокрушенна?—
Десница ль ваша тамъ убивствомъ отяг-
ченна?...
Какая слава въ томъ, что царь сей низло-
женъ,
Которой роскошью давно былъ побѣжденъ?
И покорить народъ толь къ нѣгѣ приу-
ченный,
Что въ бой идя стоналъ подъ златомъ
отягченный,
Безъ защищенія полпами упадалъ,
И кучи мертвыхъ тѣлъ герою представ-
лялъ?
Другія жъ зря уронъ колеблющагось трона,
Колѣна преклонивъ пошли просить закона! ..
Страхъ столько ихъ тогда душами овла-
дѣлъ,
Не мнили чтобы богъ себѣ препоны зрѣлъ!..
Но побѣдителей судить намъ очи данны,

И вѣдаемъ мы то, что боги не тираны.
Мы знаемъ какъ бы рабъ его намъ не нарѣкъ,
Что сынъ Юпитеровъ межъ нами человѣкъ...
Не станемъ вамъ путей мы устилать цвѣтами,
Онъ встрѣтитъ насъ вездѣ съ оружіемъ, съ мечами.
Безъ бою шагъ одинъ не ступимъ никогда!—
Одинъ утесъ горы здѣсь болѣе труда
Герою вашему и крови войска стоилъ,
Онъ легче Персовъ всѣхъ, чемъ холмъ одинъ освоилъ! —
Враги спокойствія губящаго людей,
Намъ злато прахъ, хоть зримъ здѣсь много подъ землей.
Насъ слава льститъ, познай, мы ею лишъ пылаемъ,
Герою вашему оспорить ту дерзаемъ! —
Она!.....

ЭФЕСТІОНЪ.

Возставъ

И Александръ сему подобно мнитъ,
Духъ славы завсегда одинъ его стремитъ.
Ему вселилъ онъ въ мысль, оставя кротость мира
Идти изъ странъ своихъ противъ престола Кира.

Велѣлъ ему столпы державны сокрушать,
Разить и побѣждать, престолы раздавать!—
Но гордость коль твоя пощады не желаетъ,
Прощеніе и миръ его пренебрегаетъ;
Сего днямъ зря конецъ ты гордости такой,
Узришъ что ищетъ онъ лишъ славы сей одной,
Познаешъ сколько мечь врагамъ его ужасенъ!

ПОРЪ.

Ступай! — Я жду его, или искать согласенъ,

ЯВЛЕНІЕ III.

ПОРЪ, ТАКСИЛЪ.

ТАКСИЛЪ.

Что вижу? — Хочешъ ты, лишъ страсти сей внимать! —

ПОРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ я нехочу союзъ вашъ нарушать.—
Эфестіонъ смущенъ быть можетъ только мною,

Преданность же твою представитъ онъ
герою.
Царицы воинство соедини съ моимъ,
Я буду ждать его подъ знамянемъ своимъ.
Обѣихъ троновъ блескъ я поддержать умѣю.
Ты будешъ государь лишъ битвы сей
судьею,
Прошу, однакоже пристрастья не являть,
И другу новому всей славы не отдать.

ЯВЛЕНІЕ IV.

АКСІАНА, ПОРЪ, ТАКСИЛЪ.

АКСІАНА.

къ Таксилу.

Скажи мнѣ, правдаль то? — Что слухи
повторяютъ,
Что воины твои въ сраженье не дерзаютъ,
Что Александръ тебя, себѣ покорнымъ зритъ
Что войску быть Таксилъ въ спокойствіи
велитъ,
И противъ тѣхъ нейдетъ которыхъ почи-
таетъ.

ТАКСИЛЪ.

Разсудокъ предъ врагомъ намѣренья скры-
ваетъ;
Но время лучше то возможетъ оказать!...

АКСІЯНА.

Стремись же государь! Сей ложный слухъ
прервать,
И сѣющихъ его въ смятенье повергая,
Принудь къ молчанью всѣхъ, въ томъ Пору
подражая.
Спѣши врагамъ своимъ правдивый гнѣвъ
явить.
И докажи сколь ты имъ страшенъ мо-
жешъ быть.

ТАКСИЛЪ.

Царица! Войско я спѣшу теперь устроить
Престань вниманьемъ симъ, ты духъ свой
безпокоить
Поръ дѣлаетъ свой долгъ, я долженъ свой
свершать.

ЯВЛЕНІЕ V.

АКСІАНА, ПОРЪ.

АКСІАНА.

Изъ сей холодности, чего намъ больше ждать?
О низкой человѣкъ! — Тебя мнѣ все являетъ
И такъ ли съ войскомъ царь ко славѣ поспѣшаетъ?
Сомнѣнія въ томъ нѣтъ измѣна ужъ видна
Имъ преданы сестрѣ честь, слава и страна;
Но медлитъ злость его противъ тебя казаться,
Доколѣ не начнешъ съ врагами ты сражаться

ПОРЪ.

Теряючи его, я мало потерялъ,
Надежды на него давно не полагалъ,
Непостоянство зрѣлъ, сквозь завѣсу притворства
И больше ложнаго страшился въ немъ упорства.
Измѣнникъ, для сестры кой предаетъ все вдругъ,
Намъ менше пагубенъ, какъ нежель робкой другъ.

АКСІАНА.

Однакожъ государь! — Что ты предпринимаешъ? —

Ты силъ враговъ своихъ до днесь еще не
знаешь.
Одинъ почти идешъ противъ толикихъ
войскъ,
Противу-ставя имъ единый духъ геройскъ!—

ПОРЪ.

Увы! Не хощешъ ли, чтобъ я ему подобно
Тебя отъ робости, во власть толь предалъ
злобно? —
Чтобъ Поръ въ стану своемъ себя далъ удер-
жать,
И чтобъ сраженія старался избѣгать? —
Не думаю сего! — Тебя я лучше знаю,
Твоей величіе души я почитаю.
Не ты ли, силою красы своихъ очей,
Выводишъ здѣсь на брань подвластныхъ имъ
царей? —
Не ты ль, любьви вѣнецъ дать хочешъ Ак-
сіана
Тому кто побѣдитъ Ефратскаго тирана? —
Яль уступлю кому? — Стремлюся побѣж-
дать,
Названье плѣнника побѣдой воспріять
Ищу, тѣмъ сердцу дать отраду въ дни
суровы
Чрезъ славу, или смерть имѣть твои оковы!
Коль сердца твоего я не возмогъ тронуть,
Коль слава лишъ одна къ нему являетъ путь;
Ищу теперь я побѣдою, войною
Надежно славы блескъ соединить съ собою,

Чтобъ сердце тѣмъ твое могло преклонно
быть,
Бывъ славѣ преданно, героя съ ней любить.

АКСІАНА.

Иди о государь! — Я мню Таксила войски
И безъ него явять мнѣ чувствія геройски.
Хочу сіе еще въ послѣдній испытать,
Потомъ судьбы твоей во станѣ буду
ждать...
Не спрашивай теперь, колико духъ стра-
даетъ! —
Живи и торжествуй...

ПОРЪ.

Сіе мнѣ что являетъ?...
Почто не хочешъ ты, то нынѣ объявить,
Моглиль страданія мои тебя смягчить?
Не ужель хочешъ ты, чтобы судьбина злая
Въ послѣдній можетъ разъ тебя очамъ являя,
Лишила щастія при смерти то познать,
Могули я тебя когда достоинъ стать! —
Скажи!....

АКСІАНА.

Ахъ! Что сказать? —

ПОРЪ.

Царица сердца страстна!
Быть можетъ ли твоя душа любви под-
властна? —
Свидѣтельница ты мученьямъ всѣмъ моимъ

Могуль я быть за то хоть нѣсколько любимъ?
Доколе будешъ ты толь гордою казать-
ся? —
Могуль!....

АКСІАНА.

Ступай съ врагомъ отечества сражаться!
Ты побѣдишъ, коль онъ, такъ знаетъ побѣж-
дать,
Какъ сердце отъ тебя я знаю защищать!

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ

ЯВЛЕНІЕ I.

АКСІАНА, КЛЕОФИЛА.

АКСІАНА.

Что значитъ то? Меня, здѣсь держатъ въ заключеньѣ!
Войскъ нашихъ не даютъ мнѣ видѣть ополченье!
Измѣну открывать съ меня началъ Таксилъ
Темницею свой станъ онъ мнѣ опредѣлилъ!
Вотъ жаръ его ко мнѣ, которымъ онъ пылаетъ,
Тирана изъ себя любовникъ мой являетъ!
Не силенъ моего бывъ сердца онъ плѣнить,
Такъ хочетъ самое въ плѣну меня томить!

КЛЕОФИЛА.

Возможноль мыслить такъ и что тому причиной? —
Таксилъ покорствуетъ во всемъ тебѣ единой.
Ты въ лучшемъ видѣ зри его поступокъ сей,

О безопасности онъ мыслитъ лишъ твоей.
Межъ тѣмъ какъ войски здѣсь съ обѣихъ
странъ стремятся,
И битвы ужасы въ поляхъ повсюду зрятся;
Коль начали мечи вездѣ уже греметь,
Гдѣ ты убѣжище надежно можешъ зрѣть?
Ужъ буря страшная родъ смертныхъ уст-
рашаетъ,
Спокойства только здѣсь ничто не нару-
шаетъ. —
Здѣсь тихо все теперь.....

АКСІАНА.

Ахъ! вредной сей покой
Сколь ненавистенъ мнѣ! Сколь духъ тер-
заетъ мой!
Коль подданны мои днесь умирая въ полѣ,
И мысля обо мнѣ и о моемъ престолѣ,
Своею кровію то ищутъ доказать;
Коль пораженныхъ стонъ могу ужъ я вни-
мать,
О мирѣ мнѣ тогда здѣсь всякъ изъ васъ вѣ-
щаетъ
И станъ Таксила войскъ безъ дѣйства пре-
бываетъ
Хотятъ мнѣ горесть ту, спокойствомъ
усладить,
На мелкія дѣла мой разумъ обратить....

КЛЕОФИЛА.

Но какъ возможно то, чтобъ братъ любя
толь страстно,
Не мыслилъ о тебѣ, когда вездѣ опасно?
Онъ лучше знаетъ насъ....

АКСІАНА.

И чтобы соблюсти
Въ темницѣ хочетъ онъ отъ бѣдъ меня
спасти!
Межъ тѣмъ соперникъ какъ враговъ моихъ
сражаетъ,
Онъ стражемъ въ тишинѣ моимъ себя яв-
ляетъ.

КЛЕОФИЛА.

Колико щастливъ Поръ! — Когда онъ уда-
ленъ
Не можетъ быть твой духъ къ спокойству
обращенъ.
Чтобъ сердца своего явить ему всѣ дани,
Я мню, пошла бы ты искать его средь
брани

АКСІАНА.

Я больше сдѣлаю! Должна такъ поступать!
Я въ гробъ за нимъ пойду! Пойду и тамъ
искать!...
Терять престолъ, вѣнецъ и видѣть то въ
печали,
Чтобъ Клеофилиной любви наградой стали!

КЛЕОФИЛА.

Коль ищешъ Пора ты, меня не оставляй,
Вѣрь Александръ тебѣ явитъ его то знай;
Онъ не лишитъ его любовницы толь страстной,
Отъ бури сохраню тебя я сей опасной.

АКСІАНА.

Ты зришъ уже торжество, мысль суетная льститъ
И побѣдителемъ любезнаго гласитъ;
Но то любовь твоя, мечты сіи являетъ
И прежде времяни гордиться заставляетъ.
Стремишся далеко, чтобъ быть покровомъ намъ,
Не раноль вѣрить толь желаемымъ судьбамъ? —
Такъ, такъ....

КЛЕОФИЛА.

Но се, мой братъ идетъ и намъ онъ скажетъ,
Кто побѣдитель сталъ сомнѣнье въ томъ развяжетъ.

АКСІАНА.

Ахъ! что я зрю? — Его спокоенъ, веселъ видъ!
Что Поръ ужъ побѣжденъ, мнѣ ясно то гласитъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

ТАКСИЛЪ, АКСІАНА, КЛЕОФИЛА.

ТАКСИЛЪ.

Когда бы Поръ моимъ совѣтамъ покорялся,
И гнѣву своему толико не предался;
Избавилсябъ бѣды, меня бъ могъ сохранить,
Его нещастіе предъ вами возвѣстить!...

АКСІАНА.

Что слышу? Поръ!...

ТАКСИЛЪ.

Ему судьбина измѣнила,
То вѣдалъ я впередъ, нещастіемъ покрыла!..
Не то чтобъ доблесть я его не почиталъ,
Или соперника нещастье умножалъ.
Не то что мечь его оспоривая славу,
Врагамъ доставилъ тѣмъ, побѣду толь кроваву.
Хоть Александра власть всегда побѣда чла;
Но долго между ихъ сомнительна была,
Однакожъ наконецъ встревоженъ бывши мною,
Съ излишней смѣлостью онъ устремился къ бою! —

Я зрѣлъ его полки поверженные въ прахъ,
И войско зрѣлъ твое разсѣяно въ поляхъ.
Онъ самъ бывъ увлеченъ стремящимись толпами,
Противъ желанія бѣжалъ передъ врагами.
Хоть гнѣвомъ до сего онъ на меня пылалъ,
Желалъ той помощи, что прежде отвергалъ.

АКСІАНА.

Онъ отвергалъ! — Когда герои тако мнили,
Чтобы ихъ защищать отечество просили?—
Не ужли силою на брань тебя взывать,
Иль принуждать тебяжъ страну твою спасать?
Примѣры въ Порѣ зря, все къ бою призывало,
Не ужель для тебя сіе казалось мало?
Герою погибать, въ нещастіи мнѣ быть,
Сіе ли храбрости не сильно возбудить?...
Ступай! — Служи тому, кому сестра вручаетъ,
Свершай то надо мной, что злость тебѣ внушаетъ!
Со всѣми побѣдя ты равно поступай,
Соперника предавъ и мнѣ оковы дай!
Его нещастія, тебя грѣхи покрыли
И шѣмъ его на вѣкъ мнѣ въ сердце поселили!

Боготворю его! Хочу въ сей день явить
Колико я могу быть злобна и любить! —
Въ сей день любовь къ нему, въ глазахъ твоихъ открою,
Въ ненависти жъ къ тебѣ, клянусь передъ тобою!
Прости! Мой знаемъ нравъ. Люби коль хочешъ такъ.

ТАКСИЛЪ.

Сомнѣнья не имѣй въ судьбѣ своей никакъ.
Не жди угрозъ, ни узъ, ни мрачныя темницы,
Чтить знаетъ Александръ достоинство царицы.
Позволь Чтобъ онъ тебя на тотъ престолъ возвелъ,
Которой нынѣ Поръ въ сію опасность ввелъ
И ждалъ чтобъ ослѣпясь я сею же мечтою,
Противустналъ бы съ нимъ, толь сильному герою!

АКСІАНА.

Что слышу? Вами чтобъ мой тронъ былъ утвержденъ?
Чтобъ скитръ мой здѣсь врагомъ моимъ мнѣ былъ врученъ
И чтобы паки я престолъ тотъ воспріяла,

Съ котораго меня тиранска власть согнала?

ТАКСИЛЪ.

Царицы и цари онъ коихъ побѣдилъ,
Щедротою потомъ ихъ участь усладилъ.
Представь ты Дарія и матерь и супругу,
Онъ имъ какъ сынъ, какъ братъ готовъ являть услугу.

АКСІАНА.

Нѣтъ, нѣтъ я дружества не знаю продавать.
Изъ жалости владѣть! Тирана почитать!
Иль слабость Персскихъ женъ примѣромъ поставляя,
Въ чертогахъ я его пребуду обитая,
Иль слѣдуя за нимъ, его законы чтить
И легкость узъ своихъ предъ всѣми возносить!
Пускай отдастъ тебѣ, коль раздаетъ онъ троны
И наши скипетры, державы и короны!
Владѣй завидовать тебѣ не будутъ въ томъ,
Ни Поръ, ни я; но знай, ты будешъ въ вѣкъ рабомъ!
Любящій Александръ великъ вездѣ казаться,

Твоимъ проступкомъ злымъ не долженъ ли
гнушаться?
Почтится кровію твоей его омыть,
Измѣнника есть нравъ, неблагодарнымъ быть
И сколько щастіе тебя ни ослѣпляетъ.
Знай, Бессуса напасть, примѣръ тебѣ яв-
ляетъ.
Прости.....

ЯВЛЕНІЕ III.

КЛЕОФИЛА, ТАКИЛЪ.

КЛЕОФИЛА.

Оставь ее, въ ней страсти лишь гласятъ.
Знай, время и твой другъ тебѣ все возв-
ратятъ.
Хоть гнѣвъ ея великъ, хоть сердце толь
мятется,
Однакожъ царствовать она не отречется,
Когда судьба въ рукахъ и сердце будетъ
въ нихъ. —
Но побѣдителя береговъ ты зрѣлъ ли сихъ?
Чего должны мы ждать среди сего по-
коя? —
Сказалъ ли что тебѣ? ..

ТАКСИЛЪ.

Я зрѣлъ сего героя!
Краса и молодость лица его въ чертахъ,
Велятъ въ сомнѣньи быть о славныхъ всѣхъ дѣлахъ,
И сердце полное толь имяни велика
Не мнило въ юности величья зрѣть толика;
Но взоръ его геройскъ, блескъ пламенныхъ очей,
Взнесена гордо грудь, осанка, гласъ рѣчей,
Явятъ кто Александръ, неложно утверждаютъ,
Сомнѣнье въ юности сіе опровергаютъ.
Глаза его сердца встрѣчающихъ разятъ,
И больше храбрости побѣдъ ему сулятъ
Онъ шелъ съ сраженія, величіемъ блистая,
Побѣду на очахъ сіяющихъ являя;
Взглянувъ же на меня, величье отложилъ
И взоромъ кротости и милости почтилъ,
Не кроя искренность свою передо мною,
Онъ рекъ: увидясь ты съ царицею драгою,
„Скажи чтобы меня готовилась принять,
„Побѣды я спѣшу и сердце ей отдать.
Хотѣлъ мнѣ въ слѣдъ идти.... А болѣе незнаю. —
Любезная сестра! Тебѣ я поручаю
Судьбы твоей всю власть; но вмѣстѣ и моей.

КЛЕОФИЛА.

Чемъ буду я владѣть, ты всемъ тогда владѣй.
Послушно будетъ все, коль онъ ко мнѣ пылаетъ.

ТАКСИЛЪ.

Что внемлю я? — То ходъ его намъ возвѣщаетъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

АЛЕКСАНДРЪ, ТАКСИЛЪ, КЛЕОФИЛА, ЭФЕСТІОНЪ, СТРАЖА АЛЕКСАНДРОВА.

АЛЕКСАНДРЪ.

Вели Эфестіонъ ты Пора всѣмъ искать,
Вели ему дать жизнь — и кровь не проливать.

ЯВЛЕНІЕ V.

АЛЕКСАНДРЪ, ТАКСИЛЪ, КЛЕОФИЛА.

АЛЕКСАНДРЪ.

къ Таксилу

Не ужель правда, что царица ослѣпляясь
Тебѣ здѣсь предпочла, тово кто устремляясь
Одною буйностью, дерзнулъ противъ меня? —
Но не страшись сего ненависти огня.
Царемъ ставъ двухъ державъ, давай и ей законы,
Поди и предложи ей нынѣ три короны.

ТАКСИЛЪ.

Щедроты твоея предѣловъ я не зрю!

АЛЕКСАНДРЪ.

Въ свободѣ для тебя я больше сотворю.
Спѣши куда любовь сердечна призываетъ,
Да пальмомъ пламень твой судьбина увѣнчаетъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

АЛЕКСАНДРЪ, КЛЕОФИЛА.

АЛЕКСАНДРЪ.

Подпору я ему въ любьви желаю дать;
Но щастья для себя, могуль въ ней ожидать?
Плоды побѣдъ моихъ, толико разточая,
Что мнѣ останется? — Не слава ли пустая! —
Ты мною зришь вѣнцы даны, возвращены
И лавры всѣ мои друзьямъ посвящены. —
Богатство, славу, все на нихъ я изливаю,
Не знакъ ли что другой побѣды я желаю?
Я слово далъ тебѣ, усиліемъ моимъ,
Скорѣи приближится ко прелестямъ твоимъ.
Воспомни время то, и что ты обѣщала? —
Любить меня за то надежду подавала!
Я здѣся! Знай, любовь сражалася со мной
И слава кончила обѣтъ въ томъ данный мой.
Коль преклонилось все, ты будешъ ли казаться
Одна не склонною и въ сердце защищаться?
Возможетъ ли оно одно избѣчь сего,
Коль больше славы сей, не зрю я ничего!

КЛЕОФИЛА.

Могуль я мыслить такъ, коль все къ тебѣ стремится? —

Не смѣю государь передъ тобой гордиться!
Что должно воздаю я доблести такой,
Зрю царства многія покорены тобой.
Повергнувъ Индію, за трудъ ты не щитаешъ,
Героевъ трепетать славнѣйшихъ заставляешъ,
Щедроты ли явить гдѣ пожелаешъ вновь,
Тамъ въ мраморныхъ сердцахъ произведешъ любовь!
Но славы блескъ такой, всѣ подвиги щастливы,
Не рѣдко мнѣ родятъ смущенья справедливы.
Боюсь, чтобъ овладѣвъ ты въ страсти сердцемъ симъ,
Оставивъ, не подвергъ мученіямъ презлымъ;
Побѣду легкую забвенью предавая,
И жаръ любьви моей потомъ пренебрегая,
Не позабылъ меня! — Что отъ героевъ ждать! —
Васъ слава лишъ одна возможетъ услаждать?
Быть можетъ и теперь, какъ сердце ни вздыхаетъ,
Побѣды надо мной и больше не желаетъ.

АЛЕКСАНДРЪ.

Желанія мои коль мало знаешъ ты!
Мня вздохи и мой стонъ, лишъ быть однѣ мечты.
Признаюсь, прежде я межъ войсками моими,
Весь духъ свой услаждалъ побѣдами одними,

Народовъ и царей подданство зря и плѣнъ,
Сей славою одной былъ разумъ упоенъ.
Персидскихъ всѣхъ красотъ прелестнѣйшіе взгляды,
Царей униженныхъ желающихъ отрады,
Пріятности любьви, ея опасность стрѣлъ
Презрѣть и отвратить тогда же я умѣлъ.
Не побѣдимъ никѣмъ и славѣ лишъ послушенъ,
Щастливымъ чтилъ себя, что былъ я равнодушенъ.
Но Ахъ! Глаза твои мучители сердецъ,
Другія чувствива мнѣ вселили наконецъ.
Не побѣдителя ужъ типла я желаю,
Побѣду надъ собой охотно признаваю!
Единымъ щастіемъ я въ жизнибъ то почелъ,
Коль сердце бы твое склонить къ себѣ успѣлъ!
Престанешъ ли терзать сомнѣньями такими
И упрекать меня побѣдами моими?
Тѣ узы, что одна ты можешъ налагать,
Неужели должны лишъ слабыхъ душъ плѣнять?
Дѣлами новыми явить я то желаю,
Колико власть любьви, надъ сердцемъ почитаю!
Закону твоему здѣсь все я покорилъ,
Хочу весь свѣтъ съ твоимъ, мое чтобъ имя чтилъ! —

Я вознесу его побѣдами, войнами,
Народы покорю невѣдомые нами;
Принужу олтари тебѣ я ставить тамъ,
Гдѣ дикая рука не зиждетъ ихъ Богамъ!

КЛЕОФИЛА.

Ты славу повлечешъ плѣненную съ собою,
Но можетъ ли любовь летѣть въ слѣдъ за тобою?
Какъ многія страны, моря насъ разлучатъ,
Тѣ прелесть слабую изъ мыслей истребятъ.
Какъ Океанъ въ своемъ волненьѣ укротится,
Узря, что свѣтъ возмогъ тобою покориться,
Какъ предъ тобой Цари падутъ среди побѣдъ,
Земля содрогнется и весь умолкнетъ свѣтъ!
Ты вспомнишь ли тогда, царица что младая
Въ разлукѣ слезы льетъ, страдаетъ воздыхая! —
И сердце что твердитъ о прелести тѣхъ дней,
Какъ клялся сей герой въ любьви своей предъ ней.

АЛЕКСАНДРЪ.

Ужасную толь мысль вселяешъ мнѣ напрасно,
Чтобъ я оставить могъ люблю котору страстно!

Сама не хочешъ тронъ оставить, можетъ быть,
Въ странѣ сей гдѣ возмогъ его я утвердить.

КЛЕОФИЛА.

Ты знаешъ государь! — Мой братъ распоряжаетъ...

АЛЕКСАНДРЪ.

Ахъ! тѣмъ мнѣ свѣтлый лучь надежда устремляетъ! —
Всей Индіи вѣнцы ему я покорю,
И щастье можетъ быть свое чрезъ то узрю!

КЛЕОФИЛА.

Желаніе мое чрезмѣрнымъ въ томъ не зрится
Коль оскорбленная царица укротится,
Не силенъ будетъ коль соперникъ показать,
Что щастливъ тѣмъ, что могъ тебѣ противустать.

АЛЕКСАНДРЪ.

Соперника твои братъ достойнаго имѣетъ,
И доблесть Александръ цѣнить его умѣетъ.
Въ ужасной битвѣ я когда его узрѣлъ,
Пошелъ къ нему, онъ самъ какъ вихрь ко мнѣ летѣлъ!
Я знаю, что давно другъ друга мы искали,
И славну битву ту мы двое бы скончали;

Но войска множесшво приспѣвша въ тотъ
же часъ,
Въ средину бросилось, тѣмъ разлучило насъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

АЛЕКСАНДРЪ, КЛЕСФИЛА, ЭФЕСТІОНЪ.

АЛЕКСАНДРЪ.

Ведутъ ли мнѣ сего царя толь дерзновенна?

ЭФЕСТІОНЪ.

Искали мы его, средь войска возмущенна...
Но бѣгство или смерть межъ кучей тѣлъ
большихъ
Скрываютъ плѣнника отъ воиновъ твоихъ;
И войска часть его бывъ окруженна нами;
Отчаянно теперь сражаяся съ полками,
Претитъ намъ дальшій путь. — Невѣдомо
что есть! —

АЛЕКСАНДРЪ.

Обезоружить ихъ. — Въ отчаяньѣ не
ввесть.

Пойдемъ прекрасная къ царицѣ горделивой,
Таксила наградить судьбой ему поль милой,
И естьли отъ него зависитъ жребій мой,
То щастіемъ его устрою свой покой.

Конецъ третьяго дьйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНІЕ I.

АКСІАНА.

Доколѣ слышать мнѣ торжественные крики?
Въ упрекъ себѣ внимать дѣла враговъ велики!
Или не можно мнѣ въ сихъ горестнѣйшихъ днях,
Одной съ нещастіемъ бесѣдовать въ слезахъ?
Любовникъ злой меня преслѣдуетъ всечасно,
И къ жизни привязать старается напрасно.
Стрегутъ мой каждый шагъ; но Поръ того не мнитъ,
Что мнѣ за нимъ идти ничто не воспретитъ!
О Поръ! Не стерпиш ты побѣды надъ собою! —
Вотще тьмы воиновъ стремятся за тобою,
По грому славныхъ дѣлъ моглибъ они познать;...

Ахъ! Между мертвыми должно тебя искать!
Прощаяся съ тобой какъ сердце обмирало!
Оно мнѣ всѣ бѣды тогда же предвѣщало!
Когда глаза твои наполненны слезой,
Открыть хотѣли то, любимъ ты сколько мной,
Какъ мысль твоя успѣхъ оружья презирала,
И только лишъ одна любовь тебя смущала,
Почто скрывала я любезнымъ симъ очамъ,
Ту тайну вредную моимъ оставшимъ днямъ?
Коль кратъ упорство то колеблемо ужъ было,
И тайны всей едва тогда же не открыло.—
Коль кратъ внимаючи любьви тогда твоей,
Вздыханья изъ груди стремилися моей!
Но въ сей побѣдѣ я признаться не желала,
И вздохи всѣ мои ко славѣ обращала! —
Казалась гордою, ее одну любя;
Но ахъ! — Прости мнѣ царь! — любила лишъ тебя!
Я признаюсь еще, владѣетъ слава мною,
Вѣщала то сто кратъ, вѣщала предъ тобою;
А сердце говоритъ, что твой законъ лишъ чту,
Ты храбростью своей любить заставилъ ту! —
Но сколькобъ духъ она во мнѣ ни вспламянила,

Въ другомъ я зря ее, нестолько бы любила!
Какая польза мнѣ, отъ стоновъ тяжкихъ сихъ?
Уже любезной мой не внемлетъ больше ихъ!
Ужъ время чтобы я во мрачной гробъ вступая,
Увѣрила его въ любьви сей воздыхая!
Ужъ время сердцу то, предъ всѣми показать,
Что безъ него ему нельзя существовать!
Не думай Поръ, чтобъ жизнь толь горька продолжалась
Чтобъ я чрезъ смерть твою подъ властію осталась!
Вотще твой врагъ со мной желаетъ говорить,
Престолъ мой возвратя, тѣмъ хочетъ жизнь продлить,
Притворной ласкою гнѣвъ лютый уполяетъ,
И славу черезъ то себѣ лишъ умножаетъ! —
Пускай идетъ сюда, обманется онъ въ томъ
Умру царицей я, — какъ умеръ ты Царемъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

АЛЕКСАНДРЪ, АКСІАНА.

АКСІАНА.

Не то ли государь даетъ тебѣ забаву,
Чтобъ зрѣть какъ я твою оплакиваю славу,
Иль позволенье ты желанно мнѣ принесъ,
Чтобы въ свободѣ лить могла я токи слезъ?

АЛЕКСАНДРЪ.

Кто можетъ утѣснять, лишать тебя покоя?
Оплакиваешъ ты великаго героя.
Я былъ его врагомъ; но можноль заключать,
Чтобъ плачь о смерти сей возмогъ я порицать?
Доколѣ Индія меня еще не зрѣла,
О доблестяхъ его ужъ слава мнѣ гремела,
Героемъ я его тогда же почиталъ
И вѣдалъ.....

АКСІАНА.

Такъ за чтожъ вредить ему искалъ?
Въ концѣ земныхъ державъ, какою ты виною
Противу доблести искалъ идти войною?
Достоинства другихъ не могутъ ли блистать

Въ глазахъ твоихъ, чтобъ ты ихъ не стре-
мился гнать?

АЛЕКСАНДРЪ.

Такъ, Пора я искалъ, къ нему духъ устре-
млялся.
Но гибелью его конечно не прельщался.
Признаюсь, для того сразиться съ нимъ хо-
тѣлъ,
Что громъ его побѣдъ до насъ уже дошелъ,
И что его всѣ здѣсь непобѣдимымъ чтили,
Такіе подвиги мнѣ сердце обольстили.
Тогда когда я мнилъ среди моихъ побѣдъ,
Что храбрости моей одной дивится свѣтъ,
Тогда съ прискорбіемъ душа моя познала,
Что слава между насъ обѣихъ пребывала,
И подвиги его промчавшись за предѣлъ,
Явили въ Индіи мнѣ славу новыхъ дѣлъ!
Наскуча въ слабости царей зрѣть побѣж-
денныхъ,
Желалъ его познать средь подвиговъ воен-
ныхъ.
Толико славный врагъ могъ духъ мой тѣмъ
занять,
Чтобы съ опасностью шелъ славы я искать;
Но храбрость встретилъ въ немъ со всемъ
неожиданну,
Хоть я привыкнулъ зрѣть побѣду посто-
янну

Подумалъ что прешла та къ вражескимъ
полкамъ,
И Поръ оспоривалъ мнѣ долго лавры самъ.
Не льстя скажу, хоть онъ побѣды могъ ли-
шиться
Но слава будетъ ввѣкъ дѣламъ его дивиться.
Хотя онъ въ подвигѣ великомъ семъ упалъ;
Но ктобъ изъ воиновъ такъ пасть не по-
желалъ?

АКСІАНА.

Увы! Онъ долженъ былъ все въ свѣтѣ забывая
Сражаться, жизнь свою совсемъ пренебрегая!
Бывъ преданъ и гонимъ, оставленъ отъ
своихъ,
Рѣшась идти одинъ противу силъ такихъ!
Но ты, коль правда то что чувствъ герой-
скихъ сила,
Тебѣ блестящій путь къ побѣдѣ сей от-
крыла. —
Почто ты не хотѣлъ съ нимъ честно вое-
вать,
И должноль хитростью доблественность
сражать?
И вмѣсто чтобъ обрѣсть побѣду совершенну,
Другому за сіе, являться одолженну?
Ты слався! — Но познай, въ умѣ своемъ Так-
силъ
Мнитъ, Пора что не ты; но онъ здѣсь по-
бѣдилъ!

Быть можетъ правъ онъ въ томъ, гордяся
мыслью сею,
Побѣду далъ тебѣ онъ хитростью своею!
Сіе одно меня при смерти веселитъ,
Что славу битвы сей Таксилъ съ тобой
дѣлитъ!

АЛЕКСАНДРЪ.

Вотще печаль твоя мнѣ гнѣвъ такой яв-
ляетъ,
И славы хищника никто во мнѣ не знаетъ.
Толикой низкости нельзя мнѣ приписать,
Чтобъ я обманами старался побѣждать.
Съ подобными ему, хоть много я сражался,
Въ тѣни я никогда обмановъ не скрывался,
Въ побѣдахъ всякъ одну мою лишъ руку
зналъ,
И всѣ мои дѣла день ясный освѣщалъ.
О участи сихъ странъ по истиннѣ жалѣю,
Хотѣлъ я упредить ту кротостью моею,
И естьли бы цари совѣтъ приняли мой,
Я спасъ бы ихъ, или противъ обоихъ въ бой
Пошелъ и вѣрь....

АКСІАНА.

Я все возможнымъ признаваю,
Не побѣдимымъ чту, твою всю храбрость
знаю! —

Но не довольноль то, чтобъ зрѣть въ цѣпяхъ царей,
И невозбранно дать яремъ вселенной всей?—
Зрѣть грады рушимы, въ оковахъ зрѣть народы,
И кровію густить Гидаспа свѣтлы воды?
Скажи я предъ тобой виновна, чемъ была?
Что въ гибель чрезъ тебя героя вовлекла?
Скажи тревожилъ ли, онъ Гречески предѣлы?
Велиль мы противъ васъ на брань народы цѣлы?
Ахъ! Чемъ искали мы гнѣвъ строгій возбудить?
Мы не завидуя, могли ту славу чтить!
Поръ сердца лишъ искалъ, оно его прельщало,
Что побѣдителемъ назвать уже желало!
Коль горько кровь сію, толь славну проливать!
И можноль въ злѣ такомъ тебя не упрекать?
Или ты тѣмъ себя нещастнымъ не щитаешъ,
Что узы нѣжныя толь люто разторгаешъ?
Пускай душѣ твоей здѣсь все величьемъ льстится;
Но я тирана зрю!...

АЛЕКСАНДРЪ.

То гнѣвъ твой говоритъ. —
Ты хочешъ чтобы я свой долгъ позабывая,
Постыдно противу нещастья возставая,
Словами дерзскими тебя днесь оскорбилъ
И тѣмъ прошедшихъ дѣлъ всю славу помрачилъ.
Хоть не плѣнялся бы я доблестью твоею,
Вѣрь мнѣ, противъ тебя оружья не имѣю.
Противу воли въ томъ хочу тебѣ сказать,
Что я нещастія умѣю почитать. —
Но горести тебя толики возмущаютъ,
Тирана что во мнѣ неправедно являютъ.—
Безъ нихъ позналабъ ты, что слезы, стонъ и вредъ
Сіянье не всегда мрачатъ моихъ побѣдъ,
Позналабы.....

АКСІАНА.

Увы! Когда бы я не знала
Ту доблесть, коею въ отчаянье я впала!
Ту славу кроткую не вижуль я вездѣ,
Мрачащу гордость всѣхъ подверженныхъ бѣдѣ!
Не зрю ли Скиѳовъ я и Персовъ побѣжденныхъ,
Оковы проклинать, чтить милость принужденныхъ,
Оспоривать собой, въ преданности своей,

Честь подданнымъ твоимъ, въ твоихъ хра-
неньи дней?
Какую пользу то въ нещастьѣ мнѣ являетъ,
Что добродѣтели твои свѣтъ почитаетъ?
Не думаешъ ли, что сіе мой гнѣвъ мягчитъ,
Что всѣми чтимая рука меня тѣснитъ?
Побѣды многія, щедроты толь обильны,
Мнѣ Пора возвратить повѣрь, онѣ несильны.
Тѣмъ больше гнѣвъ кипитъ, чемъ больше
ты любимъ;
Ты сердцу тягостенъ, хотя разсудкомъ
чтимъ.
Пускай хоть цѣлый свѣтъ тому противно
мыслитъ,
И ненавидящу одну меня лишъ числитъ.

АЛЕКСАНДРЪ.

Такія чувствія, я долженъ извинить;
Но удивленья въ томъ я не могу сокрыть,
Коль все что слушу здѣсь, подобно правдѣ
зрится
Такъ Поръ любовію твоей не могъ хвалиться.
Любезнѣй кто тебѣ былъ Поръ, или Так-
силъ,
Самъ Поръ отомъ не зналъ, не зналъ доколѣ
жилъ;
А нынѣ какъ тебя онъ больше не внимаетъ,
Любовь твоя ему горячность всю являетъ!
Неужель мнишъ сіе ты въ горести своей,

Что хочетъ прахъ его еще любьви твоей?
Престань напрасными мученьями терзаться,
Важнѣйши для тебя предметы въ свѣтѣ
зрятся!
Довольно ты слезой его почтила прахъ,
Ко славѣ обратись и царствуй въ сихъ
странахъ.
Смущенныхъ чувствъ своихъ окончи безпо-
койство
Дай областямъ своимъ потребное устрой-
ство
Избравъ помощника въ томъ бремя своего,
Таксила предпочти....

АКСІАНА.

Измѣнника сего!

АЛЕКСАНДРЪ.

За что, скажи? — За что, его такъ оскор-
бляешъ? —
И что измѣною въ дѣлахъ его щитаешь?
Царемъ страны онъ бывъ, имѣлъ рѣшиться
власть,
Не ввергнуть ни себя, ни подданныхъ въ
напасть.
Онъ далъ ли клятву въ томъ, какую зрѣлъ
причину? —
Чтобъ съ Поромъ пасть ему въ едину бѣдъ
пучину?

Но знай что Александръ участіе въ томъ зритъ,
Желаетъ щастія тому, тебя кто чтитъ.
Познай, что съединясь толь праведнымъ избраньемъ,
Пребудутъ Индъ, Гидаспъ подъ вашимъ обладаньемъ.
Я щастью вашему здѣсь все бы покорилъ,
Когда бы съединенъ съ тобою былъ Таксилъ. —
Се онъ идетъ, ему въ свободѣ оставляю
Открыть тѣ чувствія, что я толико знаю.
Я зрю тебя мое присудство тяготитъ,
И сердце безъ другихъ яснѣе говоритъ,
Не должно въ томъ мѣшать....

ЯВЛЕНІЕ III.

АКСІАНА, ТАКСИЛЪ.

АКСІАНА.

Приди, ужъ ожидаютъ!
Всей Индіи Монархъ! — Здѣсь о тебѣ вѣщаютъ. —
Хотятъ чтобы тебѣ былъ гнѣвъ мой покоренъ,
Гласятъ, что ты комнѣ любовью упоенъ,

Что гордость лишъ моя твой пламянь умножаетъ,
Хотятъ, да мой къ тебѣ любовью духъ пылаетъ!
Но знаешъ ли къ чему любовь тебя стремитъ?
То сердце чемъ Таксилъ безспорно побѣдитъ?
Готовъ ли ты?.....

ТАКСИЛЪ.

Вѣщай! — Повелѣвая мною —
Чего не можешъ ты, надеждою такою!
Что должно мнѣ?....

АКСІАНА.

Твой долгъ, коль страсть сильна твоя,
Быть славѣ предану толикожъ сколько я.
Безробостно ступать въ слѣдъ подвигамъ прекраснымъ,
И Александру быть, какъ я врагомъ ужаснымъ,
Безъ страху на поляхъ опасности всѣ зрѣть
Сразиться, побѣдить, иль славно умереть!
Кто больше Поръ, илъ ты, кто больше храбръ и воинъ,
И больше кто изъ васъ за то любьви достоинъ?

Хоть тщилась сердце я сомнѣніемъ пи-
тать;
Но отъ царя раба умѣла различать!
Любила я его; но естьли случай лютый,
Лишилъ его то знать въ ужасныя минуты,
Ты будь свидѣтелемъ его какъ знаю чтить,
Я не престану слезъ потоки горькихъ лить;
Ты будешъ зрѣть меня томиму преужасно,
О немъ беседуя съ тобою повсечастно.

ТАКСИЛЪ.

Такъ сердцемъ каменнымъ, я вижу что плѣ-
ненъ,
Коль Пора видъ тобой не можетъ быть заб-
венъ!
Хоть съ жизнью на войнѣ преславно раз-
лучуся,
Достоинъ тѣмъ твоей любьви не сотворюся
И такъ я не могу.....

АКСІАНА.

Почтенье воскресить
Ты можешъ, и въ крови враговъ то зло
омыть?
Се, случай предстоитъ, хоть Пора гробъ
вмѣщаетъ,
Подъ знамя воиновъ еще онъ собираетъ,
И тѣнь его одна остановляетъ ихъ;
А съ ними и твои, поступковъ зря твоихъ

Всю низкость, страшное восносятъ ужъ
роптанье,
И оправдать вину, являютъ всѣмъ желанье!
Горятъ усердіемъ, хотятъ свободны быть,
Жестокость ига тѣмъ стремятся отвра-
тить.
Ступай содѣйствовать, толь пламени пре-
славну,
Спѣши возстановить сихъ вольность странъ
попранну!
Иди свой тронъ и мой прехрабро защищай,
Наслѣдника собой ты Пору въ славѣ дай!...
Но ты молчишъ, и взоръ мнѣ ясно твой яв-
ляетъ,
Что храбрость такова тебя ужъ устра-
шаетъ.
Примѣры не родятъ въ тебѣ сего огня,
Ступай служи врагу и забывай меня!

ТАКСИЛЪ.

Позволь сказать, что ты себя позабыва-
ешъ
Что я здѣсь царствую явить то принуж-
даешъ.
Довольно я укоръ терплю со всѣхъ сто-
ронъ;
Но вспомни что въ моихъ рукахъ твой
скиптръ и тронъ
Почтеніемъ моимъ я гордость лишъ питаю,
Но я могу....

АКСІАНА.

О томъ, что плѣнница я знаю. —
Не мнишъ ли волю ты мою поработить,
Не страхомъ ли ты мнишъ велѣть себя любить? —
Ахъ! Лучше отложи твои приворотства люты,
И въ помощь призови весь страхъ въ сіи минуты!
Явись тираномъ ты, безжалостно терзай!
Злость мѣру превзошла, ты все предпринимай!
Пускай не тщетный страхъ мои тѣмъ чувства мучитъ! —
Но се идетъ сестра, она тебя научитъ
Какъ поступать тебѣ. Прости. — Ея совѣтъ
Велитъ мнѣ поспѣшить идти за Поромъ въ слѣдъ!

ТАКСИЛЪ.

Ахъ! Прежде!...

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТАКСИЛЪ, КЛЕОФИЛА.

КЛЕОФИЛА.

Ахъ! Оставь сію неблагодарну,
Что злостію своей мрачитъ судьбу желанну,
Что ищетъ мукою твоей себя питать,
Забудь!....

ТАКСИЛЪ.

Нѣтъ, не могу и буду обожать!
Люблю ее! Хотябъ желаньями моими
Ея питалъ я гнѣвъ съ презрѣніями злыми!
Хотъ тщетны вздохи всѣ! любимымъ хоть не быть! —
Хоть самъ противъ себя! — Но буду все любить!
Мнѣ страннымъ гнѣвъ ея, теперь никакъ не зрится,
Къ тебѣ и къ самому мнѣ должно обратиться.
Когдабъ совѣтамъ я не слѣдовалъ твоимъ,
Не ненавистибъ не зрѣлъ, хоть не былъ бы любимъ. —
И съ Поромъ тронъ ея здѣсь храбро защищая,
Ябъ щастливъ былъ ея сомнѣнье примѣчая
Въ чемъ больше я могу отрадъ душѣ имѣть,

Какъ только лишъ ея въ семъ нерѣшимость
зрѣть!
Нѣтъ силы зло сносить и муки сей сер-
дечной;
Пойду повергнуся къ ногамъ безчеловѣчной!-
Пойду и поклянусь ее одну любя,
Мстить Александру ввѣкъ и позабыть те-
бя! —
Сколь онъ любимъ тобой, довольно я то
знаю;
Но я довольно мукъ за васъ претерпѣваю!—
Смущаться больше тѣмъ не хочетъ мысль
моя,
Пускай погибнетъ все, иль щастливъ буду я!

КЛЕОФИЛА.

Чтожъ мѣдлишь здѣсь, почто на брань не-
поспѣшаешъ?
Почто безплодно духъ ты храбростью пи-
таешъ? —
Спѣши явить себя, сраженіе идетъ,
И съ воскоймъ Поръ тебя на полѣ славы
ждетъ!

ТАКСИЛЪ.

Что слышу? — Поръ не мертвъ! Онъ живъ
и поражаетъ!

КЛЕОФИЛА.

Руки ужасной мочь, то ясно всѣмъ являетъ.

Онъ предузналъ сіе, что смерти его слухъ
Былъ силенъ укротить героя въ брани духъ,
Нечаянно напавъ на храбрость усыпленну,
Побѣду всколебалъ еще не утвержденну!
Идетъ разгнѣванный идетъ любовникъ сей! —
Любезную отнять, иль умереть предъ ней!
Но вотъ что болѣе. — Твой ею станъ мятется,
Хотятъ идти всѣ съ нимъ и ропотъ раздается!
Ступай и помогай оружіемъ своимъ.
Совмѣстнику, что толь передъ тобой любимъ!
Прости!...

ЯВЛЕНІЕ V.

ТАКСИЛЪ.

Что зрю! Меня меня, злой рокъ сражаетъ! —
И мнѣ совмѣстника на гибель воскрешаетъ!
Онъ узритъ очи тѣ что плакали о немъ!

Что мертвъ былъ предпочтенъ! — Узнаетъ онъ о семъ!
Ахъ! Сколь ужасно то. — И что еще сужденно? —
Кому быть щастливымъ судьбой опредѣленно?
Пойду! — Зачемъ мнѣ здѣсь напрасно въ гнѣвѣ ждать?
Пойду свою судьбу собою испытать!

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

АЛЕКСАНДРЪ, КЛЕОФИЛА.

АЛЕКСАНДРЪ.

Что слышу? — Пора ты страшишся побѣжденна;
Иль мнишъ побѣда та, еще несовершенна? —
Нѣтъ, нѣтъ онъ плѣнникъ мой, не будетъ свобожденъ!
Ужъ войскомъ онъ моимъ по всюду окруженъ. —
Не страхъ, повѣрь не страхъ, но жалость онъ являетъ. —

КЛЕОФИЛА.

Въ семъ видѣ болѣе меня онъ устрашаетъ!—
Я храбрости его съ тобою не боюсь;
Но больше я его въ нещастіи страшусь!
Когда его полки велики окружали;
Всѣ славныя дѣла меня не возмущали;

А днесь страшусь его, въ покорной долѣ сей,
Боюсь чтобъ не былъ онъ въ числѣ твоихъ друзей!

АЛЕКСАНДРЪ.

Чтобъ Поръ мнѣ другомъ сталъ! — Сіе не-можетъ збыться. —
Онъ самъ виновникомъ моей всей злобы зрится.
Всей силой онъ къ тому привлечь меня искалъ. —
Я злобенъ на него, колико онъ желалъ.
Мнѣ должно показать на немъ примѣръ вселенной,
Отмстя всѣ бѣдствія войны ожесточенной,
За всѣ нещастія народовъ наказать.
Принудилъ онъ меня ему зломъ воздавать!—
Двукратно побѣжденъ и нетерпимъ драгою!..

КЛЕОФИЛА.

Нѣтъ зла во мнѣ къ нему, признаюсь предъ тобою. —
Когда бы я могла нещастіямъ внимать,
Должнабъ его была жалѣть и почитать!
Сильнѣйшимъ всѣхъ царей щитался онъ межъ нами,
Онъ былъ покровъ для насъ и щитъ передъ врагами. —
И ежели искалъ вступить съ тобою въ бой,

Чтилъ славою онъ быть побѣжденну тобой.—
Обоихъ чтобъ одно сраженье прославляло,
И имя чтобъ его твое сопровождало.
Но естли стану я о немъ тебя просить,
То брата и себя могу тѣмъ погубить.
Доколь онъ будетъ живъ, мысль будетъ все
смущаться,
Обоимъ страшныхъ бѣдъ намъ должно
опасаться
Когда его любьви не станутъ здѣсь внимать,
Онъ будетъ въ томъ меня винить и отомщать.
А между тѣмъ еще твой славой духъ пылаетъ.
Къ побѣдамъ новымъ мысль и сердце устремляетъ.
Какъ Гангесъ насъ съ тобой широкой раздѣлитъ,
Кто здѣсь меня отъ бѣдъ ужасныхъ защититъ
Душа моя въ тоскѣ и въ горести страдая,
Мученье сердца зря; но вздохи запрещая
Лишитъ его всѣхъ чувствъ, лишитъ послѣднихъ силъ!
А побѣдитель гдѣ, что сердце то плѣнилъ!

АЛЕКСАНДРЪ.

Ахъ! Что вѣщаешъ ты? — То мѣру превышаетъ.
Я охраню тебя! — Таксилъ пусть обладаетъ
Здѣсь всѣми областьми что мной покорены

И всѣ сосѣдственны отдамъ ему страны.
Еще разъ побѣдя, предстану предъ тобою,
Окончу славу тѣмъ владѣвъ твоей душою,
Съ возвратомъ поспѣшу законъ твой почитать,
Вселенной и свою судьбу тебѣ отдать.
Меня ждетъ съ трепетомъ далека Маліана,
Тамъ кончу подвигъ свой на брегѣ Океана,
Стихіи грозной сей властителемъ явлюсь,
Надъ свѣтомъ, надъ тобой побѣдой возгоржусь,
Тогда!....

КЛЕОФИЛА.

Что внемлю я? — Война въ слѣдъ за войною! —
Иль ищешъ подданныхъ ты свѣта за чертою?
Ты хочешъ славы блескъ явить въ странахъ такихъ,
Что жители тѣхъ мѣстъ не вѣдаютъ объ нихъ.
Какой надежды ждать толь въ поясѣ жестокомъ?
Пустыни страшны тамъ явятъ тебѣ оплотомъ,
И степи свѣтитъ гдѣ толь рѣдко солнца лучь,
Природа гдѣ мертва подъ мракомъ хладныхъ тучь!

Ахъ! Можетъ быть судьба завистливо взирая,
Въ нихъ жизни славной толь конецъ приготовляя
Желаетъ, дѣлъ твоихъ когда нельзя сокрыть,
Чтобъ гробъ невѣдомъ твой возмогъ на свѣтѣ быть!
Зри воинство свое трудами изнуренно,
Сто кратъ наполненно, стократно уменшенно!
Являя жалостной предметъ оно въ очахъ,
Часть знатну бросило своихъ во всѣхъ мѣстахъ.
Вездѣ ихъ слышенъ стонъ — Сей мыслью я мятуся.

АЛЕКСАНДРЪ.

Пойдутъ они со мной, коль я межъ нихъ явлюся.
Сердца что праздными себя во станѣ зрятъ,
Неудовольствія однѣ свои твердятъ,
Оставятъ ропотъ свой, пойдутъ во слѣдъ за мною,
Хвалиться ранами въ войнѣ передо мною!
Но между тѣмъ должно помыслить чтобъ Таксилъ,
Себя спокойствіемъ душевнымъ оградилъ.

Не будетъ Поръ вредить, спою я въ семъ
отвѣтѣ.

КЛЕОФИЛА.

Царица къ намъ идетъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

АЛЕКСАНДРЪ, АКСІАНА, КЛЕОФИЛА.

АЛЕКСАНДРЪ.

къ Аксіанѣ

Такъ, Поръ еще на свѣтѣ.
Судьба покорствуетъ желаніямъ твоимъ
И отдаетъ тебѣ....

АКСІАНА.

На вѣкъ разсталась съ нимъ!
Изчезла наконецъ сія надежда лестна,
Была сомнѣнна смерть, теперь она извѣстна!
Стремится можетъ быть, еще онъ превозмочь
Препоны всѣ, меня узрѣть и мнѣ помочь!
Но что возможетъ онъ противу силъ ужасныхъ?

Онъ тщетно возставалъ въ усиліяхъ напрасныхъ!
Ахъ! Тщетно горьсть людей соединяся съ нимъ,
Страхъ побѣдителямъ явила сей своимъ.
Погибнуть долженъ онъ, и храбрость утомленна
Пребудетъ смертію его запечатленна!
Еще когдабъ могла, хоть разъ его узрѣть,
Оставя здѣшній станъ въ глазахъ его умреть,
Но выходъ мнѣ Таксилъ отсюда запрещаетъ,
Межъ тѣмъ себя его онъ кровью услаждаетъ,
Въ объятьяхъ смерти зрѣть его онъ поспѣшилъ
Боясь приближиться къ нему доколѣ жилъ!

АЛЕКСАНДРЪ.

Онъ живъ. — Сіе тебѣ навѣрно я вѣщаю,
Утѣшить съ нимъ тебя свиданіемъ желаю,
Узришъ его....

АКСІАНА.

Тобой онъ будетъ сохраненъ
И побѣдителя рукою пощаженъ, ..
Чтобъ ты противъ него возмогъ свой гнѣвъ умѣрить —
Какимъ мнѣ чудѣсамъ не должно нынѣ вѣрить! —

*

Но помню государь, твоихъ великость словъ
Что побѣдители не вѣдаютъ враговъ,
Душа твоя къ нему, что злобу не стремила,
Что слава васъ одна обоихъ ополчила,
Что только для того хотѣлъ ты въ брань идти,
Чтобъ побѣдить его, и послѣ чтобъ спасти.

АЛЕКСАНДРЪ.

Его презрѣніе, мой гнѣвъ воспламянило,
И участи совсемъ иной достойно было.
Съ паденьемъ хоть себя онъ въ гордости крѣпитъ;
Однакожъ Александръ врагомъ его не зритъ!
Власть побѣдителя и гнѣвъ свой оставляю;
Но всю его судьбу Таксилу поручаю.
Онъ можетъ жизнь отнять его, иль пощадить,
Ему даю всю власть, его должно склонить.

АКСІАНА.

Что слышу? — Чтобы я упавъ къ ногамъ просила —
Чтобъ милости ему искала у Таксила,
Чтобъ Поръ былъ помощи искать въ немъ принужденъ?
Ахъ! Зрю что погубить его ты устремленъ.

Нѣтъ, смерти ты его желаешъ непремѣнно!...
Сколь добродушіе бываетъ легковѣрно!
Готова я была явить предъ цѣлый свѣтъ,
Тѣ добродѣтели, въ тебѣ которыхъ нѣтъ!
Жестокость вся въ тебѣ пускай вооружится,
Пусть славной подвигъ твой сей кровью обагрится,
Хоть многихъ побѣдя, умѣлъ ты ихъ пропростить,
Рази тово что долгъ велитъ тебѣ щадить!

АЛЕКСАНДРЪ.

И такъ губи его любовію своею,
Пренебрегая всей щедротою моею.
Въ постыдной зависти меня подозрѣвай,
Погибнетъ естьли онъ, себя въ томъ обвиняй!
Но се и онъ идетъ. — Пусть самъ себѣ судьбину
Избравъ, опредѣлитъ пощаду, иль кончину.

ЯВЛЕНІЕ III.

АЛЕКСАНДРЪ, ПОРЪ, АКСІАНА, КЛЕОФИЛА, ЭФЕСТІОНЪ, СТРАЖА АЛЕКСАНДРОВА.

АЛЕКСАНДРЪ.

Зри нынѣ Поръ плоды ты гордости своей!—
Гдѣ подвиги твои — Блескъщепной славы сей? —
Надменность гдѣ твоя въ сей долѣ униженной?
Я долженъ жертву дать днесь славѣ оскорбленной,
Спасенья нѣтъ тебѣ! — Однакожъ я готовъ
Пощаду презрѣнну тебѣ представить вновь.
Царица здѣсь одна ее опровергаетъ,
Съ утратой дней твоихъ любить тебя желаетъ,
Чтобъ безразсудно ты жестоку смерть вкусилъ,
Любовникомъ ея чтобъ гробь тебя сокрылъ!
Страшись! — Чтобъ мысль сія тебя необольстила:
Живи; но согласись на щастіе Таксила!

ПОРЪ

Таксила!

АЛЕКСАНДРЪ.

Такъ.

ПОРЪ.

Я зрю ты справедливо мнишъ,
И тѣмъ достойное, достойному даришъ.
Изъ рукъ моихъ онъ лавръ изторгнулъ предъ тобою,
Онъ далъ тебѣ сестру, побѣду надо мною,
Онъ Пору измѣнилъ! — За то чемъ наградить?
Коль славу онъ твою возмогъ здѣсь утвердить;
Но Поръ заботъ такихъ тебя освобождаетъ.
Взгляни! — Коль бѣдственно онъ въ полѣ жизнь кончаетъ!

АЛЕКСАНДРЪ.

Таксилъ!

КЛЕОФИЛА.

Что слышу я?

ЭФЕСТІОНЪ.

Такъ, жизнь свою скончалъ!...

И кажется что онъ свой жребій самъ искалъ.
Ужъ Поръ былъ побѣжденъ, однакожъ несдавался,
Казалось нападалъ межъ тѣмъ какъ защищался.
Тьма воиновъ предъ нимъ сраженны павъ къ ногамъ,
Преграду дѣлали и копьямъ и мечамъ.
Онъ тамъ какъ за стѣной удары презирая
Сражаясь, множество полковъ пренебрегая
Ужасною рукой губилъ и умерщвлялъ
Всѣхъ, только кто къ нему приближится дерзалъ.
Я жизнь его щадилъ. — Но зрѣлъ что утомится
Онъ скоро битвой сей и долженъ покориться.
Какъ вдругъ явясь Таксилъ, вознесъ такъ голосъ свои:
„Постойте, вѣдайте, что сей есть плѣнникъ мой!
„Свершилось, все! Онъ рѣкъ взнося съ мечемъ десницу.
„О Поръ! Умри, или мнѣ уступи царицу!
Поръ гласомъ симъ какъ вновь явился оживленъ
Потрясъ своимъ мечемъ, сколь ни былъ утомленъ,

Нахмуренная бровь съ презрѣньемъ гнѣвъ
явила,
Онъ рекъ: я слышу гласъ невѣрнаго Таксила!
„Предатель странъ своихъ, любовницы и
мой,
„Ступай, отдамъ ее, владѣй моей драгой!
„Побѣду уступлю тебѣ мою надъ нею,
„Прими ее сей часъ; но съ жизнію моею!
„Прими! — Вступили въ бой, они при сихъ
словахъ,
Съ стремленіемъ такимъ, какъ вихри на по-
ляхъ!
Толпой мы бросились, разсторгнуть ихъ
желая;
Но Поръ себѣ мечемъ повсюду путь являя
Приближился къ нему, смертельно пора-
зилъ
И съ сей побѣдою, самъ плѣнъ свой возвѣ-
стилъ.

КЛЕОФИЛА.

Итакъ я зрю, что рокъ разитъ меня едину,
Должна оплакивать я сей войны судьбину!
Не тщетноль твоего мой братъ покрова
ждалъ?
Побѣдою твоей, онъ жизнь свою скончалъ.
Что въ дружбѣ сей ему, когда онъ въ гробъ
низходитъ
И мщенія себѣ по смерти не находитъ?

Ахъ! Можноли стерпѣть? Возможноли внимать?
Что можно надъ тобой и мной торжествовать!

АКСІАНА.

Зри слезы государь, жалка всѣмъ Клеофила:
Она оплакивать на вѣкъ должна Таксила.
Какъ ей горьчайшихъ слезъ по немъ всегда нелить?
Въ измѣну вовлекла и не могла укрыть! —
Но Поръ ли, на него напасть когда стремился?
Разгнѣванну ему онъ самъ въ бою явился! —
За чемъ въ сраженье шелъ, чего онъ тамъ искалъ?
За чемъ онъ у тебя отнять его желалъ?
Что оскорблять того въ нещастіи жестокомъ,
Почтенъ въ побѣдѣ кто, хотя гонимъ злымъ рокомъ!
Ахъ! Тщетно просьбы мнѣ ея опровергать,
Таксила больше нѣтъ.— чего мнѣ ожидать?
Спѣши его почтить ты жертвою такою,
Отмсти! Но знай, и я винна передъ тобою;
Внемли о Поръ! Внемли, мое ты сердце взялъ!
То знаетъ Александръ, Таксилъ о томъ вздыхалъ;

Лишъ ты не зналъ сего, я щастлива не-
ложно,
Что мнѣ при смерти то сказать тебѣ
возможно.

ПОРЪ

Ужъ время Александръ! Чтобъ ты былъ на-
сыщенъ,
Ты зрѣлъ что я возмогъ, хоть былъ и по-
бѣжденъ.
Страшися ты меня, оружія лишенна.
Когда одинъ я мстилъ средь войска опол-
ченна;
О имени моемъ довольно возвѣстить,
Уснувшихъ чтобъ въ цѣпяхъ царей всѣхъ
возбудить.
Въ крови моей разрушъ войны ужасной сѣмя
И безпрепятственно плѣняй все смерт-
ныхъ племя,
Равно не жди того, чтобъ я толь низокъ
былъ,
Чтобъ власть твою призналъ, или чего про-
силъ.
Вещай; но честь мою ты тронуть не по-
смѣешъ. —
Посмотримъ, какъ владѣть побѣдою умѣешъ!

АЛЕКСАНДРЪ.

Такъ гордости твоей не можно прекло-
нить?—

Вступая въ гробь, меня ты ищешь устрашить. —
Опасности меня смятутъ въ побѣдахъ строги,
Коль имя болѣе твое, чемъ войски многи.
Должно пресѣчь сей страхъ. — Скажи ты мнѣ о томъ,
Какъ поступить теперь съ тобою?....

ПОРЪ.

Какъ съ царемъ.

АЛЕКСАНДРЪ.

Коль должно какъ съ царемъ, то такъ и поступаю;
Побѣду не сверша свою не оставляю.
Ты хочешъ самъ того, такъ будь доволенъ симъ,
Владѣй здѣсь навсегда престоломъ ты своимъ,
И съ дружествомъ моимъ прими ты Аксіану,
Носите цѣпь сію давно вамъ обѣщанну
Живите, царствуйте не раздѣляя тронъ;
Путь Гангеса береговъ достигнетъ вашъ законъ.

къ Клеофилѣ

Поступокъ сей тебя, я вижу удивляетъ;
Но знай, что Александръ всегда такъ отомщаетъ.

Люблю тебя, хочу навѣкъ подвластенъ быть
Готовъ я тьмой смертей твои печали
мстить;
Но не должналь ты быть сама тѣмъ оскор-
бленна,
Коль поражу врага оружія лишенна? —
Восторжествуетъ онъ, взнесясь превыше
злобъ,
И побѣдителемъ со славой вступитъ въ
гробъ.
Позволъ мнѣ въ семъ пути пребыть нер-
ретикновенну,
И доблесть посвятить тебѣ не помраченну.
Оставимъ Пора мы на тронъ вѣнчанна здѣсь,
Подъ властію своей ты свѣтъ увидишъ весь
Явись съ тѣмъ чувствіемъ, что санъ тебѣ
внушаетъ,
Да царства новыя та доблесть удивляетъ;
Свѣтиломъ славныхъ дѣлъ народамъ мно-
гимъ будь,
Таксиловой сестры нещастія забудь.

АКСІАНА.

Ты царствуй; но позволь величію дивиться
Героя, кой тебѣ на вѣкъ подвластенъ
зрится!
Люби и щастіемъ ты обладай такимъ
Что всѣми смертными твой другъ богот-
воримъ.

ПОРЪ.

Досель тобою свѣтъ себя зря возмущен-
нымъ,
Дивиться мнѣ велѣлъ лишь подвигамъ воен-
ныхъ;
Но духъ мой никогда представить то не
смѣлъ,
Чтобъ большу какъ въ себѣ, въ тебѣ я до-
блесть зрѣлъ!
Уже я покоренъ — Побѣду уступаю!
Добротой, славой ли, чемъ больше ты? Не
знаю —
Спупай О государь! — И покоряй весь
свѣтъ,
Позволь сподвижникомъ твоихъ мнѣ быть
побѣдъ!
Я слѣдую тебѣ въ судьбѣ твоей отмѣнной,
Достоинѣй быть тебя, кто можетъ царъ
вселенной!

КЛЕОФИЛА.

Что сердце изречетъ стѣсненное тоской?
Могули я роптать зря блескъ доброты та-
кой?
Ты Пору съ жизнію вѣнецъ его даруешъ,
Внушаетъ слава то, и тѣмъ ты торже-
ствуешъ.

Я не противлюся, коль такъ надлежитъ
быть,
Что мнѣ велитъ судьба, молчать и слезы
лить.

АЛЕКСАНДРЪ.

Мы друга вѣрнаго оплачемъ здѣсь съ тобою,
И прахъ его почтимъ, мы жертвою такою.
Огромной памятникъ да свѣту возвѣститъ
Что нашей горести предметъ подъ нимъ
сокрытъ!

КОНЕЦЪ.

МИТРИДАТЪ

ТРАГЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мало есть имень больше извѣстныхъ Митридатова. Жизнь и смерть его занимаютъ нарочитую часть Римской Исторіи. Не щитая побѣдъ имъ одержанныхъ, паденіе его составило всю славу трехъ знаменитѣйшихъ вождей сей республики, то есть: Силлы, Лукулла и Помпея. — Для чего, почитаю я нужнымъ, упомянуть о писателяхъ повѣствовавшихъ объ немъ. Ибо, изключая сближенія нѣкоторыхъ произшествій по праву стихотворства, слѣдовалъ я Исторіи во всей ея точности. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ни одного блистательнаго приключенія Митридатова, которое не было бы вмѣщено въ сей Трагедіи. Въ ней изображено все, что можетъ дать понятіе о нравѣ и чувствахъ сего Государя, какъ то: о неутолимой ненависти его къ Римлянамъ, необыкновенной его храбрости, недовѣрчивости и ревности

толико ему сродной, которая не рѣдко стоила жизни его любовницамъ.

Однакожъ не всѣмъ можетъ быть извѣстно предпріятіе его на Италію; а какъ сіе подало мнѣ случай къ составленію наилучшихъ явленіи сей Трагедіи, то и надѣюсь я удвоить удовольствіе моихъ читателей, когда представлю Историковъ приписывающихъ оное Митридату.

Флоръ, Плутархъ и Діонъ Кассій именуютъ земли по которымъ долженъ онъ былъ приходить; Аппіенъ же Александрійскій входитъ еще въ большую подробность; изчисля всѣ удобства и помощь, которыя надѣялся Митридатъ обрести въ семъ походѣ своемъ, присовокупляетъ, что предпріятіе сіе послужило предлогомъ Фарнасу, къ возмущенію всѣхъ войскъ противъ него.— И что воины ужаснувшіеся отъ таковаго замысла отнесли оный къ отчаянію государя ищущаго погибнуть со славой, что и было отчасти причи-

ною его смерти, составляющей содержаніе Трагедіи сей.

Я соединилъ намѣреніе сіе еще больше съ содержаніемъ оной, давъ чрезъ него способъ Митридату испытать тайныя мнѣнія сыновъ его. Не можно быть довольно осторожну, чтобъ не помѣстить иногда на Θеатрѣ какой нибудь излишности, отъ чего наилучшія явленія нерѣдко бываютъ подвержены неудачѣ; а особливо когда онѣ хотя мало отдѣляются отъ дѣйствія, и вмѣсто чтобъ вести къ окончанію, прерываютъ связь онаго.

Діонъ Кассій тако разсуждаетъ о семъ намѣреніи Митридатовомъ: человѣкъ сей поистиннѣ рожденъ былъ для великихъ дѣлъ, и какъ неоднократно испыталъ онъ перемѣну щастія, то ничто не уничтожало въ немъ надежды и смѣлости. Онъ измѣрялъ предпріятія свои больше своею храбростію, нежели худымъ положеніемъ дѣлъ, былъ готовъ въ случаѣ неудачи обрести конецъ

достойной великаго царя и желалъ всегда лучше погребсти себя въ развалинахъ своего государства, нежели влачить жизнь свою въ уничиженіи.

Изъ всѣхъ его женъ избралъ я Монниму, которая кажется была добродѣтельнѣе прочихъ, и которую Митридатъ любилъ больше другихъ. Плутархъ, какъ бы находя въ томъ нѣкоторое удовольствіе, описалъ всѣ бѣдствія и чувствія сей царицы. Онъ подалъ мнѣ мысль объ ней и по его начертанію составилъ я ея характеръ въ которомъ, какъ кажется, нѣтъ недостатка. Вотъ, что онъ о ней повѣствуетъ.

„Сіе весьма было уважаемо у Гре„ковъ, что естьли царь почувствовавъ „любовь къ какой ни есть дѣвицѣ зна„тнаго рода, предложитъ намѣреніе „свое о бракѣ, пришлетъ Діадиму, или „царскую повязку и объявитъ ее ца„рицей..... Нещастная сія особа, „послѣ брака ея съ царемъ, жила въ

„великомъ неудовольствіи, жалуясь „безпрестанно на бѣдственныя свои „прелести, что чрезъ нихъ обрела она „себѣ властителя, а не супруга, и „что вмѣсто приличнаго полу ея об- „щества почтенныхъ женъ, видѣла „она себя окруженною стражей и вар- „варскими воинами, которые обраща- „лись съ ней какъ съ плѣнницей, въ „странѣ удаленной отъ пріятнѣйшихъ „мѣстъ Греціи, ея отечества, въ ко- „емъ оставила она истинное свое бла- „гополучіе и видѣла потомъ только „тѣнь онаго..... Когда пришелъ къ ней „Евнухъ, и объявилъ что по волѣ царя „должна она умереть, тогда сорвавъ „съ головы своей царскую повязку, воз- „ложила она ее на шею и хотѣла уда- „вится; но оная была не довольно крѣ- „пка и перервалась. Увидя сіе сказа- „ла она: *Проклятая и нещастная „ткань; почто не можешь ты оказать „мнѣ сей печальной услуги?* выгово-

„ря сіе, бросила ее на землю, плюнула „и протянула шею евнуху.

Ксифаръ былъ сынъ Митридатовъ, отъ одной изъ женъ его по имени Спратоники, предавшей Римлянамъ весьма знаменитой городъ, въ коемъ хранились сокровища ея мужа, дабы чрезъ то обрести Ксифару благорасположеніе Помпея. Нѣкоторые Историки повѣствуютъ яко бы Митридатъ умертвилъ его въ отмщеніе за измѣну матери. Я не упомянулъ ничего о Фарнасѣ, поелику многимъ извѣстно, что онъ возмутилъ противъ отца своего остальныя его войска, принудилъ его сперьва прибѣгнуть къ яду, а потомъ пронзить себя мечемъ, чтобъ невпасть живому въ руки своихъ непріятелей. Онъ есть тотъ самой Фарнасъ, которой былъ потомъ побѣжденъ Юліемъ Кесаремъ и наконецъ убитъ въ другомъ сраженіи.

Отъ трудившагося въ переводѣ.

Я долженъ предварить моихъ читалей, что Трагедія сія не вся переведена мною изъ стиха въ стихъ; но въ двухъ, или въ трехъ мѣстахъ нѣкоторыя рѣчи нѣсколько сокращены. Какъ напримѣръ, въ перьвомъ дѣйствіи и явленіи большая Ксифарова рѣчь сокращена восьмью стихами, хотя впрочемъ, нигдѣ какъ и въ сей, ни сколько неотступлено отъ содержанія. Плодовитость Расинова а наипаче при самомъ началѣ Трагедіи показалась мнѣ слишкомъ продолжительною.

МИТРИДАТЪ

ТРАГЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

СОЧИНЕННАЯ

Г. Расиномъ.

въ 1665 году

Преложенная въ Россійскіе стихи
въ 1813 году.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

МИТРИДАТЪ. Царь Понтійскій и многихъ другихъ государствъ.

МОНИМА. Обрученная Митридату и уже объявленная царицей.

ФАРНАСЪ. } Сыны Митридатовы; но отъ
КСИФАРЪ. } разныхъ матерей.

АРБАТЪ. Наперстникъ Митридатовъ, правитель города Нимфіи.

ФЕДИМА. Наперстница Монимина.

АРКАСЪ. Слуга Митридатовъ.

СТРАЖА.

Дѣйствіе въ Херсонесѣ Таврическомъ, въ городѣ Нимфіи, при Босфорѣ Киммерическомъ.

МИТРИДАТЪ

ТРАГЕДІЯ

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНІЕ I.

КСИФАРЪ, АРБАТЪ.

КСИФАРЪ.

Свершилось то, о чемъ вѣщали здѣсь, Арбатъ —
Такъ, торжествуетъ Римъ, жизнь кончилъ Митридатъ.
Ефрата на брегахъ, ночною тьмой покрытый,
Побѣду одержалъ вождь Римлянъ знаменитый.
Привыкшій бодрствовать во браняхъ мой отецъ,
Во тьмѣ, въ смятеніи, узрѣлъ себѣ конецъ!

Оставленъ отъ своихъ, межъ труповъ въ ратномъ полѣ. —
Повѣдали мнѣ то, прибывшіе оттолѣ,
Что послѣ пагубной, упорной битвы сей,
Вѣнецъ его и мечь обрелъ уже Помпей!...
Итакъ, кто сорокъ лѣтъ боролся съ славой Рима,
Судьба востока кѣмъ, однимъ была держима,
Кто власть царей одинъ собою охранялъ,
Въ величіи своемъ средь подвиговъ упалъ!
Для мщенья жъ за себя, во дняхъ толь намъ нещастныхъ
Оставилъ двухъ сыновъ сердцами несогласныхъ!

АРБАТЪ.

Что слышу? Страсть владѣть тебя толико льститъ
Въ Фарнасѣ что твой духъ соперника ужъ зритъ!

КСИФАРЪ.

Нѣтъ я не думаю, толь страшными бѣдами
Присвоить власть себѣ надъ отчими странами.
Рожденья первенство я чтить всегда умѣлъ,
Доволенъ царствомъ мнѣ назначеннымъ въ удѣлъ

Что дружество Римлянъ Фарнасу обѣщаетъ,
Повѣрь, безъ зависти на то Ксифаръ взираетъ.

АРБАТЪ.

Быть другомъ Римлянамъ! — Престать имъ быть врагомъ! —
Чтобъ Митридатовъ сынъ?...

КСИФАРЪ.

Не сомнѣвайся въ томъ.
Приверженность его давно уже къ нимъ зрима;
Онъ ждетъ теперь всего отъ сильной власти Рима. —
Яжъ вѣренъ бывъ отцу, другихъ не жаждя странъ,
Питаю ненависть въ душѣ противъ Римлянъ! —
Однакоже не то теперь мой духъ смущаетъ.

АРБАТЪ.

Чтожъ такъ противъ его тебя вооружаетъ?

КСИФАРЪ.

Увы! — Монима то! — Я зрю ты удивленъ.
Монима, коею отецъ мой былъ плѣненъ,

И коей здѣсь Фарнасъ въ любьви своей открылся!

АРБАТЪ.

Возможноль?...

КСИФАРЪ.

Знай, хотя я прежде въ томъ таился;
Но коль соперникъ мнѣ сталъ братъ; а не отецъ;
То время мнѣ тебѣ, повѣдать наконецъ,
Что страсть, которую къ Монимѣ я питаю,
Не новая любовь, что я давно скрываю
Ту тайну въ глубинѣ души моей, Арбатъ —
Молчу о горестяхъ, что сердце тяготятъ.
Хоть могъ бы я себѣ, то ставить въ оправданье,
Что первой къ ней любви почувствовалъ пыланье. —
Монимы Митридатъ тогда еще не зналъ,
Какъ я уже о ней всѣмъ сердцемъ воздыхалъ!
Увидѣлъ онъ ее, плѣнился красотою;
Но вмѣсто, чтобъ почтить достойною судьбою,
Подумалъ, слава та, которой онъ покрытъ
Желаніямъ его Мониму покоритъ.

Съ какимъ усиліемъ, ты знаешъ, онъ старался
Склонить ее къ себѣ, и какъ онъ съ ней
разстался;
Отсутственъ, но душей всегда привязанъ
къ ней,
Онъ Діадиму ей рукою далъ твоей.
Какія горести меня тогда смутили —
Какъ вѣрныя молвы, внезапно возвѣстили,
Что царь намѣренье свершить опредѣлилъ,
И что ты съ нею въ путь къ Нимфіи по-
спѣшилъ
Что къ брачну торжеству здѣсь все гото-
во зрится,
Что долженъ навсегда Монимы я лишиться!
Увы! — И было то, въ тѣ смутны времена,
Какъ злобой, ревностью въ душѣ воспалена,
Мнѣ дружбу обрѣсти желая у Помпея,
Надѣясь на Римлянъ, и мщеньемъ пламенѣя
Рѣшилась мать моя, среди такихъ премѣнъ,
Предать Римлянамъ градъ, что ей былъ по-
ученъ,
И всѣ сокровища.... Представь сіи минуты,
Сколь многи скорьби вдругъ меня объяли
люты
Любовью горестной, въ тоскѣ моей горя,
Измѣну матери, обиду зря царя! —
Предпринялъ надъ собой жестоку я побѣду,
Соперника отецъ во мнѣ не зрѣлъ чтобъ
слѣду!
Пошелъ противъ Римлянъ, пренебрегая

Невѣрность матери и стыдъ мой тѣмъ
сотерть.
Внезапно покоря, я градъ сей знаменитый,
Своею кровію и лаврами покрытый
Вступилъ въ него тогдажъ. — Евксинскій
Понтъ съ тѣхъ поръ,
Отъ здѣшнихъ водъ до тѣхъ Ѳракійскій гдѣ
Босфоръ
Въ волнахъ свои стремитъ, царю могъ по-
кориться,
И флотъ его на немъ теперь спокоенъ
зрится.
Я болѣе, хотѣлъ и полагалъ, Арбатъ!
Окончa подвигъ свой, ударить на Ефратъ —
Какъ вдругъ печальна вѣсть всѣ замыслы
прервала;
Монимажъ въ мысляхъ мнѣ во всей красѣ
предстала
Какія ужасы въ мечтахъ явилъ мнѣ рокъ! —
Ты вѣдаешъ, сколь царь въ любьви ревнивъ,
жестокъ,
Коль кратъ онъ строгостямъ чрезмѣрнымъ
предавался,
И смертью въ вѣрности любовницъ утвер-
ждался!
Въ сихъ мрачныхъ мысляхъ я къ Нимфіи
поспѣшилъ. —
Но что? — Фарнасовъ станъ у стѣнъ ея
открылъ.
Предчувствіе меня печали поразило.

Ты принялъ насъ Арбатъ; и знаешъ все,
что было.
Фарнасъ запальчивый въ намѣреньи своемъ,
Высокомѣренъ, гордъ, неколебимъ ничемъ,
Царицѣ разсказавъ, нещастіе отцово,
Открылъ свою любовь, и далъ предъ всѣми
слово,
Что хочетъ скоро бракъ онъ съ нею со-
вершить!
Довольно я скрывалъ, хочу теперь явить,
Колико власть отца во всемъ я почитаю,
И сколько напротивъ его пренебрегаю.
Хотябъ отвергнула Монима пламень мой,
Доколь я живъ владѣть не будетъ ей дру-
гой!
Вотъ тайна вся, что духъ теперь мой от-
крываетъ,
Избранье жъ въ томъ, Арбатъ, тебѣ пре-
доставляетъ,
Кто больше вѣрности достоинъ здѣсь
твоей,
Сынъ царской, или рабъ Римлянъ прегордой
сей?
Надменъ ихъ дружествомъ, Фарнасъ прель-
щенъ мечтою
Въ Нимфіи царствовать, повелѣвая мною;
Но мыслей никогда другихъ я не имѣлъ,
Что Понтъ его есть часть, Колхида мой
удѣлъ,

Что сей Босфоръ всегда съ окрестными странами
Между Колхидскими щитался областями.—

АРБАТЪ.

Коль я какую власть имѣю надъ собой,
Мой выборъ положенъ. — Повелѣвай ты мной.
Сколь вѣренъ твоему отцу я быть старался,
Съ какою храбростью въ семъ градѣ защищался,
Съ какимъ усердьемъ жизнь царю я посвящалъ,
Какъ братъ твой дерзостно предѣлъ сей утѣснялъ,
Какъ шелъ противъ тебя — Я съ вѣрностiюжъ тою
Готовъ тѣбѣ во всемъ пожертвовать собою.
Твой братъ о Государь! — Коль тыбъ непоспѣшилъ,
Конечнобъ жизнь мою во гнѣвѣ прекратилъ.—
И скоробъ кровь моя тѣ стѣны обагрила,
Которы отъ него рука моя хранила.
Спѣши царицыну любовь къ себѣ познать.—
Или народъ меня нестанетъ здѣсь внимать,
Или Фарнасъ пойдетъ далеко отъ Босфора
Искать тѣхъ почестей, въ чемъ Римлянъ льститъ подпора.

КСИФАРЪ.

Признательность къ тебѣ ничто непресѣчетъ.
Что внемлю? — Скройся ты — Монима къ намъ идетъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

МОНИМА, КСИФАРЪ.

МОНИМА.

Въ нещастіяхъ моихъ къ тебѣ я прибѣгаю;
Коль ты не защитишь, кого просить, незнаю?
Безъ ближнихъ, безъ друзей, оставлена судьбой...
Царица имянемъ, и плѣнница собой
Не бывъ супругой я, содѣлалась вдовою: —
Но бѣдъ моихъ въ томъ тѣнь, ты видишъ предъ собою.
Тирана моего я трепещу назвать,
И только въ томъ могу надежду полагать,
Что нѣжная душа, въ тоскѣ моей ужасной,
Родству не посвятитъ стенанія нещастной!
Познай, о государь! Фарнаса въ сихъ словахъ; —
То онъ, вселяющій мнѣ сей несносный страхъ.

Безъ склонности моей, онъ силой дерзской власти,
Мой жребій съединить къ своей желаетъ части!
Подъ коей злой звѣздой на свѣтъ я рождена?
Вторично безъ любви, на бракъ осуждена —
И слабая едва надежда появилась,
Какъ тотъ влечетъ меня, кого всегда страшилась
Быть можетъ мнѣ теперь не должно позабыть,
Что съ братомъ я его дерзаю говорить. —
Но пусть разсудокъ то, иль ненависть внушаетъ,
Что съ именемъ его всѣхъ Римлянъ мнѣ являетъ;
Всѣ гибели меня толико не страшатъ,
Какъ бракъ, къ которому влечетъ меня твой братъ!
Ахъ! Ежели въ слезахъ нещастная Монима,
Тебя бѣдами зритъ ея не колебима, —
Отчаянность ея увидишъ государь,
Что гробъ пріятнѣе для ней, какъ сей олтарь!
Узришъ пронзающу то сердце сей рукою,
Котораго она не властвуетъ судьбою!

КСИФАРЪ.

Надежду на меня ты можешъ полагать,

Ты можешъ мною здѣсь, и всемъ повелѣвать.
Пусть власть свою мой братъ въ другихъ мѣстахъ являетъ;
Но всей бѣды своей, твои духъ еще незнаетъ?

МОНИМА.

Какіяжъ муки здѣсь еще мнѣ предстоятъ?

КСИФАРЪ.

Когда твои глаза въ любви проступокъ зрятъ —
Коль братъ мой виненъ сталъ, плѣнясь твоей красою,
То знаи, что я сто кратъ виновнѣи предъ тобою.

МОНИМА.

Что ты сказалъ!....

КСИФАРЪ.

Въ числѣ бѣдъ страшныхъ полагай
Нещастіе сіе, и небо призывай
На помощь противъ тѣхъ, тобою что плѣнились,
Отецъ, сыны тебя терзать соединились!
Но сколь ни страждешъ ты, и сколь ни стѣснена

Сколь духъ твой ни смущенъ, сколь тѣмъ
удивлена —
Нещастіе твое далеко не сравнится,
Съ мученьемъ, что давно въ душѣ моей
таится;
Однакоже не мни, чтобъ я подобенъ былъ
Въ томъ брату моему, и здѣсь тебя тѣ-
снилъ.
Свободналь хочешъ быть. — Клянусь пе-
редъ тобою,
Что властвовать твоей не будемъ мы судь-
бою.
Но естьли я свершу желанія твои,
Скажи, гдѣ прелести сокроешъ ты свои?
Позволишъ ли ты мнѣ въ тѣ слѣдовать пре-
дѣлы?
Могули въ жизни зрѣть я дни еще веселы?
Обѣихъ ли ты насъ стремишся убѣгать?
Что въ воздаяніе за то мнѣ ожидать,
Иль хочешъ чтобъ и тѣнь моя была не
зрима?

МОНИМА.

Ахъ! Что ты мнѣ открылъ?

КСИФАРЪ.

Прекрасная Монима
Коль преимущество дать можетъ время въ
чемъ?
Я первой зрѣлъ тебя. — Сказать ли мнѣ о семъ,
Что красота твоя тогда лишъ разцвѣтала,

И только матери въ глазахъ еще блистала;
Прелестныхъ сихъ очей никто еще не зналъ,
Какъ я уже на вѣкъ твоимъ быть предпріялъ.
Ахъ! Если долженъ былъ съ тобой я разлучиться,
И случай воспретилъ въ любьви къ тебѣ открыться;
Минуту горькую ты помнишъ ли сію,
Какъ клялъ жестоку я обязанность мою?
Ты помнишъ ли мое тогдашнее терзанье
Какою грустью я сопровождалъ прощанье?
Ахъ! Зрю, что я одинъ свой помню только стонъ
Тебѣжъ напомнилъ тѣмъ, давно забвенный сонъ.
Межъ тѣмъ какъ потерявъ надежду возвратиться,
Не въ силахъ былъ ничемъ я мукъ освободиться;
Спокойна, и на бракъ съ отцомъ моимъ рѣшась
Забыла ты меня, величіемъ плѣнясь!

МОНИМА.

Увы!....

КСИФАРЪ.

Вздохнула ли хоть разъ о мнѣ Монима?...

МОНИМА.

Не презирай тоски, которой я томима!....

КСИФАРЪ.

О Небо! Яль могу печаль твою не чтить?
Готовъ я всѣ твои желанья совершить,
Готовъ, колико тѣмъ ни буду я крушиться
Готовъ не зрѣть тебя прекрасная рѣшиться!

МОНИМА.

Ахъ! Можешъ ли ты сей обѣтъ исполнить свои?

КСИФАРЪ.

Не ужли клятвы всѣ безсильны предъ тобой?
Не мни, чтобъ власти я насильственной предался,
Иль чтобъ противъ твоей свободы устремлялся?
Идутъ сюда — Идутъ! — Хоть словомъ мнѣ польсти,
Ахъ! — Сжалься....

МОНИМА.

Государь! Отъ брата защити. —
Но чтобы зрѣть меня, иль вѣчно удаляться,
Насильной власти въ томъ нѣтъ нужды, предаваться.

КСИФАРЪ.

Царица!

МОНИМА.

Ахъ! Взгляни, сюда идетъ твой братъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

МОНИМА, ФАРНАСЪ, КСИФАРЪ.

ФАРНАСЪ.

Доколь ты будешъ ждать? — Увѣрься, Митридатъ
Уже окончилъ вѣкъ. — Всѣ слухи утверждаютъ,
Сомнѣнье въ томъ твое совсемъ опровергаютъ.
Разстаться поспѣшимъ съ сей дикою страной,
Что скорьбь твою твердитъ, и плѣнъ несносной твой,
Гдѣ все печаль твою тебѣ напоминаетъ
Подъ небомъ щастливымъ съ восторгомъ ожидаетъ
Тебя, послушной мнѣ, въ странахъ моихъ народъ.
Понтъ чтитъ царицею береговъ тебя и водъ

И на челѣ твоемъ священна Діадима
Являетъ власть твою, въ предѣлахъ тѣхъ Монима. —
Въ залогъ ее тебѣ родитель мой прислалъ;
Исполнить долженъ я все, что онъ обѣщалъ.
Повѣрь, что медлить намъ здѣсь болѣе недолжно;
Но бракъ сверша, спѣшить отъѣздомъ сколько можно.
Ты сердцу моему и пользѣ въ томъ внемли.
Готовы ужъ для насъ при брегѣ корабли.
Отъ олтаря на нихъ, спѣши къ мѣстамъ прекраснымъ,
Явись царицею морямъ тебѣ подвластнымъ

МОНИМА.

За милость такову въ признаньѣ мѣры нѣтъ. —
Но время коль не ждетъ, коль должно дать отвѣтъ,
Могули предъ тобой во всемъ я не таиться
И въ чувствахъ тайныхъ здѣсь души моей открыться?

ФАРНАСЪ.

Ты можешъ все...

МОНИМА.

Я мню, ты вѣдаешъ сіе.

Эфесъ что, государь, Отечество мое. —
Героевъ и царей мнѣ предками щитали,
Героевъ доблести, что Греки поставляли
Превыше самого достоинства царей.
Іонія, Эфесъ соединенный съ ней,
Защитой твоего родителя гордился
Тогда какъ власти сей онъ знакъ прислать
рѣшился.
Для дому моего священъ былъ сей залогъ,
Отецъ мой славы той отринуть не возмогъ
Вѣнчанна плѣнница, сокрывъ свои печали,
Пустилась въ тѣ мѣста, меня на бракъ гдѣ
ждали. —
Но пламень брани вдругъ ужасной воспы-
лалъ,
Отецъ твой принужденъ меня оставить
сталъ;
А чтобы мнѣ отъ бурь свирѣпыхъ сихъ
сокрыться
Не медля повелѣлъ во градъ сей удалится.
И между тѣмъ какъ онъ войною занятъ
былъ,
Отецъ мой дорого ту славу заплатилъ!
Римляне покоривъ страну Филопемена,
И видя въ немъ отца Монимы утѣсненна
Дерзнули жизнь его въ жестокости пред-
вать!
Вотъ что я государь, должна тебѣ сказать.
Мстить Римлянамъ за то сколь я ни пла-
менѣю,

Ни скитра, ни друзей, ни войска не имѣю;
Осталось сердце мнѣ. — Могули я забыть,
Что вѣрность въ немъ къ отцу должна на вѣкъ хранить?
Яль кровь пролитую его когда забуду? —
И яль союзника Римлянъ супругой буду?

ФАРНАСЪ.

Но что увѣрило тебя Монима въ томъ,
Что я быть Римлянамъ пересталъ уже врагомъ? —
И кто сказалъ, что я ихъ другомъ быть рѣшился?

МОНИМА.

Ты самъ, о государь! — Сей часъ мнѣ въ томъ открылся. —
Какъ могъ бы предлагать ты путь мнѣ въ тѣ страны,
Что воинствомъ Римлянъ вездѣ окружены?
Когда бы тайными сношеньями своими,
Давно не утвердилъ ты власть свою надъ ними?

ФАРНАСЪ.

Я могъ бы мнѣнія мои тебѣ сказать,
И знаю, что меня въ нихъ можетъ оправдать; —
Когда бы ты свои притворства отложила,
И сердца скрытыя мнѣ чувства объявила;

Но соображая мысль всѣхъ словъ теперь
твоихъ,
Я мню, что тайну ту хоть нѣсколько по-
стигъ. —
И вижу, сколь твой духъ ее ни сокрываешъ
Что не отецъ тебя такъ мыслить заста-
вляетъ.

КСИФАРЪ.

Чтобъ ни заставило подобной дать отвѣтъ,
Онъ ясенъ и въ словахъ ея сомнѣнья
нѣтъ.
Но если ненависть ты къ Римлянамъ имѣ-
ешъ
Дивлюсь, что мщеніе и гнѣвъ явить коснѣ-
ешъ?
И намъ ли, слыша всѣ нещастія отца
Прилично мѣдлить здѣсь, ища его вѣнца?
Знай, кровь и честь его мы тѣмъ пренеб-
регаемъ. —
Онъ мертвъ! — Но погребенъ, иль нѣтъ,
тово не знаемъ.
Кто вѣдаетъ, межъ тѣмъ какъ здѣсь твоя
душа,
Любовію одной и нѣжностью дыша
Позабываетъ долгъ, сей славный царь во-
стока
Послѣдній, кой позналъ всю лютость стра-
шна рока,

Въ отеческой странѣ не погребенъ лежитъ.
Межъ кучей мертвыхъ тѣлъ въ презрѣніи забытъ.
Забытъ! — И небо онъ во гнѣвѣ обвиняетъ,
Что мщенія отъ насъ напрасно ожидаетъ.
Почто безъ пользы дни въ странѣ влачитъ намъ сей,
Коль кто на свѣтѣ есть свободенъ изъ царей,
Парѳянинъ, Скиѳъ, Сарматъ коль вольность еще любятъ —
Число союзниковъ къ тому намъ усугубятъ
Жить будемъ иль умремъ, но такъ какъ Митридатъ.
Пойдемъ, колико намъ чемъ страсти здѣсь ни льстятъ;
Пойдемъ, за вольность намъ полезнѣе сражаться,
Чемъ покорять сердца не склонныя стараться.

ФАРНАСЪ.

Не обманулся ли, я мнѣніемъ моимъ?
Не сходенъ ли его отвѣтъ во всемъ съ твоимъ? —
Я Римлянъ и отца въ словахъ сихъ примѣчаю.

КСИФАРЪ.

Царицы тайныхъ чувствъ по нынѣ я не-
знаю;
Но естьли бы ея желаніе открылъ,
Не ждя за то наградъ, свершить бы ихъ
спѣшилъ

ФАРНАСЪ.

Похвально для тебя; но я собою правлю,
И дѣлъ твоихъ отнюдъ въ примѣръ себѣ
не ставлю.

КСИФАРЪ.

Не знаю ктобъ возмогъ ту дерзость здѣсь
имѣть,
Примѣра чтобъ себѣ въ дѣлахъ моихъ не
зрѣть?

ФАРНАСЪ.

Въ Колхидѣ можешъ ты гордиться мыслью
сею.

КСИФАРЪ.

Въ Колхидѣ, или здѣсь, я туже власть
имѣю.

ФАРНАСЪ.

Здѣсь можешъ гибели подвергнуться своей!.

ЯВЛЕНІЕ IV.

МОНИМА, ФАРНАСЪ, КСИФАРЪ. ФЕДИМА.

ФЕДИМА.

Царица! Понтъ покрытъ зрятъ тьмою кораблей,
Внезапно зрѣлище слухъ ложной отвергаетъ,
И съ войскомъ Митридатъ, ужъ въ пристань поспѣшаетъ!

МОНИМА.

Что слышу? — Митридатъ!

КСИФАРЪ.

Отецъ!

ФАРНАСЪ.

Что внемлю я?

ФЕДИМА.

Тамъ легкія суда у брега ужъ стоя
Гласятъ, что царь уже отъ града не далечѣ,
Уже пошелъ Арбатъ готовиться ко встрѣчѣ

КСИФАРЪ.

къ Монимѣ.

Ахъ! Что мы сдѣлали?

МОНИМА.

къ Ксифару.

Прости! .. Какая вѣсть!

ЯВЛЕНІЕ V.

ФАРНАСЪ, КСИФАРЪ.

ФАРНАСЪ.

Особо.

Онъ живъ! — Спѣшитъ сюда, Возможноли то снесть?
Опасности меня ужасны окружаютъ!
Римляне коихъ жду, еще не поспѣшаютъ:
Что дѣлать?....

къ Ксифару.

Слышу князь, ты тяжко воздохнулъ. —
Прощаньемъ вашимъ я себя не обманулъ;
Но время ужъ не то, чтобъ намъ любовью тлѣя
Прельщать тѣмъ мысль свою, и случай сей важнѣя. —
Коль Митридата дни щадитъ еще злой рокъ,
Чемъ больше онъ въ бѣдахъ, тѣмъ больше онъ жестокъ!
Ужель опасность ты свою не ощущаешъ?
Что мы преступники, о братъ! Сіе ты знаешъ. —
Онъ рѣдко движется родства любовью сей,
И строжее его сыны не зрятъ судей.
Мы видѣли его гнѣвъ люпый не едины,
Сразившій двухъ сыновъ за меньшія причины.
Страшусь за насъ троихъ, страшусь со всѣхъ сторонъ!
Царица тѣмъ жалчей, чемъ больше любитъ онъ.
Сколь въ ревности своей онъ страстью ни пылаетъ,
Всегда гнѣвъ далѣе любьви разпространяетъ.
Не льстись Ксифаръ, не льстись что ты имъ былъ любимъ

Тѣмъ больше люотостямъ предается онъ
своимъ
Подумай. — Воинство тебѣ послушно
зрится. —
А я жду помощи; но рано въ ней отк-
рытся.
Повѣрь моимъ словамъ и дружбѣ въ томъ
моей,
Сколь можно поспѣшимъ мы градъ присво-
ить сей. —
И да представитъ онъ, гонимый бывъ судь-
бою,
Условья, что принять намъ можно здѣсь
съ тобою.

КСИФАРЪ.

Я знаю ужасъ весь проступка моего,
Измѣну матери, и знаю гнѣвъ сго. —
Какая пагуба мнѣ нынѣ въ томъ ни
зрится,
Преданность ей къ отцу во мнѣ не истре-
бится

ФАРНАСЪ.

Коль тайну я мою тебѣ уже открылъ
И вѣдаю твою, прошу чтобъ ты хранилъ
Молчаніе о томъ, со мною бывъ согласенъ.
Ты знаешъ сколько царь средь вымысловъ
опасенъ,

Сколь примѣчаетъ онъ движенья всѣ и взоръ;
Насъ можетъ погубить малѣйшій разговоръ.
Готовъ я въ слѣдъ идти въ покорствѣ затобою;
Но въ тайнахъ вѣрны мы пребудемъ межъ собою

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

МОНИМА, ФЕДИМА.

ФЕДИМА.

Межъ тѣмъ, какъ всѣ царю во срѣтенье спѣшатъ,
Ты здѣсь еще, когда приходитъ Матридатъ
Царица! Что тебя одну остановляетъ?
Какое мысль твою отчаянье смущаетъ?
Не оскорбляешъ ли, ты симъ цареву честь?
Супругомъ кой твоимъ...

МОНИМА.

Онъ имъ еще не есть. —
А до того я мню, что долгъ свой исполняю,
Коль не встрѣчая въ сихъ чертогахъ ожидаю.

ФЕДИМА.

Но вспомни, что твоей владѣетъ онъ судьбой,

Что обѣщалъ тебя ему родитель твой,
Что на челѣ твоемъ залогъ его блистаетъ,
Что можетъ совершить онъ бракъ когда желаетъ,
Повѣрь мнѣ. — Появись, на встрѣчу поспѣши....

МОНИМА.

Ты зришь смущеніе и скорьбь моей души,
Могуль я во слезахъ, могуль предъ нимъ явиться?
Скажи мнѣ, лучше, гдѣ должна я нынѣ скрыться

ФЕДИМА.

Что вижу? Боги!...

МОНИМА.

Ахъ! Придетъ сюда онъ самъ —
Нещастная! — И какъ предстать его очамъ?
Съ симъ знакомъ на челѣ, въ душѣ съ тоской моею?...
Федима! — Сжалься ты, я словъ моихъ краснѣю...

ФЕДИМА.

Я зрю, что страждешь ты все тою же тоской,
Что въ Греціи еще твой рушила покой. —
И щастью твоему Ксифаръ всегда мѣшаетъ.

МОНИМА.

Увы! — всѣхъ бѣдъ моихъ, твой духъ еще
не знаетъ.
Тогда являлся мнѣ, онъ славою покрытъ,
Украшенъ доблестью, дѣлами знаменитъ;
Но я не думала, чтобъ могъ онъ мной плѣ-
ниться,
Теперь онъ больше всѣхъ любьви подвла-
стенъ зрится!

ФЕДИМА.

Ты страждешъ имъ — и сей возлюбленной
герой...

МОНИМА.

Толикожъ сколько я, гонимъ своей судь-
бой! —
Онъ столько же терпѣлъ, сколь я о немъ
страдала,
Печаль его всегда, вездѣ сопровождала,

ФЕДИМА.

Но знаетъ ли твои вздыханья онъ и
стонъ? —
Сколь любишъ ты его? —

МОНИМА.

Того не знаетъ онъ.
Мнѣ боги помогли, и сердце укрѣпили,
Хотъ вздохи часть любьви моей ему от-
крыли.

Увы! — Ты вѣдала, чтобъ тайну ту хранить,
Сколь сердце я свое старалася тѣснить. —
И зришъ, теперь сколь я сама съ собой сражаюсь!
Коль станетъ силъ во мнѣ, не зрѣть его рѣшаюсь!
Ахъ! Ежели узрю его въ тоскѣ я сей,
Боюсь не станетъ силъ скрывать любви моей! —
И тайна вся предъ нимъ изъ сердца устремится;
Но если будетъ такъ, онъ ей, не насладится.
Когда откроетъ онъ, желаетъ что узнать,
Стократно больше рокъ свой будетъ проклинать.

ФЕДИМА.

Идутъ! — Что дѣлаешь? — То царь! —
Престань смущаться.

МОНИМА.

Увы! — И какъ могу въ семъ видѣ я казаться?

ЯВЛЕНІЕ II.

МИТРИДАТЪ, ФАРНАСЪ, КСИФАРЪ
АРБАТЪ, СТРАЖА,

МИТРИДАТЪ.

Чтобъ нынѣ вы въ отвѣтъ ни представля-
ли мнѣ,
Князья! — Не должно мнѣ васъ встрѣтить
въ сей странѣ
Соображаясь дѣлъ ужаснѣйшему виду,
Оставить какъ могли — Ты Понтъ; а ты
Колхиду?..
Но зрите вы судьей, отца и друга вамъ.—
О смерти вы моей повѣрили молвамъ.
Я самъ разсѣялъ ихъ, и потому прощаю,
Благодаря Боговъ, что здѣсь васъ обретаю.
Хоть я и побѣжденъ, хоть близокъ къ без-
днѣ сталъ;
Но подвигъ къ славѣ я великой предпріялъ,
И скоро вамъ его пространнѣе открою.
Подите. — Я хочу предать себя покою.

ЯВЛЕНІЕ III.

МИТРИДАТЪ, АРБАТЪ.

МИТРИДАТЪ.

Итакъ, чрезъ годъ меня, ты паки зришъ Арбатъ;
Но я уже не тотъ щастливой Митридатъ,
Которымъ власть Римлянъ толико колебалась,
Вселенной вольность кѣмъ единымъ охранялась!
Я побѣжденъ!.... И въ нощь прославился Помпей,
Мракъ коей преградилъ путь храбрости моей...
Во тмѣ, въ смятеніи, безъ броней, безъ одежды
Мѣшались воины въ рядахъ, не зря надежды,
Смущенье множило толико страхъ межъ ихъ,
Что устремлялися, свои противъ своихъ.
Утесы горъ въ нощи крикъ страшной повторяли,
И бытвы ужасъ сей, сто кратъ усугубляли!...
Что можетъ храбрость тутъ, что можетъ крѣпость силъ?...
Погибло множество! — Бѣгъ прочихъ сохранилъ.

Я жизнью одолженъ въ сей участи плачевной,
Молвѣ, что я погибъ, средь войска разглашенной.
Сокрывъ себя отъ всѣхъ, враговъ затмя тѣмъ взоръ,
И Фазисъ перейдя, достигъ Кавказскихъ горъ.—
Оттуда въ корабли, стоящи на Евксинѣ,
Собралъ отстатокъ воискъ въ печальной сей судьбинѣ —
Вотъ случаемъ какимъ въ Босфоръ я приведенъ. —
Но здѣсь на новыя нещастья осужденъ!
Плѣненна зришъ меня ты тоюжъ все любовью,
И сердцу полному войной, отмщеньемъ, кровью,
Пренебрегающу преклонныхъ тягость лѣтъ,
Монима больше льститъ, какъ нежель цѣлый свѣтъ! —
Ужаснѣе оно враговъ себѣ не знаетъ,
Какъ двухъ сыновъ моихъ, которыхъ здѣсь встрѣчаетъ!

АРБАТЪ.

Возможноль? Двухъ сыновъ!

МИТРИДАТЪ.

Хотъ гнѣвъ во мнѣ кипитъ;

Но духъ различіе въ Ксифарѣ съ братомъ зритъ.
Я знаю онъ моей всегда послушенъ волѣ,
Какъ я, Римлянамъ врагъ, явилъ то брани въ полѣ.
Я зрѣлъ какъ храбростью геройской онъ блисталъ,
Тѣмъ тайной сей къ нему любьви достоинъ сталъ.
И знаю, что ко мнѣ усердьемъ онъ пылаетъ,
Обязанность свою всему предпочитаетъ.
Онъ матери своей надежду низложилъ,
Измѣною ея путь къ славѣ отворилъ. —
Чтобъ сынъ сей оскорбить меня когда рѣшился —
Толь страшну мысль всегда отторгнуть я стремился!
Но что принудило ихъ здѣсь обѣихъ ждать?
Монимы оба ли могли они искать?
Сношенье больше съ кѣмъ ея ты могъ примѣтить?
Скажи, какими мнѣ ее очами встрѣтить?
Вѣщай, — хоть не могу я тѣмъ спокоенъ быть,
Но тайну всѣхъ сердецъ ты долженъ мнѣ открыть.
Что было здѣсь, что зрѣлъ, какой гдѣ слухъ носился;
Когда, почто, и какъ, ты съ ними съединился?

АРБАТЪ.

Дней восемь государь, тому, какъ здѣсь Фарнасъ
Ко граду приступя, спѣшилъ увѣрить насъ
Что ты свой кончилъ вѣкъ — и всѣ съ нимъ то твердили
Желая, чтобъ врата мы града отворили. —
Хоть я всегда искалъ пресѣчь сей ложный слухъ,
Но съ вѣстью тою же приспѣлъ Ксифаръ къ намъ вдругъ. —
И въ семъ увѣрилъ насъ не столько онъ словами,
Печалью сколь своей и горькими слезами.

МИТРИДАТЪ.

Чтожъ дѣлали они?

АРБАТЪ.

Едва Фарнасъ вступилъ
Во градъ, какъ всю любовь свою тагда открылъ; —
И поспѣшая бракъ скорѣй свѣршить съ Монимой,
Хотѣлъ ее вѣнчать твоею Діадимой....

МИТРИДАТЪ.

Измѣнникъ! Врагъ! — Злодѣй! забывъ почтенье, страхъ,

Онъ не далъ время ей слезой омыть мой прахъ!...

А братъ его?

АРБАТЪ.

Ксифаръ, какъ зрю не помышляетъ
Нисколько о любьви и мщеньемъ лишъ пылаетъ.
Всегда во мнѣніяхъ согласенъ бывъ съ тобой,
Горитъ противъ Римлянъ и дышетъ лишъ войной.

МИТРИДАТЪ.

Но здѣсь за чемъ? — Почто сказать ты не дерзаешъ?

АРБАТЪ.

О томъ о государь! — Ты скоро самъ узнаешъ.

МИТРИДАТЪ.

Сей часъ вѣщай, не смѣй передо мной скрывать.

АРБАТЪ.

Все то, что я поднесь возмогъ о томъ узнать;
Сей князь увѣренъ бывъ, что вѣкъ ужъ твой прервался,

Присвоить сей Босфоръ подъ власть свою старался,
И внемля лишъ одной въ томъ храбрости своей,
Хотѣлъ соединить онъ градъ къ Колхидѣ сей.

МИТРИДАТЪ.

Что менѣе сего быть можетъ воздаянья?
Коль рокъ велитъ, во всемъ свершу его желанья...
Спокойнѣе въ душѣ моей, Арбатъ я сталъ. —
Любезной сынъ! О какъ я сердцемъ трепеталъ!
Сколь стратенъ моему такой соперникъ взору?
Какую потерять я могъ въ тебѣ подпору?
Пусть дерзко оскорблять спѣшитъ меня Фарнасъ,
Мой жаръ любьви къ нему давно уже погасъ!
Сей тайный другъ Римлянъ, давно открытый мною,
Всегда приверженъ былъ къ нимъ сердцемъ и душою.
И ежели — Увы! — Взаимно предана
Монима жертвуетъ ему, чемъ мнѣ должна!...
Преступникъ трепещи! — Кой смѣло толь дерзаетъ,
Кой мнѣ противится и страшно оскорбляетъ!

Но любитъ ли она?...

АРБАТЪ.

Царица къ намъ идетъ.

МИТРИДАТЪ.

Вы Боги зрите гнѣвъ, что здѣсь меня мятетъ!
Сокройте скорбь мою! — Сокройте къ вамъ взываю!
Да не постигну то, что такъ узнать желаю!
Довольно, удались, оставь меня Арбатъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

МИТРИДАТЪ, МОНИМА.

МИТРИДАТЪ.

Царица! — Наконецъ ты видишъ мой возвратъ. —
И небо моему желанію внимаетъ,
Прекраснѣй, чемъ была, мой взоръ тебя встрѣчаетъ.
Представить я себѣ никакъ то не хотѣлъ,
Чтобъ поздно толь для насъ, сей брака день приспѣлъ;
Ниже, чтобъ зря тебя, печально возвращенье

Затмило всю любовь, являя огорченье!
Любовь велѣла мнѣ все въ свѣтѣ позабыть
И гдѣ сіяешь ты, къ мѣстамъ тѣмъ поспѣшить.
Все бѣдствіе мое въ утѣху обратится,
Прибытье коль сіе тебѣ пріятнымъ зрится.
Изъ всѣхъ моихъ рѣчей, возможешь ты понять,
Что долгъ велитъ тебѣ давно сего желать.
Залогъ, что на главѣ твоей теперь блистаетъ
Что ты мнѣ суждена, всечастно вспоминаетъ.
Пойдемъ — и клятвой то взаимной ушвердимъ.
Мнѣ слава кажетъ путь отсель къ мѣстамъ инымъ.
Не должно мѣдлить здѣсь. — Но бракъ сверша съ тобою
Монима завтра мы простимся съ сей страною.

МОНИМА.

Въ твоихъ рукахъ мое блаженство и напасть,
Родители мои тебѣ ту дали власть:
Желаніямъ своимъ ты можешь всѣмъ предаться. —
А я. — Что мнѣ сказать? — Должна повиноваться.

МИТРИДАТЪ.

Итакъ рѣшилась ты, то иго воспріять,
Готова жертвою передъ олтарь предстать? —
А я мучителемъ ставъ сердца сокрушенна,
Узрю себя ничемъ любви неодолженна? ..
Могуль я чувствіемъ такимъ доволенъ быть?
Могуль желаніе любви твоей забыть?
Покорство чтобъ одно, всю нѣжность замѣняло,
Иль бѣдствіе мое, того достойно стало?
Ахъ! Естьли хоть судьба всю злобу устремитъ,
Хоть къ новымъ подвигамъ мнѣ будетъ путь сокрытъ,
Хоть побѣжденъ, гонимъ Римлянами повсюду
Хоть странствовать въ моряхъ кахъ изгнанный я буду,
Хоть зримъ разбойникомъ, безъ царства, безъ друзей;
Но имя замѣнитъ весь славы блескъ моей.
Познай, что Митридатъ въ судьбѣ толико гнѣвной
Вниманье обратитъ и взоры всей вселенной;
Что въ свѣтѣ нѣтъ царя достойна онымъ быть
Кой скитръ держа въ рукѣ возмогъ бы позабыть,

Что власть его съ моимъ нещастьемъ не-
сравнится
И Римъ чрезъ сорокъ лѣтъ едва имъ могъ
гордится.
Достоинъ будуль я тогда любви твоей,
Воскреснутъ Греки коль еще въ душѣ моей?
Коль рокъ супругой быть моей повелѣ-
ваетъ,
Какая честь тебя, и слава ожидаетъ?
Ты можешъ всѣ бѣды съ моими съединять,
Въ величіи души судьбину презирать.
Разсѣемъ грусть мою, пріемля въ ней участье
И недовѣрчивость, раждаетъ что нещастье.
Но что? — Илъ на сіе и словъ нѣтъ отвѣ-
чать?
Стремишся ты себя лишъ болѣе смущать.
Молчишъ. — Сей разговоръ отъ мыслей уда-
ляешъ
И слезы изъ очей текущія скрываешъ.

МОНИМА.

Я плачу — Ахъ! Почто напрасно въ томъ
винить?
Покорствую. — Отвѣтъ мой ясенъ долженъ быть,
И недовольноль?....

МИТРИДАТЪ.

Нѣтъ, другое примѣчаю. —

И лучше чемъ слова, я мысли понимаю.
Зрю, кто о томъ мнѣ рекъ, тотъ истинну сказалъ,
Тобоюжъ утвержденъ я въ ревности сей сталъ.
И вѣроломный сынъ, плѣнясь твоей красою,
Открывъ свою любовъ, внимаемъ сталъ тобою....
Я вижу что тебѣ симъ новый страхъ нанесъ.
Не насладится онъ твоихъ ручьями слезъ.
Нѣтъ, нѣтъ мой гнѣвъ къ нему во вѣки несмягчится,
Въ послѣдніе ты зрѣть должна его рѣшиться!

Да станетъ здѣсь Ксифаръ!

МОНИМА.

Ахъ! что ты заключилъ?
Ксифаръ!...

МИТРИДАТЪ.

Ксифаръ! — Отцу еще не измѣнилъ.
Напрасно тѣмъ свое ты сердце устрашаешь.
Ты всей любьви моей къ нему поднесь не знаешь.
Виновность въ томъ твоя, и стыдъ мой меньшебъ сталъ,
Когдабъ достойной сынъ любовь твою позналъ.

Но Ахъ! Измѣнникъ злой твой пламень привлекаетъ;
Которой храбрость всю свою въ томъ полагаетъ
Чтобъ мнѣ противиться, законъ мой презирать,
Кой доблести не чтитъ, не хочетъ ей внимать;
И словомъ чтобъ Фарнасъ тобою могъ гордиться,
А я черезъ него возмогъ тебя лишиться?

ЯВЛЕНІЕ V.

МИТРИДАТЪ, МОНИМА, КСИФАРЪ,

МИТРИДАТЪ.

Вступи мой сынъ! Вступи! — Измѣну я открылъ.
Сынъ дерзской честь моей царицы оскорбилъ,
Противъ меня возсталъ, разитъ и умерщвляетъ! —
Онъ любитъ и любимъ, и дерзко похищаетъ

То сердце, что ко мнѣ должно симъ тлѣть
огнемъ!
Щастливъ однакожъ я въ нещастіи моемъ,
Что не иной, — Фарнасъ терзаетъ Мит-
ридата!
Измѣна матери, проступокъ страшный
брата
Примѣра не явятъ тебѣ постыдныхъ дѣлъ.
Такъ, такъ всегда твою, къ себѣ я вѣр-
ность зрѣлъ.
Великій подвигъ мой, что сердце предпріяло,
Сопутникомъ своимъ давно тебя избрало,
Наслѣдникомъ вѣнца и имя моего;
Но знай, любовь, Фарнасъ и дерзость вся его
Не все, что нынѣ мысль мою обременяетъ,
Далекій путь меня съ тѣмъ вмѣстѣ зани-
маетъ.
Готовность кораблей я долженъ испытать,
И войска моего мысль тайную познать. —
За тѣмъ на пристань, въ станъ теперь я
поспѣшаю,
Спокойство же мое, тебѣ препоручаю. —
Блюди его, сихъ мѣстъ на шагъ не отсту-
пай,
И противъ дерзости царицу защищай,
Чтобы преступной сынъ!... И ежели воз-
можно
Склони въ любовь къ царю, кой преданъ ей
не ложно.

Прерви преступную любовь ея, что зришь.—
Ты безпристрастенъ къ ней, такъ лучше
убѣдишь.
Довольно слабости мои она открыла,
Бреги, чтобъ нѣжность всю во мнѣ не ис-
ребила,
Чтобы отмщеньемъ я жестокимъ не кипѣлъ,
Чтобъ въ сердцѣ позднаго раскаянья не
зрѣлъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

МОНИМА, КСИФАРЪ.

КСИФАРЪ.

Что мнѣ сказать тебѣ? — Что значатъ
сіи взоры?
Ужасной сей приказъ, упреки, разговоры!
О Боги! Неужли сей спрастью пламенѣвъ
Любимъ тобой Фарнасъ, и навлекаетъ
гнѣвъ?
Ахъ! Правдуль я въ словахъ родителя
встрѣчаю?

МОНИМА.

Фарнасъ! — О небо! что я отъ тебя вни-
маю?
Не ужель мало то, чтобъ день ужасной сей

Сталъ гробомъ для любви и радости моей,
Чтобъ ставъ невольницей обязанности страшной,
Подверглась я тоскѣ на вѣки преужасной?
Ахъ! Должно ли еще обиду съединять,
И въ горькихъ сихъ слезахъ Фарнаса обвинять?
Любовью чтутъ вражду, что я къ нему пишаю!
Я заблужденіе сіе царю прощаю. —
Онъ тайны моея познать еще не могъ;
Но ты ко мнѣ за что, за что толико строгъ?

КСИФАРЪ.

Прости сомнѣнію, любовь его раждаетъ!
Меня обязанность жестокая стѣсняетъ,
Всего лишаюсь я, и недерзаю мстить!
Но что, о гнѣвѣ семъ я долженъ заключить?
Къ другому видя страсть отецъ мой оскорбился
Кто есть щастливецъ сей, тобою что плѣнился?
Скажи!...

МОНИМА.

Ты ищешъ князь себя лишъ тѣмъ терзать.
Жалѣй о бѣдствіяхъ не тщась ихъ умножать.

КСИФАРЪ.

Я знаю все, что мнѣ судьба приготовляетъ.

То мало что отецъ съ тобою въ бракъ
вступаетъ,
Я зрю соперника виною слезъ твоихъ! —
Конечно есть то край всѣхъ горестей мо-
ихъ;
Но точно, ихъ въ тоскѣ моей усугубляю! —
Ахъ! Сжалься, и открой мнѣ то, что такъ
желаю;
Кого мнѣ въ сей любви твоей подозрѣвать?

МОНИМА.

Не ужель трудно такъ сіе тебѣ познать?
Какъ власть неправая меня здѣсь утѣсняла,
Къ кому въ бѣдѣ моей тогда я прибѣгала?
На брата жалобы, къ кому тогда несла,
И чью любовь къ себѣ безъ гнѣва зрѣть
могла?

КСИФАРЪ.

Такъ я преступникъ сей! О небо! Что вни-
маю?
Я пламень твой къ себѣ любови привлекаю?
Ксифаръ сихъ нѣжныхъ слезъ возмогъ до-
стоинъ стать?

МОНИМА.

Такъ князь, нѣтъ болѣе ужъ время размы-
шлять.
Вотще любовь моя сокрытъ себя желаетъ,

Хотя обязанность молчать повелѣваетъ,
Хоть строгой сей законъ быть долженъ
святъ для насъ,
Въ первой тебѣ скажу, и то въ послѣдній
разъ:
Что любишъ ты меня, о томъ давно я знаю,
И страстью тою же сама къ тебѣ пылаю!
Воспомни ты, какъ взоръ печальныхъ сихъ
очей,
Въ первыя жаръ любви возжегъ въ груди
твоей,
Надежду вспомни ту, на время что поль-
стила,
И какъ тебя любовь родителя сразила! —
Мученіе меня на вѣки потерять,
Долгъ строгой, коему не могъ ты не вни-
мать;
Когда вообразишъ ты все свое страданье,
Въ немъ горести моей откроешъ начер-
танье!
Сегодня какъ я твой внимала разговоръ,
Вѣщало сердце тожъ; но скрыть стремил-
ся взоръ
Ту склонность кою я въ душѣ моей таила!
Ахъ! Тщетно насъ судьба сердцами съеди-
нила!
За что злой рокъ, за что хотѣлъ такъ по-
разить
Чтобъ страстныя сердца на вѣки разлучить!

Любовь моя къ тебѣ, сколь сильно ни пы-
лаетъ,
Въ послѣдній разъ о ней Монима повто-
ряетъ.
Я славой къ олтарю въ мученіяхъ влекусь,
Гдѣ вѣчно въ томъ хранить молчанье пок-
лянусь...
Ахъ! Слышу ты вздохнулъ! — Но Боги такъ
судили,
Навѣкъ отцу меня, навѣкъ опредѣлили!
Ты самъ меня, ты самъ въ томъ долженъ
подкрѣплять,
И помогать себя изъ сердца изгонять.
Къ спокойству моему могуль я тѣмъ ла-
скаться,
Что ты всегда меня потщишся удаляться?
Во всемъ открылась я!... Хочу послушность
зрѣть.
Мнѣ много есть причинъ сіе тебѣ велѣть!..
Коль сердце князь твое любовь ко мнѣ пи-
таетъ,
Когда Монима въ немъ неложно обитаетъ;
Не можешъ больше ты ничемъ то дока-
зать,
Какъ тѣмъ, что бы меня повсюду убѣгать!

КСИФАРЪ.

Коль строгую любовь внимаю я о Боги!
Зрю щастье все мое и всѣ напасти строги.

Судьба! Съ какихъ блаженствъ, и славы съ высоты,
Въ какую бездну мукъ меня повергла ты!
Ахъ! Что Монима мнѣ слова твои открыли?
Какимъ смущеніемъ всѣ чувства поразили?
Я могъ любви привлечь сей нѣжный пламень твой?
Мнѣль видѣть, что не я владѣть буду тобой?
Могули я забыть Монимы взоръ прекрасной?
Неправедной отецъ жестокой, но нещастной!...
Какъ волю мнѣ его возможно совершить?
Ты знаешъ онъ велѣлъ....

МОНИМА.

Послушну должно быть.
Во всемъ любви моей, во всемъ повиноваться.
Сколь тяжко для тебя я знаю притворяться.
Стремися князь, стремись себѣ въ томъ измѣнять,
Потщися хитрость ты и все употреблять
Что пламенна любовь въ сердца другихъ вселяетъ....
Ахъ! Зрю что тѣмъ себя напрасно духъ прельщаетъ!
Увы! Нестанетъ силъ жестокихъ мукъ сносить,
И добродѣтель страсть не можетъ побѣдить!

Воспоминаньемъ симъ я буду вѣкъ терзаться,
Душа моя въ тоскѣ все будетъ устремляться
Къ тому, съ кѣмъ рокъ меня на вѣки разлучилъ;
Но если подлинно мой взоръ тебя плѣнилъ
Коль хочешь зрѣть себя любви моей достойна,
Не воспрещай, чтобъ честь была моя спокойна —
Ты не принудь ее мысль тайну наказать,
И руку удержи, не тщилась чтобъ искать
Внутрь сердца моего, твой образъ впечатленной,
Избавь проступокъ мой зрѣть кровью омовенной!..
Ахъ! Что послѣднія минуты здѣсь губя,
Забавой слезною прельщаю я себя?
Чемъ больше говорю, тѣмъ больше я страдаю,
Бѣгу опасностей, но ихъ же продолжаю.
Должна, увы! Должна всѣ силы я собрать,
И твердости моей въ прощанье не терять!
Иду отсель! Прости! На вѣки удаляйся
И тѣмъ достоинъ быть сихъ слезъ моихъ старайся!

КСИФАРЪ.

Царица! — Скрылась! Ахъ! Какой душѣ ударъ!

Что долженъ ты начать, нещастнѣйшій
Ксифаръ?
Ты любишъ и любимъ! Любовь, судьба
нещастна!
Увы! Обязанность ея съ моей согласна!...
Чтожъ медлишъ? Поспѣши несносну
жизнь прервать;
Но участь долженъ ли, Монимы ты узнать?
Ахъ! Зрю, что рокъ меня на вѣкъ ее ли-
шаетъ!
Умру! — И пусть отецъ мой ею обладаетъ!

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ

ЯВЛЕНІЕ I.

МИТРИДАТЪ, ФАРНАСЪ, КСИФАРЪ.

МИТРИДАТЪ.

Приближтеся ко мнѣ, ужъ часъ тотъ наступилъ,
Чтобъ тайну всю я вамъ сыны мои открылъ:
Въ великихъ мысляхъ зрѣть, обыкъ я васъ согласныхъ,
Осталось вамъ мои въ словахъ представить ясныхъ.
Я бѣгствомъ спасъ себя!... Угодно такъ судьбамъ;
Но повѣсть дѣлъ монхъ давно извѣстна вамъ.—
Явить себя мой духъ, никакъ не укоснѣетъ.
Война свои бѣды и щастіе имѣетъ.

Не разъ премѣнамъ былъ подверженъ я такимъ,
Не разъ побѣгомъ врагъ обмануть былъ моимъ.
Межъ тѣмъ, какъ пищетной онъ побѣдой утѣшался,
Тѣнь областей моихъ въ оковахъ зря прельщался,
Успѣхи мнимые на воздухѣ чертилъ. —
Босфоръ узрѣлъ меня. — И я средь новыхъ силъ
Страшнѣе прежняго врагамъ моимъ явился,
Чемъ весь Азійскій край отъ Римлянъ свободился. —
Ихъ медленной успѣхъ сталъ скоро низложенъ...
Но времена не тѣ, востокъ обремененъ,
Лишился прежнихъ силъ, не зритъ своей защиты,
Поля его вездѣ Римлянами покрыты,
Обогатившимись сокровищемъ чужимъ,
Богатство нашихъ странъ раждаетъ жадность имъ. —
О златѣ нашемъ слухъ толико ихъ прельщаетъ,
Что въ зависти на насъ отвсюду устремляетъ.
Бѣгутъ страны своей, чтобъ нашу наводнить. —

Я имъ противился; но долженъ вамъ открыть,
Что всѣ мои друзья подъ бремянемъ стѣнаютъ,
И дружбѣ въ томъ моей всечастно упрекаютъ. —
Стремятся иго снять: — Но имъ удручены. —
Помпея лавры здѣсь, въ побѣдахъ взращены.
Онъ ужасъ Азіи! — Искать его не стану;
Но съ силой войскъ моихъ на Римъ внезапно гряну!...
Я зрю, такое васъ намѣренье дивитъ,
Вы мните, что его отчаянье родитъ;
Я вамъ прощаю то; но было чтобъ неложно
Доказано сіе, свершить его мнѣ должно.
Не думайте чтобъ Римъ, сколь онъ ни удаленъ,
Преградой вѣчной былъ отъ странъ сихъ отдѣленъ.
Я знаю всѣ мѣста, я знаю всѣ дороги;
Коль жить судили мнѣ еще на свѣтѣ Боги,
И коль не медленно дать дѣйство симъ словамъ,
Въ три мѣсяца узримъ Капитолійскій храмъ.
Двудневный только путь Евксинъ намъ представляетъ
До мѣста, гдѣ Дунай теченіе кончаетъ. —

Союзъ, что дружество намъ съ Скиѳами крѣпитъ,
Чрезъ степи безъ препонъ къ Европѣ путь явитъ.
Собравшись въ ихъ предѣлъ, ихъ войскомъ укрѣпяся,
Узримъ нашъ станъ растущъ, и силою гордяся
Увидимъ преданныхъ Панонянъ и Германъ,
И Даковъ, всѣхъ, законъ гдѣ вольности попранъ. —
Уже Гишпанія, ужъ Галлы вмѣстѣ съ нею,
Готовы отомщать всей силою своею
Послушнымъ прежде имъ. — И Греки то же мнятъ,
Давно они мою въ томъ медленность винятъ.
Кипящая рѣка, готовая разлиться,
Коль совлечетъ меня, весь свѣтъ ей поглотится;
А чтобы упредить толико случай злой,
Въ Италію пойдутъ охотно всѣ за мной.
Когдажъ придете вы страны сея къ гражданамъ,
Вы большу ненависть узрите въ нихъ къ Римлянамъ.
Еще сей пламень тамъ, еще не погашенъ,
Остаткомъ вольности которой былъ возженъ.

Повѣрьте не въ концахъ вселенной удаленных,
Римъ больше зритъ людей оковами спѣсненныхъ, —
Вблизи себя, вблизи являетъ вящшій страхъ.
О Римъ! Враги твои, суть при твоихъ [illegible] стахъ.
Коль избавителемъ граждане тамъ избрали
Спартака, — подлому бойцу, послушны стали.
Шли въ слѣдъ разбойникамъ, чтобы за вольность мстить,
Подумайте, сколь я могу ихъ вспламенить?
Подъ знаменемъ царя, державъ судьбу кой міра,
Кой славою блисталъ, кой родъ ведетъ отъ Кира!...
Но что я говорю? — Какъ мните ихъ застать?
Гдѣ Легіоны тѣ, чтобъ стѣны защищать?
Межъ тѣмъ, какъ здѣсь они противу насъ стремятся,
Ихъ жены, дѣти ихъ, возмогутъ ли сражаться?
Пойдемъ, и обратимъ мы въ сердце ихъ тотъ страхъ,
Что въ дальнихъ дерзостно несутъ они странахъ!

Да наши тамъ мечи, среди ихъ стѣнъ воз-
блещутъ,
Да о своихъ они жилищахъ вострепе-
щутъ!
То рекъ ужъ Аннибалъ, бывъ правдой убѣж-
денъ;
Чаю только въ Римѣ, Римъ быть можетъ
побѣжденъ. —
Прольемъ продерзску кровь, вину моей пе-
чали,
И Капитолію созжемъ, меня гдѣ ждали! —
Трофеи сокрушимъ взнесенны ихъ рукой,
Что кажутъ стыдъ царей; а можетъ быть
и мой!
Да въ пламѣ имена свирѣпомъ истребятся,
Что къ вѣчному другихъ презрѣнію хра-
нятся!
Вотъ гордость, коей духъ и разумъ упоенъ;
Межъ тѣмъ не мните вы, чтобъ мѣстъ
сихъ удаленъ
Средь Азіи Римлянъ, чрезъ то я успокоилъ,
Защиту для нее, давно ужъ я устроилъ
Хочу, чтобъ шумъ войны Помпея окружалъ,
И тщетнобъ Римъ его къ себѣ на помощъ
звалъ.
Парѳянскій царь тужъ злость противъ Рим-
лянъ питаетъ,
Онъ также какъ и я отмщеніемъ пылаетъ,
Со мной свой родъ и гнѣвъ соединяя сей,
Супруга отъ меня ждетъ дщери онъ своей...

Тебѣ принадлежитъ та честь, ему быть другомъ
Фарнасъ ступай, и будь щастливымъ симъ супругомъ
Не отлагая вдаль, я мню денницы взоръ,
Мнѣ завтра отъ очей сокроетъ ужъ Босфоръ,
А ты свободенъ бывъ, въ свой путь теперь пустися,
И заслужить сіе избраніе стремися. —
Спѣши окончить бракъ, и перейдя Ефратъ
Явися въ нѣхъ странахъ, какъ новый Митридатъ
Да ужасъ всѣ сердца, враговъ моихъ подвигнетъ
И скоро слухъ о томъ, ко мнѣ и въ Римъ достигнетъ!

ФАРНАСЪ.

Прости, что не могу я удивленья скрыть,
Съ восторгомъ я внималъ, и долженъ всякой чтить
Намѣренье твое, оно тебя являетъ,
Оно упадшимъ духъ геройства возвращаетъ.
Познай, что мысль сія, не столь меня дивитъ
Сколь сердце кое такъ нещастіе крѣпитъ;

Но если предъ тобой не должно мнѣ таиться,
Скажу, что крайности такой еще не зрится.
Почто толь дальній путь безъ пользы предпринять?
Коль можно безъ него убѣжище сыскать?
Почто опасностямъ вдаваться несказаннымъ?
Приличнѣй болѣе нещастливымъ изгнаннымъ,
Какъ нежели царю, кой толь былъ знаменитъ;
На вѣтокѣ, западѣ которой помощь зритъ;
На тридесяти царствъ кой тронъ свой утверждаетъ,
Что силу страшную въ развалинахъ являетъ!
Одинъ ты государь, четыредесять лѣтъ,
Боролся съ щастіемъ и удивлялъ тѣмъ свѣтъ —
Непримиримый врагъ и Римлянъ, и покоя,
Но каждаль воина ты числишъ за героя? —
Не думай государь, не думай такъ о всѣхъ,
Ослабилъ духъ у нихъ далекій ихъ побѣгъ.
Не разъ въ отечествѣ своемъ бывъ побѣжденны, —
Упали ихъ сердца, ихъ силы изнуренны;
Съ восторгомъ ли они въ далекій край пойдутъ,

Искать опасностей, которы ихъ тамъ
ждутъ?
Въ родствѣ съ тобою быть Парѳянскій царь
желаетъ,
Защиту онъ тебѣ и силу предлагаетъ!...
То было, какъ весь свѣтъ твое величье
чтилъ;
Не мни, чтобъ тѣмъ себя онъ днесь обре-
менилъ.
Отринутъ щастіемъ, я какъ идти дерзаю,
Испытывать Парѳянъ, невѣрность коихъ
знаю?
Какой любовью тамъ, себѣ я смѣю льстить?
Я имя тѣмъ твое, стыдомъ могу покрыть —
Но если ужъ должны мы гордость оставляя,
Лице просителей собою представляя,
Искать тѣхъ помощи, что преклонялись
намъ,
Парѳянска упадать почто царя къ стопамъ?
Не лучшель то принять, что само къ намъ
стремится? —
И Римъ давно готовъ во гнѣвѣ укротиться!

КСИФАРЪ.

О небо! Римъ? — Ахъ! Что ты братъ мой
предпріялъ?
Иль хочешъ чтобы царь толико низокъ сталъ,
Чтобъ славы всей своей единымъ днемъ ли-
шился,
Предался Римлянамъ, законамъ покорился

Отъ коихъ сорокъ лѣтъ онъ защищалъ царей!..
Послѣдуй государь ты славѣ въ томъ своей.
Одна война тебѣ убѣжище являетъ.
Римъ большаго врага себѣ въ тебѣ встрѣчаетъ,
Какъ нежели ему являлся Аннибалъ!
Иди, и чтобы Римъ отнюдъ не ожидалъ
Другова миру, какъ въ крови его дымяся
Далъ войскамъ ты его, побѣдою гордяся —
Такова въ Азіи какой тобой былъ данъ,
Сразя въ единый день сто тысячей Римлянъ.
Но между тѣмъ бреги главы своей священной.
Приличноль странствовать тебѣ по всей вселенной,
Нещастіе свое народомъ всѣмъ являть,
Тѣмъ имя своего сіянье помрачать?
Правдива месть твоя, ты гнѣвъ свой воспаляя,
Рушь Капитолію, Римъ въ пепелъ обращая,
Но самъ останься здѣсь, и отложа путь свой,
Вели нести сей огнь юнѣйшею рукой.
Межъ тѣмъ какъ въ Азіи мой будетъ братъ сражаться,
Позволь родитель мой, мнѣ славѣ сей предаться.
Повелѣвай ты намъ, да съ именемъ твоимъ
Тебя достойными предъ свѣтомъ мы явимъ.

На западъ, на востокъ десницу простирая,
Наполни свѣтъ собой Босфоръ не оставляя.
Чтобъ Римъ со всѣхъ сторонъ узря себя
въ бѣдѣ,
Не вѣдалъ гдѣ ты есть, и находилъ вездѣ.
Позволь теперь сей путь, мнѣ слава то вну-
шаетъ.
Тебя все держитъ здѣсь, меня все удаляетъ
Хотябъ не стало силъ, мнѣ къ подвигу сему;
Но то отчаянью прилично моему.
Я щастливъ, что конецъ всѣхъ бѣдствій
приближаю,
И матери вину въ крови омыть желаю.
Зри слезы государь и стыдъ мой зри у
ногъ,
Что заслужить еще любьви твоей не могъ.
Позволь мнѣ жертвовать собой въ судьбѣ
толь слезной;
Но смерти я ищу, мой царь! — Тебѣ по-
лезной.
Да Римъ предметъ всѣхъ золъ и мщенья
моего,
Достойный будетъ гробъ для сына твоего.

МИТРИДАТЪ.

Вставъ.

Мой сынъ, о матери, почто напоминаешъ?
Горячность всю мою къ тебѣ уже ты
знаешъ.

Не можешь ни въ какихъ опасностяхъ ты
быть,
Чтобъ я незахотѣлъ съ тобой ихъ раздѣлить.
Ты мнѣ послѣдуешь, не будемъ разлучаться.
А ты Фарнасъ, спѣши сей часъ повиноваться.
Готовы корабли, я все распорядилъ,
Сопутниковъ тебѣ и стражу учредилъ. —
Арбатъ препровождать, тебя на бракъ сей
будетъ,
Онъ извѣщать меня о всемъ не позабудетъ.
Ступай поддерживай ты родъ во славѣ
свой. —
И въ сихъ обьятіяхъ; простися князь со
мной.

ФАРНАСЪ.

Ахъ! Государь!

МИТРИДАТЪ.

Внемли! — Я власть свою являю!..
Покорствуй!... Повторять излишнимъ по-
читаю.

ФАРНАСЪ.

Коль жизнь мою тебѣ я долженъ посвя-
тить,
Готовъ съ усердіемъ всю кровь мою про-
лить.
Позволь въ очахъ твоихъ сей славой увѣн-
чаться.

МИТРИДАТЪ.

Я повелѣлъ тебѣ не медля отправляться. —
Но ежели еще?,.. Ты можешъ князь понять.
Погибнешъ, коль дерзнешъ хоть мало
отвѣчать.

ФАРНАСЪ.

На тысячи смертей пріятнѣй я взираю,
Какъ нежель ту искать, которую не знаю!
Я весь въ твоихъ рукахъ!..

МИТРИДАТЪ.

Ахъ! — Вотъ чего я ждалъ.
Не можешъ ѣхать ты? — Теперь я все
позналъ.
Зрю ясно для чего союзъ сей отвергаешъ,
Почто несноснымъ толь отъѣздъ свой по-
читаешъ.
Виной Монима въ томъ, ея плѣнясь красой
Стремишся дерзостно, ты бракъ разру-
шить мой.
Ни пламень въ сердцѣ мой давно къ ней во-
спаленный,
Ни на главу ея вѣнецъ мой возложенный,
Ни то убѣжище, велѣлъ ее гдѣ скрыть,
Ниже мой гнѣвъ тебя не могъ остановить.
Измѣнникъ! Дружбу я, твою къ Римлянамъ
знаю,
Всѣ низкія дѣла; но ихъ пренебрегаю. —

Не доставало въ томъ любви еще твоей,
Чтобъ ужасомъ ты сталъ моихъ оставшихъ дней!
Далекъ раскаянья, и взоръ мнѣ твой являетъ,
Что злоба, не оно теперь тебя смущаетъ,
Что опоздалъ моей руки ты избѣжать,
Что Римлянъ нѣтъ еще, чтобъ имъ меня предать!
О Боги мщеніе свершить мнѣ допустите!
Вступите воины!... Я рекъ...

ЯВЛЕНІЕ II.

МИТРИДАТЪ, ФАРНАСЪ, КСИФАРЪ, СТРАЖА.

МИТРИДАТЪ.

Сей часъ возмите!...
Да! — Сына моего: — Фарнаса, и въ цѣпяхъ—
Въ темничныхъ съ строгостью блюдите вы стѣнахъ!

ФАРНАСЪ.

Невинности своей Фарнасъ не вспоминаетъ.

Такъ, праведно ко мнѣ твой лютый гнѣвъ пылаетъ,
Не ложно о любви тебѣ сказали сей;
Но видишъ только тѣнь ты горести своей. —
И сей любезный сынъ, что толь послушенъ зрится,
Знать время не имѣлъ о томъ тебѣ открыться,
Что любитъ и любимъ царицею онъ самъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

МИТРИДАТЪ, КСИФАРЪ.

КСИФАРЪ.

Возможноль государь внимать такимъ словамъ?

МИТРИДАТЪ.

Мой сынъ! — Рѣшиться онъ готовъ на все я знаю.
О небо! Я ли въ чемъ тебя подозрѣваю,
Чтобъ ты коваренъ былъ толь въ чувствіяхъ своихъ,
Чтобъ сынъ, все щастіе и благо дней моихъ,

Пронзалъ то сердце, что отецъ ему вручаетъ?
Не вѣрю я тому. — Поди. — Мой духъ желаетъ
О мщеніи моемъ въ покоѣ размышлять.

ЯВЛЕНІЕ IV.

МИТРИДАТЪ.

Не вѣрю я тому!... Не тщетноли прельщать
Стремишся Митридатъ ты сей себя мечтою?..
Ксифаръ соперникъ швой!... Сей сынъ любимый мною
Съ царицей согласясь возмогъ мнѣ измѣнить!...
Куда теперь, куда мнѣ взоръ свой обратить?
Во всѣхъ сердцахъ ко мнѣ, зрю, вѣрность изчезаетъ
Извнѣ отъ всѣхъ забытъ; а здѣсь все измѣняетъ!
Фарнасъ! Любовница! Друзья!... И ты мой сынъ,
Что утѣшалъ меня въ нещастіяхъ одинъ!..

Но что? — Или еще Фарнаса я не знаю?
Какую слабость зрю?... Преступнику вни-
маю,
Чей къ брату завсегда я гнѣвъ и зависть
зрѣлъ,
Которой клеветой смутить меня умѣлъ,
Къ отрадѣ кой своей, виновныхъ умножа-
етъ?...
Отринемъ то. — Спѣшить разсудокъ зап-
рещаетъ.
Посмотримъ, разберемъ. — Но Ахъ! Съ че-
го начать?
Кто мнѣ покажетъ путь? Кто можетъ
свѣтъ подать?...
Царицу призову.... Мнѣ небо то открыло! —
И хитрость новую въ мой разумъ поселило...
Польщу намѣренью.... Что лучше можетъ
быть?
Нѣтъ легче ничего, я тѣмъ могу открыть
Всю тайну, въ сердцѣ что теперь ея та-
ится;
На чью изъ двухъ она скорѣй любовь рѣ-
шится?...
Хоть низко мнѣ сіе; но чтобы наказать
Обманемъ тѣхъ, что мнѣ дерзаютъ измѣ-
нять.
Всѣ средства праведны. — Но се, она всту-
паетъ,
Сокроемъ гнѣвъ, пускай надежда обольща-
етъ,

Мы правду хитростью изъ сердца извлечемъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

МИТРИДАТЪ, МОНИМА.

МИТРИДАТЪ.

Я долженъ справедливъ быть наконецъ во всемъ.
Какоюбъ жертвою красѣ твоей то было
Чтобъ щастье съ вѣрностью моей тебѣ вручило,
Всю старость и печаль что я влеку съ собой?
Доселѣ блескъ побѣдъ и жребій славный мой
Вѣнцами многими сѣдины покрывали;
Но время то прошло, я погруженъ въ печали!
Изчезли почести; а годы возрасли,
Нещастья всѣ мое величье увлекли
Оставя на челѣ, знакъ лѣтъ и оскорбленья!
Къ томужъ различна мысль наводитъ мнѣ смущенья.
Ты слышишъ войска крикъ, готоваго отплыть,

И скоро на корабль я долженъ самъ вступить
Пріятенъ ли мнѣ бракъ, когда я убѣгаю?
Какъ жребій твой съ моимъ соединить дерзаю,
Когда одна война и только смерть мнѣ льститъ?
Однакожъ долженъ быть Фарнасъ тобой забытъ.
Я справедливъ къ себѣ, и ты будь справедлива.
Могуль я зрѣть его въ любьви твоей щасплива?
Того кто навсегда изъ сердца изгнанъ мной,
Кто славу у меня отъемля и покой
Тебя союзницей Римлянамъ зрѣть желаетъ?
Монима, здѣсь тебя престолъ мой ожидаетъ
Сего дня жъ на него ты будешъ взведена;
Но мною ты на бракъ другому суждена. —
И сей любезный сынъ, что былъ всегда мнѣ другомъ,
Хочу, чтобы Ксифаръ Монимѣ ставъ супругомъ,
Фарнасу отомстилъ за скорьбь мою и стонъ.

МОНИМА.

Что ты сказалъ? Ксифаръ!...

МИТРИДАТЪ.

Ксифаръ. — Такъ точно, онъ. —
Но отъ чего тебя то имя такъ смущаетъ?

*

Избранье что сіе въ тебѣ опровергаетъ?—
Иль заблужденія не можешь ты сокрыть?
Такъ, онъ; а не другой, супругъ твой должен быть.
Сынъ побѣдительной, достойной славы взора,
Врагъ Римлянамъ; а мнѣ наслѣдникъ и подпора;
Блескъ имени, вѣнца онъ можетъ поддержать.
Хоть ты могла себя другому обѣщать;
Но что ярекъ тебѣ, то должно совершиться

МОНИМА.

Ахъ! — Что внимаю я?.. Какъ можешъ ты рѣшиться?...
Что хочешъ государь? — Что хочешъ ты открыть?...
Престань меня, престань мученіемъ тѣснить!
Что я принадлежу тебѣ на вѣкъ, то знаю,
И славой для себя союзъ сей почитаю. —
Ужъ жертва брачная зоветъ насъ къ олтарю. —
Пойдемъ. —

МИТРИДАТЪ.

Такъ тщетно я съ тобою говорю?
Фарнасъ не можетъ быть никакъ забытъ тобою?

Въ любьви своей къ нему пренебрегая мною,
Ты сына моего дерзаешъ презирать!

МОНИМА.

Я презирать могу!...

МИТРИДАТЪ.

Не буду словъ терять.
Забвенію предать, твой пламянь сей потщуся!
И какъ съ Ксифаромъ я отъ мѣстъ сихъ удалюся,
Искать побѣдъ, или достойнаго конца,
Ты здѣсь отечество забывъ и кровь отца
Фарнаса и Римлянъ спѣши свершить желанья!
Пойдемъ. — Я лучшаго не знаю наказанья,
Какъ въ руки рабственны Римлянъ тебя предать.
Почто мнѣ вами толь себя обременять?
На вѣкъ, на вѣкъ объ васъ и память погубляю.
Пойдемъ, я съединить теперь же васъ желаю.

МОНИМА.

Ахъ! Лучше множествомъ смертей меня губя!...

МИТРИДАТЪ.

Все тщетно! — Знаю я, ты хочешъ скрыть себя.

МОНИМА.

Какія крайности со всѣхъ сторонъ мнѣ зрятся!...
Не смѣю государь, не смѣю сомнѣваться
Чтобъ ты притворствовалъ? — Не думаю сего.
Познай, что былъ предметъ ты долгу моего.
Клянуся небомъ въ томъ, я року покорялась;
Коль слабость истребить какую устремлялась,
Коль духъ волненіемъ какимъ смущаемъ былъ,
Коль сердцу моему потребно было силъ,
Увѣрься. — Не Фарнасъ страданья былъ виною;
Но сей твой славный, сынъ, любимый такъ тобою,
Сей образъ твой во всемъ, надежда нашихъ странъ,
Сей юный Митридатъ, сей гордый врагъ Римлянъ,
Ксифаръ, котораго отецъ толь почитаетъ!

МИТРИДАТЪ.

Такъ любишъ ты его?...

МОНИМА.

Коль рокъ повелѣваетъ

Твоею мнѣ не быть, щастлива буду имъ. —
Еще ты не почтилъ меня залогомъ симъ,
Какъ мы..... Но государь! — Ты взоръ перемѣняешъ.

МИТРИДАТЪ.

Монима, нѣтъ, во мнѣ ты радость примѣчаешъ...
Мнѣ время дорого — Поди, онъ самъ придетъ. —
Покорство Митридатъ твое въ томъ познаетъ. —
Доволенъ.

МОНИМА. *Отходя.*

Небо! — Яль себѣ въ чемъ измѣняю?

ЯВЛЕНІЕ VI.

МИТРИДАТЪ.

Я вижу ихъ любовь! — Всю дерзость открываю!..
Неблагодарный сынъ! — Заплатишъ ты за всѣхъ.
Погибнешъ! — Знаю я всѣхъ дѣлъ твоихъ успѣхъ,
Всѣ ложны доблести, что войско ослѣпляютъ. —

Но вѣрные тебя удары ожидаютъ,
А чтобъ удобнѣе отмщенье совершить,
Всѣхъ преданныхъ тебѣ поищуся удалить...
Пойдемъ! — Но скрывъ печаль и люпое
смущенье,
Предпримемъ въ тишинѣ еще мы размышленье.

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНІЕ I.

МОНИМА, ФЕДИМА.

МОНИМА.

Для имени Боговъ, поищись мнѣ помощь дать!
Что дѣлается тамъ? — Взгляни, приди сказать...
Не знаю, что за грусть мнѣ сердце раздираетъ,
Сомнѣнье страшное разсудокъ возмущаетъ.
Что медлитъ такъ Ксифаръ, что медлитъ то свершить,
Что самъ отецъ его желаетъ утвердить?
Онъ самъ велѣлъ мнѣ ждать того, что сердце ждало.
Иль притворялся онъ, иль скрыть все надлежало?
Притворствовалъ... а я, открылася во всемъ!

О Боги! — И за что въ нещастіи моемъ
Забыли вы меня? — Ахъ! — Месть я возродила...
Нескромная любовь обѣихъ погубила.
Къ какимъ усиліямъ ты тщился прибѣгать
Мой князь, когда хотѣлъ ты тайну ту познать,
Съ какою твердостью любовь я сокрывала?
Позналъ! — Но чемъ за то тебя я наказала!
Когдажъ отецъ твой въ ней сомнѣніе питалъ,
И смерти своего соперника искалъ
Я обманулася, и тайну всю открыла,
Чье сердце долженъ онъ пронзить, ему явила!

ФЕДИМА.

Почто, кажи, почто сіе воображать?
Почто бы царь хотѣлъ къ обманамъ прибѣгать?
Какая мысль его на то бы побуждала,
Коль стать съ нимъ предъ олтарь его ты упреждала?
Ксифараль онъ хотѣлъ на вѣки погубить?
Дѣла его должны съ словами сходны быть.
Онъ объявилъ, что рокъ ему повелѣваетъ
Тебя оставить здѣсь, и путь предпринимаетъ.
Онъ занятъ тѣмъ однимъ, я зрѣла на брегахъ
Распоряжающа его во всѣхъ мѣстахъ. —

Готовитъ корабли, и воинство въ нихъ
водитъ,
Ксифаръ всегда при немъ, онъ помощь въ
немъ находитъ.
Прилично ли сіе разгнѣваннымъ сердцамъ?
Не ясноль разговоръ отвѣтствуетъ дѣламъ?

МОНИМА.

Но между тѣмъ Фарнасъ подъ стражей пре-
бываетъ,
И царь соперника жестокость всю являетъ.
Какъ можно, чтобъ за тожъ Ксифару онъ
прощалъ?

ФЕДИМА.

Онъ дружбу къ Римлянамъ Фарнаса нака-
залъ. —
И мало въ томъ любовь участія имѣетъ.

МОНИМА.

Ахъ! Только тѣмъ однимъ мнѣ льститъ на-
дежда смѣетъ;
Сіе одно, сіе отраду подаетъ;
Однакоже Ксифаръ еще сюда нейдетъ.

ФЕДИМА.

Нетерпѣливость въ насъ всегда любовь раж-
даетъ,
Она покорство зрѣть во всемъ себѣ же-
лаетъ.

Винить за медленность судьбу и небеса.

МОНИМА.

Федима! — Какъ понять такія чудеса?
Послѣ двухлѣтнихъ мукъ, которыя ты знаешь,
Ужель теперь меня щастливой почитаешь?
Ахъ! — Что любезный князь? — Я быть могу съ тобой?
Ты въ гибель не введенъ нескромностью такой?
Ты свой увидишь долгъ; а я въ немъ добродѣтель?
Ты будешь вѣрности моей всегда свидѣтель?
Я зрѣть могу себя въ желанной толь судьбѣ!
Но что же ты нейдешь?

ЯВЛЕНІЕ II.

МОНИМА, КСИФАРЪ, ФЕДИМА.

МОНИМА.

Мой князь! Я о тебѣ,
Вѣщала здѣсь, ждала тебя, чтобъ объясниться,
Чтобъ ты позналъ....

КСИФАРЪ.

Пришелъ, пришелъ съ тобой проститься!

МОНИМА.

Проститься? Ты?

КСИФАРЪ.

На вѣкъ я разстаюсь съ тобой!

МОНИМА.

Что слышу? Царь сказалъ!... Увы, обманъ презлой!..

КСИФАРЪ.

Мой духъ по днесь еще врага сего не знаетъ,
Кой все царю открывъ, обѣихъ погубляетъ;
Фарнасовы слова не правдой онъ щиталъ,

Теперь незнаю кто, о всемъ ему сказалъ?
Онъ льститъ, притворствуетъ; но гнѣвъ
я примѣчаю.
Отъ самыхъ юныхъ лѣтъ сей скрытый
нравъ я знаю.
Воспитанъ при очахъ отца бывъ моего,
Сквозь взоры кротости я вижу гнѣвъ его.
Онъ всѣхъ тѣхъ удалить отсюда поспѣ-
шаетъ,
Которыхъ онъ давно ко мнѣ преданность
знаетъ. —
И бѣдства, кои мнѣ теперь предстоятъ,
Усердствуя, возмогъ открыть мнѣ ихъ Ар-
батъ.
Подшедъ ко мнѣ, сказалъ онъ, съ слезными
очами:
„Все знаютъ, скройся князь, скорѣй раз-
станься съ нами.
Симъ словомъ онъ меня, какъ громомъ пора-
зилъ!
Зря пагубу твою, сюда я поспѣшилъ.
Страшуся за тебя! — Страшусь въ моемъ
смущенье.
Царица, о себѣ прими ты попеченье
Ты здѣсь покорена свирѣпству власти злой,
Что крови не щадитъ во гнѣвѣ никакой.
Встревоженный мой духъ, открыть тебѣ
страшится,

Сколь ревность далеко въ отцѣ моемъ стре-
мится...
Быть можетъ къ одному, ко мнѣ сей гнѣвъ
кипитъ,
И жизнь мою прервавъ, тебя онъ сохра-
нитъ.
Ты строгимъ симъ небесъ воспользуйся ве-
лѣньемъ,
Не раздражай его своимъ сопротивленьемъ;
Покорствовать ему себя ты принуждай,
Что онъ мой есть отецъ, того не забывай.
Живи! — Проси Боговъ, чтобъ рокъ сіе ус-
троилъ,
Чтобъ только слезъ тебѣ, а больше я не
стоилъ.

МОНИМА.

Ахъ! — Я винна во всемъ!

КСИФАРЪ.

Не множъ мученій злыхъ. —
Не обвиняй себя въ нещастіяхъ моихъ.
Могули оскорбленъ когда я быть тобою?
Одинъ на свѣтѣ я, одинъ гонимъ судьбою;
Она мнѣ изъ отца могла врага явить,
Она долгъ матери велѣла позабыть;
А нынѣ всю свою жестокость устремляетъ,
Найдя врага, кой насъ обѣихъ погубляетъ.

МОНИМА.

Увы! — Иль не позналъ еще врага сего?

КСИФАРЪ.

Ко умноженью бѣдъ, не знаю я его!
Щастливъ, коль прежде чемъ пожертвую собою,
Могу измѣнника пронзить я сей рукою.

МОНИМА.

Такъ я теперь должна его тебѣ открыть.
Измѣнника, врага, преступника явить!...
Рази! — Отринь любовь и долгъ ко мнѣ почтенья!
Причиной я всѣхъ бѣдъ и люшаго мученья!

КСИФАРЪ.

Что слышу? ты!

МОНИМА.

Ахъ! Князь, когдабъ сіе ты зналъ
Какъ хитро на меня отецъ твой въ томъ напалъ?
Какимъ онъ искреннимъ тебѣ казался другомъ?

Какъ радовался зрѣть тебя моимъ супругомъ?
Ктобъ не повѣрить могъ?... Но нѣтъ, и яль должна
Такимъ притворствомъ быть его обольщена?
Трикратно Боги мнѣ, трикратно то внушали,
Трикратно тайно мнѣ молчать повелѣвали.
Ахъ! Должно было мнѣ все время имъ внимать,
Къ блаженству моему любовь къ тебѣ скрывать
И яду милостей его къ себѣ страшиться —
Карай и не принудь самой на то рѣшиться!

КСИФАРЪ.

Ахъ! Что сказала ты? Любовь тому виной,
Отъ милыхъ толь причинъ изходитъ ужасъ мой?
Излишня страсть ко мнѣ тебѣ въ томъ измѣнила
Ты недовольна тѣмъ, что щастье мнѣ открыла?
Что больше мнѣ желать? — Спокоенъ я средь золъ
Умру! — Но рокъ тебя возводитъ на престолъ.
Послѣдуй ты ему и не протився болѣ,
Покорствуй небесамъ, отца покорствуй волѣ

МОНИМА.

Какъ хочешъ ты, чтобъ онъ моимъ супругомъ былъ?
Тиранъ, которой насъ на вѣки разлучилъ!

КСИФАРЪ.

Не ты ли мнѣ сіе сего дня жъ обѣщала?
Вступить съ нимъ въ бракъ, меня не зрѣть предпринимала?

МОНИМА.

Но зналаль я тогда, его толь лютый нравъ?
Иль хочешъ чтобы всю жестокость испытавъ
Несносныхъ мукъ моихъ, тебя зря пораженна,
Въ крови твоей во храмъ предстала обагренна
И съединила бы ту руку я съ моей?
Увы!... Съ дымящеюсь еще въ крови твоей...
Спѣши, сокрой себя, отъ злобы убѣгая,
И время не теряй, совѣты мнѣ давая.
Покажетъ небо путь, оно тебя спасетъ!...
О Боги! Если онъ тебя со мной найдетъ?
Но что я говорю? — Идутъ! — Бѣги, скрывайся,
Но жребій чтобъ мой знать, ты жизнь хранить старайся!

ЯВЛЕНІЕ III.

МОНИМА, ФЕДИМА.

ФЕДИМА.

Въ какой опасности судили Боги быть?...
То царь идетъ!

МОНИМА.

Бѣги! — И помоги сокрыть
Скорѣй отъ глазъ его; но вспомни, чтобъ старался
Онъ жизнь хранить свою, судьбы бъ моей дождался!

ЯВЛЕНІЕ IV.

МИТРИДАТЪ, МОНИМА.

МИТРИДАТЪ.

Причина, кою скрыть я долженъ предъ тобой,
Велитъ не медленно отъѣздъ приближить мой. —
Межъ тѣмъ, на корабли какъ воинство вступаетъ,

Которое со мной путь дальній предпри-
маетъ. —
Пойдемъ, пойдемъ во храмъ обѣтъ мой со-
вершить,
И вѣчнымъ узломъ тамъ себя соединить.

МОНИМА.

Съ тобою государь?...

МИТРИДАТЪ.

Какъ смѣешъ колебаться?

МОНИМА.

Не самъ ли ты велѣлъ сей мысли удаляться?

МИТРИДАТЪ.

Имѣлъ причину я, теперь ее забудь. —
Желанью моему во всемъ послушна будь.
Надъ сердцемъ я твоимъ знай, воли не ли-
шился.

МОНИМА.

Почтоже волю ту, мнѣ такъ отдать стре-
мился?

МИТРИДАТЪ.

Не можешъ ты забыть любьви сея огня?

МОНИМА.

Не ужель государь, ты обманулъ меня?

МИТРИДАТЪ.

Невѣрная! — И ты, вѣщать мнѣ такъ дерзаешъ?
Ты, коя пламенемъ преступнѣйшимъ пылаешъ!
Межъ тѣмъ, какъ я тебя въ величьѣ возводилъ,
Измѣну злѣйшую мнѣ разумъ твой хранилъ,
Неблагодарная, жестокая въ обманѣ!
Злодѣйствующа мнѣ, лютѣй чемъ всѣ Римляне!
Ты какъ могла сіе изъ мыслей истребить?
Какою славой я хотѣлъ тебя почтить?...
Не зри во мнѣ царя нещастіемъ стѣсненна,
Зри побѣдителя, трепещетъ что вселенна!
И вспомни, какъ меня Эфесъ боготворилъ,
Какъ царскимъ дщерямъ всѣмъ тебя я предпочтилъ?
Какія для тебя союзы я оставилъ,
Какое множество державъ тебѣ представилъ?
Ахъ! — Ежели тогда непобѣдима страсть,
Являла въ милостяхъ моихъ тебѣ напасть,
Почто толь дальній путь, почто предпринимала?
Почто тогда сію любовь ты сокрывала?
Иль только ты ждала нещастья моего,
Чтобы открыть ее, какъ я лишусь всего —

Какъ будетъ гнать меня жестокая судьбина?
Какъ ты утѣхой мнѣ останешся едина?...
Тогда, какъ я хочу обиду позабыть,
И въ сердцѣ всѣ мои нещастія сокрыть;
Прошедшее ты мнѣ напоминать дерзаешъ,
Когда я оскорбленъ, меня же обвиняешъ!
Еще тебѣ, еще преступны мысли льстятъ!
О небо! — Ахъ! Чего, достигнулъ Митридатъ?
Какое тайное во мнѣ очарованье,
Удерживаетъ гнѣвъ, отводитъ наказанье!
Воспользуйся ты сей минутой, что дарю.
Я повелѣлъ. — Иди, впослѣдній говорю.
Опасностей не множъ для сына дерзновенна,
Котораго не зрѣть на вѣки осужденна.
Ты вѣрность для него, ко мнѣ не истребляй,
Теряя взоръ его и память погубляй.
За милости мои къ признанью обратися,
Чемъ заслужить сіе прощеніе стремися.

МОНИМА.

Признательность сію могули я забыть,
Чрезъ кою рокъ велѣлъ твоей мнѣ вѣчно быть?
Хоть родъ мой опъ царей великихъ и зтекаетъ,
Ихъ слава дальняя меня не ослѣпляетъ.
Я знала государь, сколь ниже рождена

Союза, къ коему была я суждена.
Я склонность всю мою, съ надеждой истре-
била
О сынѣ, коего достоинства толь чтила —
Когдажъ мнѣ сей вѣнецъ былъ ирисланъ отъ
тебя,
Забыла я его, забывъ сама себя.
Мы жертвовать тебѣ въ томъ оба поло-
жились,
Навѣки не видать другъ друга мы рѣшились.
Ужъ пламенства въ тѣни, спалъ пламень по-
гасать,
Не смѣли на судьбу мы даже въ томъ ропт-
тать.
Хоть муки тяжкія, обѣихъ насъ терзали,
Мы знали, что твое тѣмъ щастье состав-
ляли.
Ты самъ о государь! То бремя низложилъ,
Которому меня разсудокъ покорилъ.
Тогда, какъ я уже въ себѣ торжествовала,
Какъ пламянь сей любьви погасшимъ почи-
тала,
Предметъ котораго скрывался ужъ отъ
глазъ,
Ты хитростью постигъ меня въ тотъ са-
мый часъ!
Открылась я во всемъ!... Поддерживать ужъ
должно,
Хоть былобъ для тебя забыть сіе возможно.

Но стыдъ признанія въ ужасной тайнѣ сей,
Лишъ смертью можетъ быть забвенъ въ
душѣ моей.
Я буду мнить всегда, что ты невѣрность
знаешь!...
Какой о государь! Ты бракъ мнѣ предла-
гаешъ?
Мой духъ скорѣе гробъ теперь бы предпо-
челъ,
Коль страшное сіе ты право преобрелъ
Подозрѣвать меня, стѣсненну злой тоскою,
Что я въ невѣрности винна предъ тобою!

МИТРИДАТЪ.

Такъ это твой отвѣтъ? Ты мнѣ не угождать
Дерзаешъ, и еще возможешъ отвергать!..
Подумай ты о томъ... Я жду, чтобы рѣ-
шиться.

МОНИМА.

Напрасно устрашить, твой гнѣвъ меня
стремится,
Я вѣдаю себя, и нравъ я знаю твой,
Зрю всѣ нещастія собравшіясь надъ мной.
Но такъ положено! — Я ужасъ презираю.
Суди, что говорить съ тобою такъ дерзаю;
Зри какъ я кротостью моей пренебрегла,
Которой завсегда послушна толь была!...

Какимъ ужаснымъ зломъ меня ты покры-
ваешъ?
Ты сына твоего, рукой моей пронзаешъ.
Невинную любовь мой духъ его открылъ,
Родительску къ нему всю нѣжность истре-
билъ! —
Онъ долженъ умереть! — Познай, сколь ни
пылала
Взаимная любовь; но злобы не питала;
Послѣ сего суди, преступницу карай!
Жестокость всю свою, и власть употреб-
ляй.
Прощенья болѣе себѣ я не желаю,
И все, что у тебя еще просить дерзаю,
Вѣрь добродѣтели и правдѣ въ томъ моей
Что только я одна винна въ любови сей!
Твое желаніе исполненно бы стало,
Коль сердцебъ болѣе Ксифару въ томъ вни-
мало!

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

МИТРИДАТЪ.

Она сокрылася, а я, то зря молчу. —
Какъ будто оправдать вину ея хочу!
Коль мало для сего уже потребно было,
Чтобъ сердце въ строгости меня не обвинило?
Что зрю? Монималь то? — И яли Митридатъ? —
Нѣтъ, нѣтъ пусть муки всѣ измѣнниковъ разятъ!
Я познаю себя. — Мой гнѣвъ пересталъ скрываться. —
Съ отъѣздомъ здѣсь моимъ пускай три жертвы зрятся! —
Я въ Римъ предпринялъ путь. — Такъ жертвою такой,
Преклонимъ взоръ боговъ, смягчимъ свой жребій злой....
Я долженъ, я могу. — Сокрылась ихъ подпора,
Уже мятежники далеко отъ Босфора.
Почто мнѣ разбирать, кого изъ нихъ люблю?
Пойду — и прежде всѣхъ Ксифара кровь пролью!

Но что за бѣшенство?... Ахъ! Что предпринимаю?
Кѣмъ жертвую? Увы! — Я сына погубляю!—
Кой страшенъ Римлянамъ, кой можетъ имъ отмстить,
Мнѣ толь потребну кровь возможно ли пролить?
Въ нещастьѣ, что во всемъ свирѣпствѣ показалось,
Иль много у меня друзей еще осталось?
Помыслимъ, вспомянемъ родительскую кровь.
Мнѣ нужны мстители, нужна ли мнѣ любовь?
Коль должно мнѣ ее, коль должно ужъ лишиться,
Не лучшель сыну мнѣ отдать ее рѣшиться?
Отдамъ. — Но какъ? — Увы! — Не тщетноль говорю?
Я слабость своего лишъ сердца только зрю.
Люблю! — Боготворю! Какъ снесть сіе мнѣ можно? —
Вотъ новая вина — Такъ, наказать мнѣ должно!
Излишно гнѣвъ во мнѣ любовью ослѣпленъ,
Погибнетъ пусть она, и будетъ сынъ спасенъ.
Воспримемъ твердость всю, пусть нѣжность удалится —

Свершу, что положилъ!... Чегожъ мой духъ спрашится?
Кто руку мщенія внезапно удержалъ?...
Не меньшели я ихъ виновныхъ наказалъ?
Монима! Сынъ драгой! Гнѣвъ тщетной! Край печали!...
А вы о Римляне! — Когдабъ о томъ узнали,
Какое торжество для васъ мой видѣть стыдъ,
Смущеніе, боязнь, жестокихъ тьму обидъ!..
Отъ самыхъ рукъ драгихъ измѣны я боялся.
Привычку къ яду взять затѣмъ давно старался.
Успѣлъ къ нещастію, успѣлъ въ томъ Митридатъ. —
Сильнѣшій не вредитъ ему на свѣтѣ ядъ. —
Но Ахъ! Достойнѣе, достойнѣй въ лѣта зрѣлы,
Знать способъ отвращать любьви опасны стрѣлы,
И сердце отъ нее хранить всегда умѣть,
Которо начало отъ лѣтъ уже хладѣть.
Какъ выдти мнѣ изъ бѣдь, что такъ меня смущаютъ?...

ЯВЛЕНІЕ VI.

МИТРИДАТЪ, АРБАТЪ.

АРБАТЪ.

Все войски государь ослушность изъявляютъ —
И не хотятъ идти. — Фарнасъ имъ то сказалъ,
Что новую войну на Римъ ты предпріялъ.

МИТРИДАТЪ.

Фарнасъ!...

АРБАТЪ.

Онъ обольстилъ его стрегущихъ воевъ. —
Страшатся всѣ Римлянъ! — Не зрится ужъ героевъ.
Всѣмъ представляются различныхъ тьмы смертей. —
Иные во слезахъ объемлютъ берегъ сей,
Иные съ кораблей въ валы себя ввергаютъ,
Иные на пловцовъ оружье обращаютъ.
Вездѣ смятеніе и не внимаютъ намъ,
Всѣ миру требуютъ, грозятъ пристать къ врагамъ.
Фарнасъ начальствуетъ, Фарнасъ ихъ поощряетъ,

И миръ отъ Римлянъ имъ надежно обѣщаетъ.

МИТРИДАТЪ.

Измѣнникъ!.. Поспѣши, Ксифара призови,
Да онъ со мной въ его омоется крови!

АРБАТЪ.

Намѣренье его предъ мной сокрыто было.
Не знаю, что его на пристань устремило?
Вѣщаютъ, будто онъ собравъ своихъ друзей,
Соединилъ себя съ толпой мятежной сей.
Вотъ все, что могъ узнать....

МИТРИДАТЪ.

Сего не доставало!
Злодѣй! — Ахъ! Мщеніе мое зрю опоздало!
Но я ихъ не страшусь, — и дерзость всю презря...
Пойдемъ, покажемъ имъ разгнѣванна царя —
Отъ взоровъ коего измѣнники смятутся,
Увидя мщеніе, проступка ужаснутся!
Пойдемъ, и дерзскихъ двухъ сыновъ пронзимъ сей часъ!

ЯВЛЕНІЕ VII.

МИТРИДАТЪ, АРБАТЪ, АРКАСЪ.

АРКАСЪ.

Познай, о государь! Бунтовщики, Фарнасъ
И съ ними Римляне, весь градъ сей окружили

МИТРИДАТЪ.

Что слышу? Римляне! —

АРКАСЪ.

Ужъ войскомъ брегъ покрыли,
И стѣны осадить они сіи спѣшатъ.

МИТРИДАТЪ.

О небо! — Упредимъ!...
къ Аркасу.
Внемли. — Бѣды грозятъ. —
Но мщеніе мое не ложно совершится,
Нещастіемъ моимъ она не насладится.

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

МОНИМА, ФЕДИМА.

ФЕДИМА.

Куда стремишся ты? Что хочешъ ты начать?
Престанешъ ли ты смерть въ рукахъ своихъ искать?
Изъ Діадимы какъ, ты хочешъ непремѣнно,
Содѣлать для себя орудіе смертельно?
Не терпятъ боги, зри, проступковъ таковыхъ,
Они прервали прядь ее въ рукахъ твоихъ! (1)

---

(1) По словамъ Плутарха, должно заключать что Діадима сія была ничто иное какъ повязка сотканная, или сплетенная изъ золотыхъ шнуровъ перенизанныхъ драгоцѣнными каменьями, когда Монима могла ее спустить и хотѣла ею удавиться.

МОНИМА.

Увы! Почто меня, почто ты такъ терзаешъ?
Почто окончить жизнь мою мнѣ запреща-
ешъ?
Ксифаръ! — Ксифаръ ужъ мертвъ! — На-
дежду царь губя,
Въ отчаяньи своемъ ждетъ смерти для себя.
Зри скорьбь мою, внемли моихъ стенаній
гласу!...
Иль хочешъ ты меня, увы! Предать Фарнасу?

ФЕДИМА.

Но Ахъ! — Пожди еще, отринувъ мысль сію,
Узнаемъ, точно ли, онъ кончилъ жизнь свою?
Въ смятеньи страшномъ, что теперь повсю-
ду зрится,
Легко взоръ каждаго возможетъ ошибиться.
Не ложной слухъ о томъ уже во градѣ былъ
Что онъ къ мятежникамъ себя соединилъ;—
А нынѣ новую молву вдругъ разгласили,
Что мѣжъ противъ его оружье обратили.
Суди о томъ сама, и дай мнѣ въ семъ от-
вѣтъ

МОНИМА.

Ксифаръ уже не живъ, сомнѣнія въ томъ
нѣтъ.
Предчувствія мои свершить себя успѣли,
Хотябъ плачевной сей мы вѣсти не имѣли,

Онъ умеръ, духъ мой то неложно заключилъ.
Ты знаешъ, сколько онъ Римлянамъ страшенъ былъ,
Какую ненависть они къ нему стремили?
Ахъ! Тѣмъ они свои побѣды утвердили...
Какова имъ врага, онъ могъ собой являть?
Скажи мнѣ, чемъ могу себя я оправдать?
Не яль причиною всѣхъ случаевъ нещастныхъ?
Не зрюль проступковъ я вездѣ моихъ ужасныхъ?
Онъ мною множествомъ убійцъ сталъ окруженъ;
Какъ можетъ быть отъ ихъ ударовъ онъ спасенъ?
Хоть сохранилсябъ онъ отъ Римлянъ и отъ брата,
Не предалаль его я мщенью Митридата?
Одна я ревность всю межъ ихъ возжечь могла
Одна причиною раздоровъ всѣхъ и зла! —
Ихъ люпость чрезъ меня взаимная пылаетъ!—
Увы! — И мною Римъ всю славу утверждаетъ!
А я живу еще? Сколь духъ ни пораженъ,
Жду, чтобъ предсталъ Фарнасъ врагами окруженъ
И радость изъявилъ отцеубійства люпу!..

Ахъ! кажетъ тьму путей мнѣ смерть въ
сію минуту.
Вотще меня, вотще ты хочешь удержать,
Вотще стремишся мнѣ путь къ гробу пре-
граждать.
Вездѣ найдетъ его отчаянна Монима...
А ты нещастна пкань, печальна Діадима!
Стократно въ горести омытая слезой,
Всѣ муки и бѣды содѣлались тобой!
Когда окончить жизнь тобой я предпріяла,
Почто въ сей помощи плачевной отказала?
Прочь! — Скройся отъ очей, престань яв-
лять себя!
Я знаю, чемъ могу жизнь кончить безъ тебя!.
Пусть дни и руку ту сразитъ безсмерт-
ныхъ сила,
Что первой на меня знакъ бѣдъ сей возло-
жила!..

ФЕДИМА.

Престань, идутъ сюда — Кого я зрю? Ар-
касъ!
Онъ точно посѣщилъ, чтобы спокоить
насъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

МОНИМА, ФЕДИМА, АРКАСЪ.

МОНИМА.

Ужель свершилось все? — Ужель Фарнасъ
приходитъ?

АРКАСЪ.

Не спрашивай меня, что тамо происходитъ..
Къ обязанности я опредѣленъ презлой,
Сей ядъ, власть царскую являетъ предъ
тобой!

ФЕДИМА.

Жестокая судьба!...

МОНИМА.

Какое утѣшенье!...
Подай! — Скажи Аркасъ царю благодаренье..
Дары, онъ коими досель меня почтилъ,
Какъ сей, мнѣ ни одинъ толико не былъ милъ
Спокойна я теперь, мнѣ небо помогаетъ!..
Ничто, ничто ужъ жизнь прервать не за-
прещаетъ.
Итакъ, свободна я! — Онъ щедръ возмогъ
толь стать,
Что разъ хоть допустилъ собой распоря-
жать.
Щастливой я себя стократно почитаю,
Что жизнь несносную и муки всѣ кончаю.

ФЕДИМА.

Увы!...

МОНИМА.

Печаль свою и слезы ты сокрой,
И тѣмъ не возмущай душевныхъ силъ покой.
Коль сердце дружество твое ко мнѣ хранило;
Тогда о мнѣ, тогда потребно плакать было,
Когда изъ Греціи, любезной толь страны,
Мы были въ варварской сей край увлечены.
Теперь спѣши ты къ тѣмъ народамъ возвратиться. —
Коль имя въ памяти мое у нихъ хранится.
Повѣдай имъ мою и славу и бѣды,
Да время повѣсти не скроетъ сей слѣды!...
А ты, котораго нещастье разлучило
Съ тѣмъ сердцемъ, что тебѣ навѣкъ подвластно было;
Герой, съ которымъ я престала вмѣстѣ жить,
Съ которымъ я свой прахъ не смѣю съединить,
Зри жертву, что тебѣ Монима посвѣщаетъ,
И ядъ сей, кровь твою, мой князь, да оправдаетъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

МОНИМА, АРБАТЪ, ФЕДИМА, АРКАСЪ.

АРБАТЪ.

Постой! — Остановись! —

АРКАСЪ.

Что хочешь ты Арбатъ?

АРБАТЪ.

Постойте! Чрезъ меня велитъ то Митридатъ.

МОНИМА.

Ахъ! Дайте кончить мнѣ...

АРБАТЪ.

Бросаетъ ядъ.

Еще разъ! отступите —
И волю царскую свершить мнѣ не претите
Живи! — А ты Аркасъ, мое усердье зря,
Бѣги, и извѣсти скорѣй о томъ царя.

ЯВЛЕНІЕ IV.

МОНИМА, АРБАТЪ, ФЕДИМА.

МОНИМА.

Чему меня, чему жестокой подвергаешь?
Иль съ лишкомъ легкою, ты казнь мою щи-
таешь?
Иль царь завидуя, кончинѣ таковой,
Мнѣ множествомъ смертей явить гнѣвъ
хочетъ свой?

АРБАТЪ.

Ты здѣсь узришъ его... Сколь горесть ни-
скрываю...
Прольешъ потоки слезъ, прольешъ о немъ,
я знаю.

МИНИМА.

Что слышу? — Царь!...

АРБАТЪ.

Увы! — Онъ смерти при врашахъ
Остатокъ свѣта зритъ еще въ своихъ
очахъ. —
Несома воинствомъ, и кровью обагренна
Я зрѣлъ его, и съ нимъ Ксифара огор-
ченна!

МОНИМА.

Возможноли? Ксифаръ! О небо! — Иль то сонъ?
Ксифаръ еще не мертвъ, и здѣсь предстанетъ онъ?
Ксифаръ, котораго толь слезы омывали!...

АРБАТЪ.

Онъ живъ средь торжества и мрака злой печали.
О смерти слухъ его, кой въ градѣ пущенъ былъ,
Подобно какъ тебя, всѣхъ горестью сразилъ.
Не разъ Римляне то съ весельемъ возгласили,
И воиновъ сердца сей вѣстью охладили.
Самъ царь обманутъ тѣмъ, лилъ токи слезъ о немъ,
Увѣренъ бывъ уже въ нещастіи своемъ;
Тѣснимъ Римлянами, и сыномъ дерзновеннымъ,
Надежду потерявъ, страшась быть побѣжденнымъ;
Онъ скорьбь души своей подвигнулъ за предѣлъ,
Какъ Римскаго орла, средь войскъ своихъ узрѣлъ,
Тогда презрѣвши смерть, сокрывъ сердечны муки,

Бояся, чтобъ не впасть живому Римлянъ въ руки,
Сперьва онъ ядовъ всѣхъ свирѣпство испыталъ,
Смертельнѣйшими что въ природѣ почиталъ;
Но всякой ядъ надъ нимъ безъ дѣйствія явился.
Онъ зря сіе сказалъ: „Не тщетноль я трудился?
„Не тщетноль къ ядамъ я старался привыкать;
„Лишился помощи они, что могутъ дать?—
„Но путь надежнѣйшій къ кончинѣ я открою,
„И смертію моей печаль Римлянъ удвою.
Сказалъ, и не смотря на силу, кою зрѣлъ,
Чертоги отворить предъ ними повелѣлъ.
Увидя то чело, что слава украшала,
Ту руку, коя страхъ и смерть межъ ихъ бросала;
Смутилися враги, ударились назадъ,
Побѣгли въ ужасѣ, и оставляя градъ,
Спѣшили въ корабли они свои тѣснить?
Но какъ могло сіе О небо! Совершиться?
Фарнасъ забывши стыдъ, Фарнасъ ихъ одобрилъ,
И съ новымъ на отца свирѣпствомъ устремилъ.—

Со мной, съ остаткомъ войскъ которой защищался
Кто можетъ описать, сколь страшенъ показался
Во гнѣвѣ царь врагамъ? — Какъ сильно поражалъ?
Съ ужаснымъ взоромъ какъ удары сопрягалъ?
Какія чудеса рука его являла,
И какъ конецъ его всѣхъ подвиговъ вѣнчала?
Онъ въ прахѣ и крови сугубилъ страшну сѣчь
Изъ тѣлъ сраженныхъ имъ воздвигнулъ горы мечь.
Но вскорѣ полкъ другой Римляней мы узрѣли,
Враги оставя бой, соединясь хотѣли,
Чтобъ множествомъ ихъ силъ повергся Митридатъ —
Но онъ — довольно рекъ: довольно ужъ Арбатъ
„Покрылись славой мы; — Мнѣ мечь еще остался,
„Что живъ я въ руки сихъ тирановъ не достался!
При сихъ словахъ его, въ свою вонзилъ онъ грудь;
Однакожъ рокъ еще продлилъ ко смерти путь.
Онъ палъ въ объятія ко мнѣ окровавленный,
Зря въ слабости часы дыханья продолженны,

Негодованья взоръ за медленность являлъ.
Тушъ руку онъ поднявъ мнѣ сердце указалъ,
Прося тѣмъ вѣрнаго удара и кончины! —
Межъ тѣмъ какъ видя я жестокость всю судьбины
Хотѣлъ чрезъ смерть свою его предъупредить! —
Какъ вдругъ внезапной крикъ могъ взоръ мой обратить,
Взглянулъ, и ктобъ возмогъ премѣнѣ сей повѣрить?
Кто удивленье могъ мое тогда измѣрить?
Узрѣлъ бѣгущихъ вспять Фарнаса и Римлянъ
Смущенье, ужасъ ихъ со всѣхъ увидилъ странъ;
Спѣшили въ корабли оставя мѣсто боя.
Какогожъ небеса послали намъ героя? —
Ксифаръ! — Ксифаръ себя съ побѣдою явилъ.

МОНИМА.

О! Боги праведны!

АРБАТЪ.

Онъ вѣрность сохранилъ.
Толпа мятежниковъ Фарнасомъ отдаленна,
Его стѣснила вдругъ отъ войска удаленна
Но храбростью онъ путь возмогъ себѣ открыть,
Успѣвъ отважнѣйшихъ мгновенно поразить.
Другіе жъ зря сіе, всѣ въ бѣгство обратились,

Тутъ новой славою дѣла его покрылись:
Напавъ на Римлянъ, онъ побѣду совершилъ,
И въ радости къ отцу на помощь поспѣшилъ. —
Но какъ узря его, онъ тяжко возмутился?
Вздохнулъ, и жизнь пресѣчь въ отчаяньѣ рѣшился!
Едва успѣли мы тутъ руку удержать;
А царь слабѣе мнѣ возмогъ еще сказать:
„Спѣши царицу спасть отъ смертнаго удара.
Страшася за тебя, страшася за Ксифара
И тайну волю я изъ словъ его познавъ,
Сколь ни былъ утомленъ, остатокъ силъ собравъ
Спѣшилъ сюда скорѣй, и щастье въ томъ щитаю,
Что жизнь твою, и съ ней Ксифара я спасаю.

МОНИМА.

О какъ мой духъ, О, какъ сей вѣстью пораженъ!
Нещастный царь! — Итакъ твой жребій совершенъ:
Увы! — Но Боги мнѣ еще благоволили,
Что руку не мою къ тому употребили;
Что плакать я могу о бѣдствіяхъ твоихъ,
Не бывъ участницей, или виною ихъ.
Но се, идетъ онъ самъ, жестокая судьбина!
О небо! Кровь отца и слезы вижу сына.

ЯВЛЕНІЕ V.

МИТРИДАТЪ, МОНИМА, КСИФАРЪ, АРБАТЪ, ФЕДИМА, АРКАСЪ, ВОИНЫ СТРАЖИ МИТРИДАТОВОЙ *его поддерживающіе.*

МОНИМА.

Что зрю я государь? — Увы! О жребій злой!

МИТРИДАТЪ.

Отри поки слезъ, и стонъ прерви ты свой.
Обратясь къ Ксифару.
Судьба моя отъ васъ сей жертвы не желаетъ;
И чувствій не такихъ, не воплей ожидаетъ.
Блескъ славы, коимъ я возмогъ себя покрыть
Слезами помраченъ отнюдь не долженъ быть;
Я мстилъ за цѣлый свѣтъ, сколь силы доставало,
Паденіе мое намѣренье прервало.
Къ Римлянамъ вѣчну я, вражду въ душѣ питалъ,
Щастливъ, что въ жизнь мою оковъ ихъ не позналъ
Изъ славныхъ всѣхъ именъ, что въ вѣчности блистаютъ,
Всѣ, коихъ Римлянамъ врагами почитаютъ,
Никто какъ я, никто толь вреденъ не былъ имъ,
Никто не подвергалъ ихъ бѣдствіямъ такимъ.

Пресѣкло небо жизнь, въ желаньи положенномъ,
Чтобъ умеръ въ Римѣ я мной въ пепелъ обращенномъ;
Но рокъ при смерти мнѣ тѣмъ участь усладилъ
Что я въ крови враговъ еще себя омылъ.
Я ихъ бѣгущихъ зрѣлъ, трепещущихъ удару!
Симъ щастьемъ одолженъ въ послѣдній разъ Ксифару.
Онъ могъ отъ взоровъ ихъ меня освободить.
Почто не въ силахъ я его вознаградить,
Всей славою моей, престола вышней властью.
Но ты ему открыть возможешъ путь ко щастью.
Ты мнѣ осталася, позволь, чтобъ онъ пріялъ,
Всѣ чувства отъ тебя, которыхъ я желалъ
Да наградится онъ сей долей вожделенной.

МОНИМА.

Живи, о государь! Для щастія вселенной.
Живи чтобъ вольность всѣхъ народовъ защищать,
И надъ тиранами ея торжествовать. —
Живи для мщенія...

МИТРИДАТЪ.

Я жилъ. — Мой рокъ свершился

Хочу, мой сынъ, хочу, чтобъ ты всегда
стремился
Отъ множества враговъ моихъ себя хранить.
Римляне сей свой стыдъ не могутъ поза-
быть,
Ихъ сила страшная здѣсь скоро появится.
Сиѣши скорѣи отъ нихъ ты бѣгствомъ со-
храниться.
Въ честь праху моему ты время не теряй
Покрытый трупами востокъ и здѣшній край
Мой будетъ памятникъ. — Свершилось все
ты знаешь.
Приближтесь съединю...

КСИФАРЪ.

Мнѣ бѣгство предлагаешь!
Чтобы съ Римлянами Фарнасъ оставленъ
сталъ,
Безъ мщенья за тебя?

МИТРИДАТЪ.

Довольно. — Я сказалъ.
Фарнасъ измѣною своей не насладится,
И казнь ему за то отъ Римлянъ совер-
шится.
Но меркнетъ свѣтъ въ очахъ. — Конецъ
я вижу свой.
Приближся ты ко мнѣ о сынъ любезной
мой!
И въ сихъ объятіяхъ, еще что простираю

Тебѣ принять мою я душу поручаю.

МОНИМА.

Увы! Онъ кончилъ жизнь!

КСИФАРЪ.

Ахъ, Скорьби мѣры нѣтъ,
Къ отмщенью за него подвигнемъ цѣлый свѣтъ,

Конецъ Трагедіи

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

БИБЛИОТЕКА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

		Стр.
Трагедіи	АГАМЕМНОНЪ . .	1.
	АЛЕКСАНДРЪ ВЕЛИКІЙ	119.
	МИТРИДАТЪ . .	233.

Погрѣшности.

Напечатано	*Читай.*
22. Преданнымъ	преданныхъ
35 Меия	меня
38. И раскаававъ	и расказавъ
47. Ташаръ.	Таршаръ.
64. нородъ	народъ
79. души	души
96. Фурій	Фуріи.
128. Опустшуенны	Опустошенны.
130. Но что мы видимъ ихъ	Но что? Мы видимъ ихъ.
140. На роднаго	На гордаго
153. Полками	Толпами
165. уже	ужъ
170. Такилъ	Таксилъ
310. кажи	скажи
322. И зпекаетъ	йспекаетъ
324. Винна.	виновна.
332. спустить	распустить
339. Минима	Монима
341. Тѣснить	тѣснится
342. Что живъ	чтобъ живъ
343. Ошдаленна	ошдѣлѣнна
345. поки	потоки.